

714
17-2
37.01

**ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ**

ПЕСТАЛОЦЦИ

А. П. ПИНКЕВИЧ

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

СЕРИЯ БИОГРАФИЙ

ЖИЗНЬ

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ПОД ОБШЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

М. Горького, Мих. Кольцова, А. Н. Тихонова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: М. Горький, акад. С. И. Вавилов, проф. Б. М. Гессен, проф. И. Э. Грабарь, М. Е. Кольцов, Н. В. Крыленко, А. В. Луначарский, проф. А. П. Пинкевич, Н. А. Семашко, В. М. Свердлов, А. Н. Тихонов, проф. А. Н. Фрумкин, проф. О. Ю. Шмидт.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

МОСКВА 1933

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ВЫПУСК V—VI

Проф. А. П. ПИНКЕВИЧ

И. Г. ПЕСТАЛОЦЦИ

12. I. 1746 — 17. II. 1827

В КНИГЕ 14 ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

МОСКВА 1933

●

Обложка П. Алякринского
Технический редактор Л. Г. Герасимов
Корректор А. П. Татарникова

Учоди. Главлита В—51 511 Учл. № 172 Зак. тип. 176 Тираж 40 000 экз.

Колич. знаков в сум. листе 88 000. Стат А₁—148×210 м. Колич. бум. листов 4

Книга сдана в производство 15 января 1933 г. Подписана к печати 17 апреля 1933 г.

Отпечатано в 7-й типографии «Искра революции» Москва, Арбат, Филипповский пер., 13.

И. Г. Песталоцци в эпоху французской революции 1789 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕТСТВО

(1746 — 1761)

«Генри чудачок из страны чудиков»

(Школьное прозвище Песталоцци)

ИОГАНН Баптист Песталоцци, врач-практик, хирург и окулист, умер на 33 году жизни. Его дети — шестилетний Иоганн Баптист, пятилетний Иоганн Генрих и только что родившаяся Анна Варвара остались на попечении их матери, Сусанны Песталоцци, и преданной семейству Песталоцци служанки, Варвары Шмид.

Маленький Генрих Песталоцци воспитывался в тесно-замкнутом кругу своей семьи. О его брате и сестре мы почти ничего не знаем. Известно только, что старший брат в 1780 г. отправился в Америку и там пропал без вести, а сестра в 1779 г. вышла замуж за купца Гросса в Лейпциге. Этим исчерпываются наши сведения о них. Почти нигде, — ни в своих воспоминаниях, ни в своих статьях, переполненных автобиографическими данными, — Песталоцци не упоминает ни о брате, ни о сестре. Повидимому, это были люди без ярко выраженной индивидуальности, а может быть вообще очень далекие Песталоцци.

Зато влияние матери и прислуги Варвары, или, как он ее постоянно называет, «Бабели», было огромно, — по крайней мере Песталоцци вспоминает о них во многих своих работах.

Узкий круг семьи и школы, изредка поездки к своему деду пастору определяют жизнь Песталоцци в течение его детства и юности. Приходя из школы, маленький Песталоцци буквально замыкался в той единственной комнате, в которой жила вся семья, и большую часть времени проводил за чтением под наблюдением матери и Бабели. Он не играл на улице, как большинство детей его возраста, детские шалости, детские игры были ему чужды.

Песталоцци, как он сам выражается, «видел свет лишь в пределах комнаты своей матери и в столь же узких пределах своей школьной комнаты». «Настоящая человеческая жизнь,— пишет он дальше,— была для меня почти настолько же чужда, как если бы я совсем не жил в свете, в котором я жил на самом деле».

Воспитание, которое давала ему мать, характеризовалось чрезвычайной религиозностью. Каждый шаг мальчика был регламентирован на основе того или другого религиозного догмата, впечатлительный ребенок систематически отравлялся религиозным ядом.

Песталоцци был окружен исключительным вниманием и заботливостью двух женщин, посвятивших себя детям. Особенно много сделала для детей Бабели, отказавшаяся от личной жизни и целиком отдавшая себя семье Песталоцци. Из прислуги, положение которой мало чем отличалось в то время от положения крепостного раба, она постепенно сделалась почти равноправным членом семьи, организатором небольшого хозяйства Песталоцци.

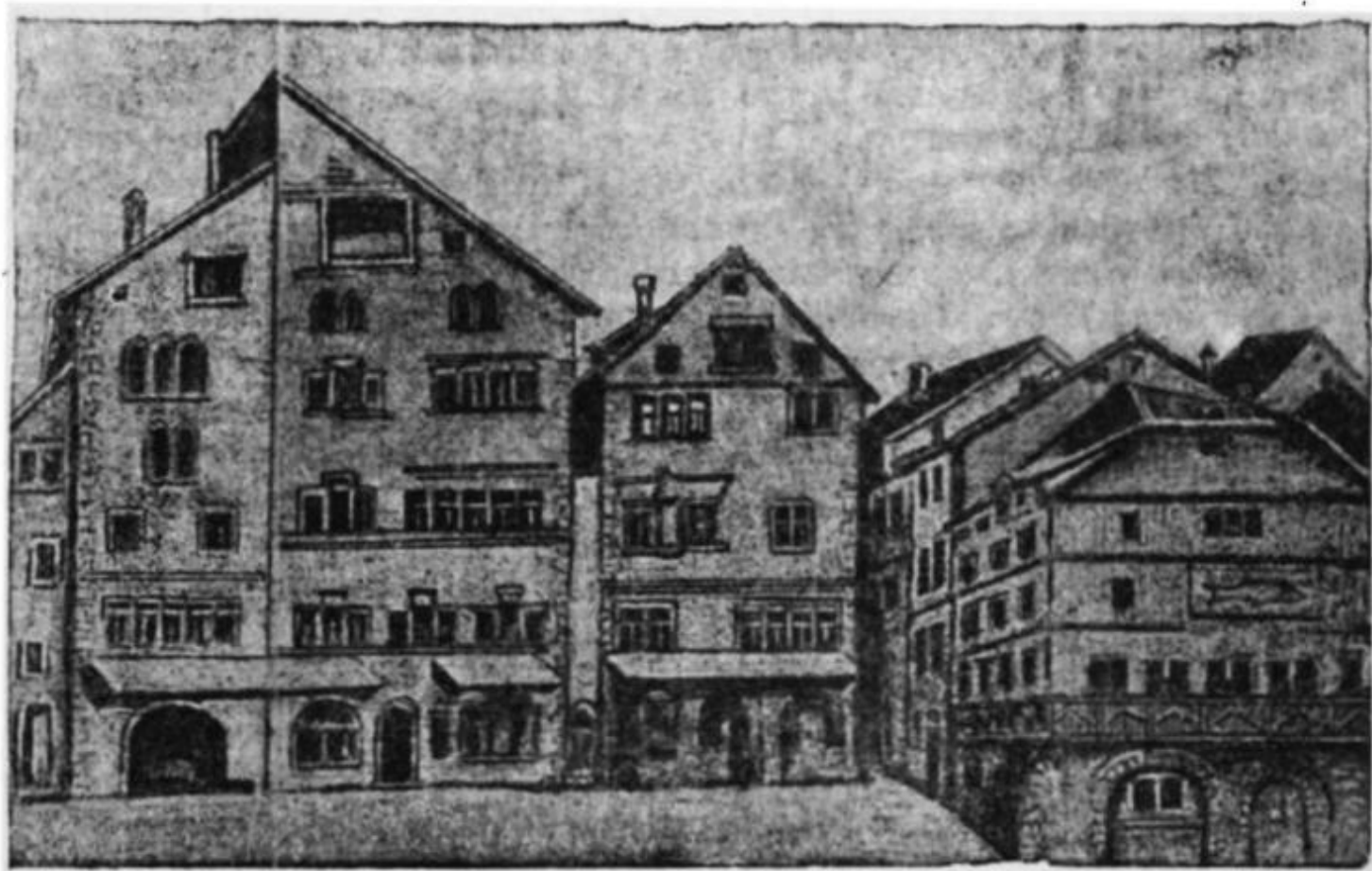
Варвара Шмид поступила в услужение за несколько месяцев до смерти отца. По словам Песталоцци, отец, чувствуя приближение смерти, призвал Варвару и сказал ей: «Бабели, не покидай моей жены, когда я умру; она погибнет, дети перейдут в чужие руки, она без твоей помощи не будет в состоянии их воспитать». На это девушка ответила умирающему: «После вашей смерти я не покину вашей жены и останусь при ней, если я ей буду нужна».

Семья Песталоцци жила бедно. Имелись кое-какие небольшие средства, но, во всяком случае, только при условии крайней бережливости можно было сводить концы с концами. И тут роль Бабели была исключительна. Для того, чтобы на несколько крейцеров дешевле купить корзину капусты или овощей, она по три-четыре раза ходила на рынок и улучала момент, когда торговцы собирались расходиться. Эта бережливость доходила даже до того, что, когда дети собирались пойти гулять на улицу или вообще хотели куда-нибудь пойти, Бабели задерживала их со словами: «Зачем без пользы портить платье и обувь, вы видите, как ваша мать во всем себе отказывает, чтобы воспитать вас, как она по целым месяцам никуда не выходит и бережет каждый крейцер, необходимый для вашего воспитания».

Мать Песталоцци, мало практичная и неопытная, стремилась создать видимость известного мещанского благополучия. Бабели торговалась из-за каждого крейцера и запрещала детям лишний раз выйти на улицу, чтобы не испортить нарядные, праздничные платья, которые по возвращении домой бережно снимались; вообще мать и Бабели из последних средств тянулись, чтобы поддержать различные обычаи, требующие довольно больших расходов, вроде новогодних

подарков и т. п. Когда в семье Песталоцци бывали гости, то «единственная комната в квартире искусно обращалась в гостиную».

От природы Песталоцци был слабого здоровья и рано начал обнаруживать ту исключительную впечатлительность, ту почти болезненную восприимчивость к различным явлениям жизни, которые сделали его в дальнейшем человеком «с обнаженными нервами». Его эмоциональность была ярко выражена уже в самом раннем детстве. Чувства, а не размышления, эмоции, а не логика, характеризовали маленького Песталоцци, так же как эти же черты впоследствии опре-

Дом, в кот ром родился Песталоцци

деляли практическую деятельность известного всему миру Генриха Песталоцци. Десятки и сотни прочитанных книг, — сказок, романов, сборников мифов и т. п. — развили его воображение, его фантазию, и это наложило печать на все его развитие. Бесхарактерное воспитание в атмосфере ласки, доходившей до сактиментальности, в атмосфере морализирования, переходившего в мистику, также способствовало тому, чтобы воспитать из Песталоцци человека мало практичного, мечтателя, фантаста, самоотверженно стремящегося к красивым, благородным, хотя бы и неосуществимым целям. Маленький Песталоцци рано проявлял полное пренебрежение ко всему тому, что в данный

момент его не интересовало, но зато он отдавался целиком тому, что затрагивало его чувство, что действовало на его воображение.

Все то, что требовало серьезной, постоянной, хладнокровной, расчётливой работы, тщательного наблюдения и исследования, было трудно для него. Сила Песталоцци и тогда была в области чувства, в области стремительных порывов его натуры, но не в основательном, хладнокровном расчёте. Он был добр до самозабвения, он был впечатлителен до истерики и слез, вспыльчив до исступления — горячее, пламенное сердце билось в этом тщедушном, слабом, некрасивом ребенке.

Он рано стал чувствовать боль, страдания других людей, он не мог пройти равнодушно мимо какой-нибудь несправедливости, мимо какого-нибудь несчастья. Его сердце требовало действия, помощи тем, кто был несчастен, кто страдал. Исключительная эмоциональность натуры, соединенная с нервозностью, воображение, доходящее до фантазерства, заставляли его делать поступки, вызывавшие общее недоумение. Встретив на окраине города нищего, он отдавал ему серебряные пряжки с ботинок, так как у него в этот момент с собой не было денег. Когда он сталкивался с несправедливостью, он смело выступал против: он бешено кидался на сильнейших, он дерзко говорил правду в глаза старшим. Немудрено, что как позже во время практической деятельности, так и в юности он не знал равнодушного к себе отношения тех людей, с которыми он сталкивался. Над ним или насмехались, или его любили горячо и крепко.

Выше было сказано, что Песталоцци время от времени посещал своего деда пастора. Эти посещения имели то огромное значение, что они рано познакомили Песталоцци с бытом швейцарских крестьян, находившихся тогда в исключительно тяжелом положении. Это было время знаменитого первоначального накопления капитала, от которого так страдало прежде всего крестьянство. Та характеристика, которую за несколько десятков лет до этого дал французским крестьянам Ла-Брюер, без особого преувеличения могла быть применена и к крестьянам швейцарским. Ла-Брюер, как известно, писал: «видишь каких-то диких зверей, самцов и самок, рассыпавшихся по полю, черных, багровых, совершенно сожженных солнцем, привязанных к земле, которую они взрывают и перепахивают с непобедимым упорством; у них как будто бы членораздельный язык, но когда они поднимаются на ноги, то у них оказывается человеческое лицо,— и в самом деле это люди. На ночь они удаляются в берлогу, где живут черным хлебом, водой и кореньями. Они избавляют других людей от труда сеять, пахать и собирать, чтобы жить, и поэтому заслуживают права не есть тот хлеб, который ими посеян».

Уже в эти годы Песталоцци проникается живейшим чувством и симпатией к крестьянам, уже в эти годы в нем предчувствуется будущий идолог крестьянства, будущий народник со всеми его реакционными и прогрессивными чертами. Его тянули к себе крестьяне, он проводил в их семьях много времени и часто выходил вместе с ними в поле и помогал им в их работе.

В Швейцарии того времени в разных районах существовал различный политический строй. От Германии она отпала давно (1648), правление носило характер аристократических республик, но самый характер этих республик был неодинаков. В Берне, например, большое значение имела землевладельческая аристократия, «патриции»; в Цюрихе — строй был более демократичным, здесь большую роль играли цеха и торговый капитал.

В Цюрихе власть принадлежала «Большому совету», состоявшему из 200 представителей родовой аристократии и двенадцати цехов. Большой совет выбирал «Малый совет», а последний выделял «Тайный совет» из 12 человек, которые и правили всем кантоном.

Кантон разделялся на «фогтства», во главе которых стояли «фогты», обладавшие очень большой властью и назначаемые Цюрихом. Они — в большинстве случаев — и были злейшими врагами крестьянства, влачившего поистине жалкое существование.

Небезынтересно привести некоторые факты, характеризующие положение крестьян.

Крестьянин был связан по рукам и ногам. Только коренные жители городов (бюргерство) могли принадлежать к цехам, изучать соответствующее ремесло; лишь такие ремесла, как портняжное, сапожное и кузнечное, считались ремеслами крестьянскими, которые выполнять городскому гражданину было зазорно. Заниматься другими ремеслами было запрещено крестьянам. Крестьянин не мог свободно торговать продуктами, которые он произвел. Так, цены на виноградное вино устанавливал город в лице виноторговцев; крестьянин не имел права красить и белить приготовленные на дому ткани. Он принужден был носить платье из небеленого и некрашеного полотна или такого же сукна. Если же крестьянин хотел иметь платье из крашеного полотна или сукна, он должен был сперва продать свое изделие в город и затем купить его снова.

Ни один крестьянин не имел права одалживать другому деньги меньше чем из 5%. Если он нарушал закон, то у него отбиралась половина одолженной суммы. Городские купцы занимались ростовщичеством и не хотели иметь конкурентов.

Права охоты в лесах крестьяне не имели. Крестьянин мог лишь участвовать в охоте, организуемой горожанами. Добыча, конечно, попадала в руки последних.

Дети крестьян не имели права поступать в городские средние школы. Школы же в деревнях находились в ужаснейшем положении. Там господствовал катехизис, чтению учили кое-как, а письму и счету в деревенских школах и совсем не обучали.

Феодальные путы, с одной стороны, разгул героев первоначального капиталистического накопления — с другой, характеризовали тот период. Купцы, «патриции» богатели, общее экономическое положение Швейцарии было относительно высоким, — тем тяжелее было положение крестьянства.

Впечатлительный ребенок рано почувствовал эту обездоленность, этот гнет, и в течение всей жизни мысль о бедных, о крестьянах, сочувствие к ним жили в сознании Песталоцци.

В год смерти своего отца Песталоцци поступил в начальную школу.

Швейцарские начальные школы в городе, как и вообще европейские школы XVIII в., были немногим лучше деревенских и владели самым жалким существованием. Неудивительно, что о той элементарной школе, в которой Песталоцци вначале учился, у него осталось весьма плохое воспоминание.

Обучение сводилось к заучиванию наизусть молитв, библейских текстов, катехизисов, к обучению письму и элементарному счету. Учителя были невежественны и не пользовались у учеников никаким авторитетом. Начальная школа имела от трех до пяти классов. Песталоцци окончил школу в три года и перешел затем в латинскую с пятью классами при семилетнем курсе. Таких латинских школ в Цюрихе было две (*Schola Abbatissana* и *Schola Carolina*).

Песталоцци обучался и в той и в другой. Сперва в *Schola Abbatissana* а до 1757 г. и в *Schola Carolina* до 1761 г. Можно думать, что обучение в них шло более или менее нормально, так как он в семь лет кончает курс и поступает в следующую школу, так называемый *Collegium Humanitatis*, составлявший переход уже к действительно высшему учебному заведению — *Collegium Carolinum* (Каролиnum).

Песталоцци прошел школу относительно легко.

Он был слаб и болезнен, однако его сверстники сообщают, что во многих случаях он проявлял большое упорство и мужество. Один из биографов, отмечая его смелость, пишет: «свое мужество он доказал уже в своей молодости и тогда, когда он решительно становился на защиту слабейших учащихся или учащихся из деревни, и тогда, когда

он сам резко выступал против учителя в том случае, если последний пристрастно относился к тому или другому учащемуся, и тогда, когда он во время землетрясения вытаскивал книги из качающегося школьного дома — один, так как все его товарищи вместе с учителем с криками и плачем покинули помещение».

Песталоцци мужественно вел настоящую борьбу против учителей, которых он не уважал. Следующий случай, описанный им самим, достаточно характеризует его в этом отношении.

Французская школа XVIII века

(Современная гравюра)

«Я должен был учиться и петь, как и все остальные дети, но не имел никакого музыкального слуха. Пьяный учитель пения Кауфман захотел меня научить правильно слышать при помощи побоев. Это меня настолько возмутило, что я вместе с другими детьми, сидевшими рядом со мной, выкинул пьяного человека с моей скамьи и затем побежал к тогдашнему заведующему школой и заявил, что никогда не вернусь в школу, если мне придется хотя бы в течени одного часа учиться у Кауфмана. Заведующий школой понял, что я прав, и разрешил мне отныне каждую среду вечером в то самое время, когда происходил урок пения, идти домой. Прямо невероятно до чего этот случай содействовал развитию моего стремления к независимости! Я получил право каждую неделю на глазах у неспра-

ведливого учителя, дискредитируя его перед всеми учениками, брать подмышку мои книги в тот самый момент, когда он входил в комнату, и с криком «Vale bene, domine praeseptor»¹, выбегать из класса».

И в то же время во всех детских играх, по свидетельству самого Песталоцци, он был самым неловким и беспомощным из всех сверстников... «Впрочем, большинство любило меня за мое добродушие и мою услужливость, хотя и знали мою односторонность и неловкость, равно как и мою беззаботность и недогадливость во всем, что меня не интересовало».

Действительно Песталоцци, будучи одним из лучших учеников, часто делал такие ошибки, которых не сделал бы самый худший ученик в классе. Это происходило от того, что Песталоцци успевал в том, что ему нравилось, успевал в том, что он любил, а к тому, что ему не было интересно, он обычно не прилагал никакого усилия. Естественно, что некоторые из товарищей стали считать его чудаком, и один из них дал ему прозвище, о котором Генрих Песталоцци вспоминает в работе, написанной через семьдесят лет, а именно один из тех, кто особенно отличался в различных проделках по отношению к Песталоцци, дал ему прозвище «Генри чудаков из страны чудаков».

Нужно думать, что обучение не было слишком глубоким и слишком серьезным в этой латинской школе. Песталоцци, как известно, даже и в зрелые свои годы, даже тогда, когда он был во главе большого педагогического института, формально не был особенно грамотным человеком, он не очень хорошо знал географию, плоховато знал математику и французский язык, и даже по-немецки писал всегда с ошибками.

На формирование его характера и вообще на формирование его мировоззрения, кроме тех влияний, которые на него преимущественно в смысле привития ему религиозности оказывала мать, чрезвычайно большое влияние оказало пребывание в тех школах, в которые он перешел после окончания латинской школы; именно там складывается мировоззрение Песталоцци, именно там впитывает он передовые идеи своей эпохи и получает тот основной интеллектуальный багаж, которым пользуется в дальнейшей своей литературно-практической деятельности. Можно условно принять, что детство Песталоцци кончилось после выхода из латинской школы, и в следующие годы мы перед собой видим человека, живущего общественной жизнью и живо реагирующего на самые разнообразные события как в литературной, так и в политической области.

¹ До свиданья, господин учитель!

ГЛАВА ВТОРАЯ

МОЛОДЫЕ ГОДЫ ПЕСТАЛОЦЦИ

(1761 — 1769)

«Слушайте и запомните навсегда, что только полнейшее уничтожение тиранов спасает от того, чтобы они больше не вредили».

(Песталоцци. «Агис».)

ПЕРЕХОД в Collegium Humanitatis явился крупным событием в интеллектуальной жизни Песталоцци. Это учебное заведение, представлявшее собою что-то вроде старших классов гимназии или подготовительных курсов к высшей школе, среди своих педагогов имело несколько бесспорно очень живых людей, весьма образованных, весьма популярных у своих учеников. Из них в особенности надо отметить Бодмера и Брейтингера.

Эти два имени были широко известны и за пределами Швейцарии, главным образом в Германии. Они возглавляли в литературе т. н. «цюрихскую школу», боровшуюся против педантизма известного Готтшеда (1700—1766), немецкого (германского) писателя, критика и историка литературы, узкого рационалиста и сторонника поучающей, морализирующей литературы («лейпцигская школа»). Бодмер и Брейтингер выступали в защиту «сердца» против «рассудка» (рационализма), за творческую фантазию, оправдывали введение чудесного в художественную литературу, ратовали за Мильтона и Клопштока. Победа оказалась на стороне цюрихцев. Характерно, что литературная борьба эта велась с обеих сторон с необыкновенной яростью и в таком стиле, что Шлоссер (известный немецкий историк) должен был характеризовать ее в следующих весьма выразительных словах: «нельзя достаточно надивиться грубости и дикости эпохи, в которую несколько лет сряду можно было вести такие пошлые и дикие споры». И тот и другой по отзыву Песталоцци, были мало практичные, хотя и воодушевленные самыми наилучшими намерениями люди: «независимость, самостоятельность, благотворительность, способность к самопожертвованию и любовь к отечеству» были их лозунгами.

«Нас фантастически учили, — продолжает дальше Песталоцци. — искать самостоятельность в словесном знакомстве с истиной, не давая нам живо почувствовать потребность в том, что было необходи-

мо для упрочения нашей внутренней и нашей внешней домашней и гражданской самостоятельности. Дело доходило до того, что мы еще в детстве воображали себя прекрасно подготовленными поверхностными школьными знаниями великой греческой и римской общественной жизни к маленькой работе в одном из швейцарских кантонов».

Влияние этих профессоров-литераторов на их слушателей было огромно. Именно их влиянием следует объяснить то, что Песталоцци всегда был врагом рационализма, по крайней мере теоретически.

Под их руководством Песталоцци с увлечением занимается древними языками, философией, много читает, знакомится с новыми идеями в педагогике, в частности с сочинениями Руссо, который тогда только что опубликовал свой знаменитый роман «Эмиль или о воспитании». Идеи Руссо особенно восхищали молодого Песталоцци. Руссо клеймил современную культуру, требовал воспитания, сообразного с природой, заставлял своего героя воспитываться в деревне, вдали от города, среди крестьянства, предлагал обучать Эмиля ремеслам и т. п. Все это очень соответствовало настроениям Песталоцци. Одновременно образы классической древности, рассказы Плутарха все более и более экзальтируют впечатлительного юношу, который уже в это время становится тем фантазером-народником, которым он был в течение большей части своей сознательной жизни. Симпатии к угнетенному крестьянству выражаются в форме крайнего патриотизма, фетишизации идеи родины, любви к народу, причем под последним Песталоцци прежде всего понимает всех бедняков, всех угнетенных господствующими классами.

Один из сверстников Песталоцци рассказывает о том, что Песталоцци ему как-то сказал: «любовь к отечеству и восстановление прав подавленного населения так волновали мое сердце в юности, что я готов был пойти на всякие средства, чтобы освободить его, и я легко мог в то время стать убийцей тех, кто казался мне в тот период деспотом».

С этого момента Песталоцци начинает принимать участие в политической жизни страны. В это время (1762—1767) в Швейцарии было неспокойно. С одной стороны, глухое недовольство деревни городом, недовольство, которое очень настойчиво выражалось в течение XVIII в. в крестьянских восстаниях то в том, то в другом кантоне; с другой стороны, резкие противоречия в самом городе между патрициатом и нарождавшейся городской буржуазией, противоречия между ремесленниками и остальными группами города. Все это в течение второй половины XVIII столетия создавало большое оживление среди швейцарской интеллигенции: образовывались различные политические кружки, появились различные политические журналы, живо обсуждались литературные проблемы и т. д. Цюрих

был на первом месте. Недаром он получил тогда прозвище «Афиц на Лиммате»¹.

Швейцария была страной по преимуществу земледельческой, однако в городе, отчасти в связи с бегством гугенотов из Франции, принесших с собою в Швейцарию более высокую промышленную культуру, довольно интенсивно развивалась промышленность. На востоке и северо-востоке развивается хлопчатобумажная промышленность, в Цюрихе и Базеле — шелковое производство, на западе — производство часов и т. п. Естественно, что в городе особенно обострилась борьба против феодальных привилегий городской аристократии, фактически удержавшей в своих руках власть. Таким образом оппозиционное и порою революционное движение в Швейцарии питается как недовольством деревни, так и теми противоречиями, которые развертываются в городе.

В соседней Франции общественная жизнь, конечно, была более насыщена событиями; там острее сталкивались классы, острее шла борьба со старым; там возникали мощные философские, литературные и политические группировки, отражавшие бурный порыв буржуазии к господству; там действуют десятки крупнейших мыслителей, писателей и публицистов, поднятых волной классовой борьбы до высот бессмертия: Вольтер, Руссо, Гольбах, Гельвеций, Ламетри, Монтескье и мн. др. придают своей деятельностью необычайный блеск этой эпохе; «третье сословие» объединяет все живые силы страны, трепещут феодалы — дворяне и епископы, явно шатается трон короля.

В Швейцарии, даже в Цюрихе — по сравнению с этим кипением — политическая жизнь течет тихо. Но небольшой тонкий слой оппозиционных власти демократов там имеется, он питается французской философской и политической литературой, он отражает происходящее во Франции, так как известная почва для революционного брожения есть и в Швейцарии.

Цюрих, находящийся в немецкой Швейцарии, естественно тяготеет к Германии, культурно он весьма связан с ней. Однако политическое влияние передовой Франции было сильнее того что в этом отношении давала отсталая Германия, хотя и сильная своими мастерами художественного слова, мастерами эпохи «бури и натиска» (Гете, Геодер, Шиллер, Лессинг, Клопшток и т. д.).

Песталоцци был связан с оппозиционными кругами города и в то же время он, как мы уже видели выше, чувствовал себя ближе к крестьянству. Поэтому не удивительно, что Песталоцци на шестнадцатом году своей жизни примыкает к оппозиционным кружкам, из которых особенно яркую политическую установку имел кружок.

¹ Лиммат — река, вытекающая из Цюрихского озера.

основанный Бодмером в 1762 г. под названием «Гельветическое общество у скорняков», называвшийся так потому, что собрания общества происходили в помещении цеха скорняков. Члены кружка в широкой публике получили название «патриотов».

Общество находилось под сильнейшим влиянием идей Руссо, и не случайно оно образовалось в том году, когда по приказу парижского парламента был разорван палачом и публично сожжен «Эмиль» Руссо. Главною своей целью общество ставило улучшение и поднятие нравственной, политической и экономической жизни страны. Члены общества собирались еженедельно и обсуждали доклады из области истории, политики, морали, педагогики. Между прочим в это время в обществе обсуждались следующие вопросы: «о происхождении, росте, правах, свободах и роли в государстве нашего родного города», «человек природы», «о необходимости ликвидировать наказания», «о политическом воспитании», «основы политического благополучия», «о цюрихском воспитании», «о духе общественности в нашем городе» и т. д.

Естественно, что господствующая партия аристократов Цюриха была весьма недовольна деятельностью этого общества. Бодмер в одном из писем сообщает: «я заслуживаю своей деятельностью кислые физиономии наших аристократов».

Деятельность Песталоцци и патриотов не ограничивалась только заседаниями кружка и литературными выступлениями. Кружок неоднократно выступал практически, активно борясь с людьми, которых он считал преступными. Так, в 1763 г. по инициативе друзей Песталоцци Лафатера и Фюссли, членов кружка Бодмера, было начато громкое дело против ландфогта (Landvogt) Гребеля. Преступления Гребеля, его вымогательства, взяточничество, ограбление крестьян были широко известны, однако его поддерживали патриции из Цюриха, и он оставался безнаказанным. Выступления «патриотов» привели к суду, в результате которого Гребель был осужден. Однако цюрихские власти нашли, что Лафатер и Фюссли занимались не тем, чем нужно, и рассматривали их тоже как обвиняемых. Впрочем, дело для них прошло благополучно, а кружок «патриотов» получил широкую известность.

Год спустя, в 1764 г., они подняли дело против цехового мастера Бруннера, обвинявшегося в ряде преступлений. Повидимому Бруннер был сам убежден в своей виновности, так как он бежал из Цюриха. Тем не менее, хотя виновность его была очевидна, власти заочно оправдали Бруннера.

Не менее громким было выступление «патриотов» против пастора Готтингера, в результате чего Готтингер был на два года отстранен от своей должности. Однако и тут не обошлось без неприятностей

для «патриотов». Два члена кружка, поднявшие дело, были арестованы, а третий, «патриот» Шинц, имел большие неприятности со стороны властей и долго находился под их подозрением.

Именно в это время разыгралось известное «женевское дело», толчком к которому был тот же «Эмиль» Руссо. После того как «Эмиль» Руссо был сожжен в Париже, магистрат женевской республики поспешил последовать примеру Паризжа и сжег «Эмиля», а заодно с ним и «Общественный договор». Один из женевцев, — капитан Пикте, в частном письме выразил резкое осуждение поступку Женевского совета, правившего городом. Копия этого письма попала в руки совета, и Пикте был присужден к тюремному заключению. Городская буржуазия воспользовалась этим случаем, как поводом для нападения на аристократов; было выставлено требование не только отмены приговора над Пикте, но и отмены приговора над «Эмилем» Руссо.

Аристократия оказала сопротивление. Начались столкновения между городской буржуазией и аристократами. Аристократы, почувствовав шаткость своего положения, обратились за помощью в Цюрих, Берн и Францию, «чтобы спасти отечество». Из Цюриха, Берна и Франции отправились «посредники», которые в течение очень длительного времени разбирали тяжбу между буржуазией и аристократами. За этой борьбой следила вся Швейцария. Представители Берна и Цюриха поддержали швейцарскую демократию. Тогда Франция устами герцога Шуазеля заявила, что она прерывает всякие отношения со Швейцарией, высылает всех женевцев из Франции и требует, чтобы Цюрих и Берн немедленно послали свои войска в Женеву и примерно наказали зачинщиков и «демагогов». Однако ни Берн ни Цюрих войск не послали. Франция закрыла границу, прекратила всякую торговлю, — но Женева осталась спокойной, порядок в ней не был нарушен, инцидент был впоследствии исчерпан путем мирных переговоров.

Женевское дело вызвало сильнейшее возбуждение в Цюрихе. Аристократы хотели во что бы то ни стало послать войска в Женеву, однако демократические круги населения были настолько резко настроены против этого, что совет города так и не решился этого сделать.

Во всех этих событиях Песталоцци принимал самое живейшее участие. В то время он был экзальтированным поклонником Руссо. Как только появился «Эмиль», он, по его словам, до энтузиазма увлекся этой «мечтательной книгой».

«Я сравнивал воспитание, полученное мною в доме моей матери, а также в той школе, которую я посещал, с тем, что Руссо предлагал и требовал для воспитания своего Эмиля. Домашнее и общественное воспитание всего света и всех сословий представлялось мне в каком-

то безусловно искалеченном виде, и против этого жалкого состояния его по-моему следовало искать и можно было найти универсальное целебное средство в высоких идеях Руссо. И вновь ожившая благодаря Руссо идеалистически обоснованная система свободы пробудила во мне фантастическое стремление к более широкому, плодотворному для народа кругу деятельности».

В «женевском деле», которое разыгралось именно из-за Руссо, Песталоцци, как было сказано, принял самое живое участие. Вернемся, однако, на время к его школьным занятиям.

Из Гуманитарной коллегии весной 1763 г. Песталоцци поступает в «Коллегиум Каролинум», имевший три класса — филологический с годичным курсом, философский с полуторагодовичным и богословский с двухгодичным курсом. В отличие от своего брата Баптиста, который не окончил Гуманитарной коллегии, Песталоцци шел как в этой Коллегии, так и в Каролинуме нормально. Каролинума он все же не окончил. Он пробыл в нем от весны 1763 г. до осени 1765 г., т. е. всего 2½ года. Он прошел только два курса — первый филологический и второй философский. В декабре 1765 г. он должен был перейти в богословский класс после соответствующего экзамена. На экзамен этот Песталоцци не явился и поэтому должен был бы быть оставлен в философском классе.

Кто-то из биографов писал, что Песталоцци не пришел на экзамен из страха провалиться. Это предположение неверно, так как абсолютно не вяжется с общим обликом Песталоцци того времени, обликом молодого, смелого, оппозиционно, почти революционно настроенного юноши. Другое объяснение: Песталоцци в это время был болен; возможно, болезнь и была поводом для неявки на экзамен. В одном из писем к невесте, написанном в июле 1767 г., Песталоцци, говоря о своем здоровье, сообщает, что в течение последних двух лет он страдает лихорадкой, которая неоднократно принимала за это время тяжелые формы. Следовательно, именно с 1765 г. Песталоцци начал болеть.

Но это могло быть только поводом. Мы уже видели, что Песталоцци со всей энергией включился в общественно-политическую жизнь того времени и именно в этот период начал активно выступать и как литератор, и как участник оппозиционного кружка «патриотов». Более верным является предположение, что настроение молодого Песталоцци и участие в общественной жизни, в которую он кинулся с обычной для него яростью чувств, резко противоречили содержанию обучения в богословском классе. Песталоцци видел перед собой другой путь служения народу. Он был тогда ярым поклонником Руссо; несмотря на всю свою религиозность, врагом клерикализма и церковности, он стремился к практической деятельности, а потому пер-

Песталоцци в молодости
(по современному рисунку, Шультгеса)

спектива пробыть еще целых два года за богословскими занятиями не могла привлечь Песталоцци.

Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что еще в начале того же самого 1765 г., в конце которого он покинул Каролинум, Песталоцци принял участие в журнале «патриотов», носившем своеобразное название — «Напоминатель». Этот журнал сплошь и рядом выражался «эзоповским языком». Он принужден был во избежание цензурных гонений писать о разных нейтральных вещах, о событиях в древнем Риме и в древней Греции, пытаясь между строк протаскивать оппозиционные и даже революционные идеи. Невольно напрашивается сравнение с «эзоповской» литературой дореволюцион-

ной России: и тогда почти все революционные и оппозиционные писатели прибегали к иносказательному, напоминающему басни (Эзоп—доевне-греческий баснописец) языку. Так во многих случаях писал Салтыков-Щедрин, Некрасов, Чернышевский — почти все крупные писатели царской России. Неудивительно, что журнал этот просуществовал всего два года. В нем мы находим бесспорно принадлежавшую Песталоцци статью под названием «Пожелания», где в замаскированной форме «пожеланий», большей частью в иронической форме, делались намеки на события, происходившие тогда в Швейцарии и в частности в Цюрихе. Так, например, в «пожелании», помеченном № 39, Песталоцци пишет: «Я желаю, чтобы появились политические сатиры на новомодные учения о государстве, которые вырвали бы из сердец наших граждан идеи свободы и права». Совершенно очевидно, что Песталоцци намекает здесь на «Общественный договор» Руссо, причем иронический оборот этой фразы безусловно ясен.

Не менее характерна и другая работа, написанная, вероятнее всего, в том же 1765 г. — «Агис». Она была напечатана в «Линдауском журнале». Хотя эта работа сопровождалась указанием на то, что никакого отношения к современным событиям описываемое не имеет, что это перевод и комментарии речи Демосфена, все содержание этого будто бы «перевода» с совершенной очевидностью говорит о вполне современной установке «Агиса». Агис — это молодой спартанский царь, погибающий в борьбе за лучшее будущее своей страны.

Следующее весьма характерное для настроения Песталоцци место находим мы там, где описывается смерть Агиса. «Леонид становится царем Спарты, тиран убьет тебя (Агиса)!.. От руки тирана ты должен погибнуть! — Слушайте, люди, не убивающие всегда тиранов, а рекомендуемые их только изгонять, слушайте и запомните навсегда, что только полнейшее их уничтожение спасает от того, чтобы они больше не могли вредить».

Несколько дальше Песталоцци поясняет это в следующих словах: «Леонид был изгнан, и если бы Агис его не спас, то Спарта была бы застрахована от его возвращения, а теперь вместо этого — уничтожение навеки законов Ликурга, рабство Спарты и твоя смерть, Агис, как следствие твоей мягкости. Ах, какое следствие подобной сентиментальности!»

Песталоцци, стремящийся отдать свою жизнь народу, Песталоцци, призывающий к убийству тиранов, не мог сесть на скамью студентов богословия и заняться толкованием священного писания. Поэтому, если Слезень и сыграла какую-нибудь роль, то лишь роль повода к

уходу из Каролинума. По существу в Каролинуме тогдашнему Песталоцци нечего было делать.

Вернемся теперь к участию «патриотов» и Песталоцци в «женевском деле», поведшему к закрытию кружка и почти полному прекращению политической деятельности его членов. В связи с известным уже нам событием была составлена подпольная прокламация под названием «Крестьянский разговор». Эта прокламация была сочинена неким Мюллером, юным богословом и домашним учителем, прочитана на собрании кружка и, нужно думать, им одобрена. Основное содержание прокламации — призыв к крестьянам и цюрихским войскам отказаться идти на Женеву, если их туда пошлют. Как было сказано выше, в то время (1767 г.) имело место «посредничество» Франции, Цюриха и Берна.

Приведем конец «Крестьянского разговора».

Крестьянин говорит: «И теперь мы должны идти туда и подавить их силой? Это было бы гнусностью, позором перед богом и честью. После этого нельзя было бы верить никакой власти! Что бы сказал мой старый добрый дед, если бы он еще жил! И если это так, пусть меня лучше разорвут на части, чем я сделаю хотя бы один шаг по направлению к Женеве. Клянусь богом я не пойду, и этим все сказано!»

Нет ничего удивительного, что это произведение окончательно вывело из себя цюрихские власти, и они обрушились со всей силой на кружок. «Патриоты» где к тому времени Песталоцци играл одну из руководящих ролей, убеждали Мюллера явиться к властям и открыто заявить о своем авторстве. Достоинство кружка «патриотов», по их мнению, этого требовало. В связи с этим Песталоцци несколько раз посетил Мюллера; Мюллер же после этих разговоров предпочел скрыться. Дело представили так, что «патриоты», в том числе Песталоцци и Лафатер, в особенности первый, уговорили Мюллера бежать и помогли ему в этом. Песталоцци был арестован и находился под арестом трое суток, после чего был отпущен, так как никаких доказательств его соучастия в деле Мюллера не могли найти. Однако их судили, «возмутительное» произведение было присуждено к сожжению палачом, Мюллер лишен сана и навсегда изгнан из Швейцарии. В случае его появления на территории Швейцарии, он должен был быть немедленно арестован.

Кружок «патриотов» обязали оплатить расходы на покупку дров для сожжения рукописи. Двое из «патриотов» потеряли свою стипендию в Каролинуме, Песталоцци и те, кто вместе с ним был арестован, должны были возместить расходы по их содержанию во время ареста.

Все эти постановления не укротили «патриотов» и, несмотря на то, что они находились в положении людей преследуемых, они всем своим поведением подчеркивали свою солидарность с Мюллером. В одной из старых рукописей рассказывается, что в тот момент, когда производилось торжественное сжигание произведения Мюллера. Песталоцци вместе с другими товарищами находился на балконе расположенного по близости дома; молодежь вела себя при этом весьма непринужденно: демонстративно хохотали, громко разговаривали.

Все это происходило в начале 1767 г. Этот год в жизни Песталоцци имеет особое значение. В начале его он был арестован, в середине года он потерял ближайшего друга — Блюнчли, в конце Анна Шультгес стала его невестой. Тогда же он окончательно выбирает профессию и начинает к ней готовиться, проходя, так сказать, ученический стаж в области сельского хозяйства у известного бернского патриция и сельского хозяина Чиффели. По некоторым сведениям, Песталоцци весной этого года начал было заниматься юридическими науками, предполагая посвятить себя карьере юриста. Если даже это и верно, то его занятия правом были очень непродолжительны. Тогда же он вступает в купеческое сословие, что давало ему право гражданства в Цюрихе.

Песталоцци рассказывает, — правда, в сочинении, написанном через 60 лет, — что на него чрезвычайно повлияли предсмертные слова его друга Блюнчли, который за несколько часов до смерти сказал ему следующее: «Песталоцци, я умираю, ты же, став самостоятельным, не бросайся ни в какие предприятия, которые могли бы быть для тебя опасными при твоём добродушии и доверчивости. Ищи спокойного, тихого поприща и, не имея около себя человека со спокойным, хладнокровным знанием людей и вещей, не пужайся в рискованные предприятия, неудача которых чем-либо могла бы быть для тебя опасна».

Это будто бы и толкнуло Песталоцци к тому, чтобы поселиться в деревне среди народа, — правда, на положении относительно крупного собственника, — и помогать народу, организуя его обучение и содействуя увеличению его заработка. Он хотел, по его словам, «незаметно оказывать благодетельное влияние на окружающих». Этот план ему так понравился, что он «внезапно принял решение посвятить себя земледелию». Так как Чиффели пользовался в качестве сельского хозяина большой известностью, его имение считалось образцовым, то Песталоцци решил пойти к нему в науку и действительно пробыл у него в имении с 7 сентября 1767 г. до начала июня 1768 г. За это время он перечел много сельскохозяйственных книг, изучил теорию сельского хозяйства, много практически работал. «Я ушел от него, — пишет он, — великим сельскохозяйственным мечтателем со многими грандиозными и верными взглядами и надеждами относитель-

но земледелия в той же мере, как я прибыл к нему в качестве мечтателя горожанина со многими грандиозными и правильными городскими познаниями, взглядами и надеждами».

В 1768 г. он организует покупку 30—40 гектаров земли в местности, которая всеми считалась весьма неплодородной, но которая могла быть, по мнению Песталоцци, сделана плодородной. Как выяснилось впоследствии, Песталоцци был в своих предположениях совершенно прав. Действительно почву оказалось возможным улучшить, и через 25—30 лет после покупки это имение стало приносить значительный доход, но для того, чтобы добиться этого, нужно было иметь, кроме капитала на покупку, еще и капитал на ее эксплуатацию и мелиорацию. Капитала у Песталоцци не было. Поэтому Песталоцци сразу же оказался в относительно тяжком положении. Землю он купил совместно с неким банкиром Шультгесом, предоставившим ему довольно большой кредит. Этот Шультгес был дальним родственником его будущей жены Анны.

С земледелием Песталоцци намеревался соединить торговлю скупаемыми продуктами домашней промышленности крестьян, кроме того он организовал раздачу пряжи (хлопка) крестьянам, получая от них обратно на известных условиях готовые изделия. Таким образом Песталоцци хотел сразу же соединить торговлю, земледелие и промышленность в своих руках.

Таким образом, молодой народник, хотевший помочь крестьянам, начал с того, что стал одним из эксплуататоров того же крестьянства. В этом отношении Песталоцци разделил судьбу многих других утопистов: Томас Мор создал коммунистическую утопию и был первым министром у короля, Роберт Оуэн был ярким пропагандистом социализма и обращался к королям за помощью в осуществлении своих утопий, а раньше и сам был совладельцем фабрики и т. д.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЛЮБОВЬ

«Я потерял все силы, все спокойствие и завяшу теперь целиком от Вас».

...«Хотя я буду нежнейшим супругом, я все же останусь равнодушным к слезам жены, если увижу, что она хочет удержать меня от исполнения обязанностей гражданина».

(Из писем Песталоцци к невесте)

В КРУЖОК цюрихских «патриотов» входило несколько девушек. Среди них своей красотой и образованностью выделялась Анна Шультгес. Песталоцци встречался с ней неоднократно, издали восхищался ею, но никогда не пытался обратить на себя ее внимание. Она казалась ему стоящей настолько выше, что он и не мечтал о какой-либо близости. Кроме того она была старше Песталоцци почти на восемь лет. Ему было 20—21 г., ей уже 28—29.

Песталоцци ближе узнал Анну во время болезни общего их друга — Блюнчли, и с этого момента между ним и ею завязывается оживленная переписка, которая почти целиком дошла до нас. Блюнчли, один из «патриотов», немного старше Песталоцци, известный в кружке Бодмера под именем «Меналька», был очень близок с Анной. Каковы были эти отношения, сейчас сказать трудно. Ясно только одно, что они были дружескими, что Анна долго оплакивала потерю друга. Песталоцци посылает ей письма, в которых сначала пишет о Блюнчли, но уже в четвертом письме он говорит о своей любви. Так как эти письма чрезвычайно ярко характеризуют Песталоцци, мы приведем некоторые выдержки из писем, написанных летом 1767 г., вскоре после похорон Блюнчли, когда Песталоцци был особенно потрясен красотой Анны.

Он пишет:

«Мадемуазель! В те дни, когда я чувствовал приближение смертного часа нашего друга, в мои одинокие часы обращался я к нему с своими мыслями; и в тот вечер, когда Вы мне рассказали о Вашем посещении его, я понял, что Вы чувствуете так же, как и я. И я пошел к себе и написал Вам на память о нашем умершем мои переживания, связанные с его потерей. Я осмелился послать их Вам. Я давно бы прочел Вам их, если бы мне удалось Вас встретить наедине.

Вы простите мне мою смелость. Это — отражение во мне красоты Ваших действий и истинное уважение к той дружбе, которая Вас связывала с умершим. Я решился написать Вам об этом. Моим единственным желанием было сделать что-либо для Вашего успокоения, если бы ему было суждено сегодня или завтра умереть. Я обещаю Вам: все мною написанное никто не увидит без того, чтобы Вы не узнали об этом.

Ваш Г. П.

В этом письме речь идет повидимому о том послании, которое до нас не дошло и было целиком посвящено Блюнчли. Это письмо дальше фигурирует под названием «Памятник Менальку», о его содержании можно только догадываться.

Прошло немного времени, и вот четвертое письмо Песталоцци пишется совсем по-другому, но, конечно, в том же сантиментальном стиле, который так характерен для эпохи.

«Мадемуазель! Я напрасно ищю покоя. Мои надежды потеряны. Наказанием за мою необдуманность будет вечная печаль. Я решился Вам удивляться, с Вами беседовать, Вам писать и думать о Вас, переживать Ваши чувства, Вам говорить о них. — Я должен был знать слабость моего сердца и знать, на какие опасности я иду. — Что я должен теперь делать? Должен ли я молчать и пребывать в тихой печали моего сердца, и не говорить, и не ждать, не надеяться на какое-либо облегчение в моем страдании?

Нет, я не хочу молчать! Для меня будет легче, если я буду знать, что я не смею на что-нибудь надеяться. Но на что надеяться? Нет, я не смею надеяться! Вы видели Меналька, и тот человек, которого Вы полюбите, должен быть похож на него. А я? Кто я? Какое расстояние! Я уже чувствую дыхание смерти от ужаснейших для меня слов, что я не похож на Меналька, и что я поэтому не достоин Вас. Я знаю, я заслуживаю такого ответа, я его получу, я не жду ничего другого, но тем не менее я должен Вам писать, я должен Вам рассказать о моей печали, я должен Вам еще раз просить, как о милости, чтобы Вы мне сами сказали, как далеко я стою от великого Меналька, и как далеко, как ужасно далеко я стою от надежды добиться хотя какого-нибудь участия ко мне в Вашем сердце. Целые дни я брожу без работы, без занятий, без дум, вздыхаю, ищю развлечения и не нахожу его; я беру Ваше письмо, прочитываю его, читаю его снова, мечтаю, надеюсь и снова теряю все надежды. Я обманываю нежно заботящуюся испуганную мать рассказами о какой-то несуществующей болезни. Я бегу на свидание с друзьями, но вот уходит моя веселость, я запираюсь в самой маленькой, в самой темной комнатке, я кидаюсь на постель, и не нахожу сна, не нахожу спокой-

ствия. Я сам не узнаю себя. Я целые дни думаю только о Вас, вспоминаю о каждом слове, которое Вы сказали, о каждом месте, где я Вас видел. Я потерял все силы, все спокойствие и завишу сейчас целиком от Вас. О, каким маленьким, каким достойным презрения я должен казаться Вам в тот самый момент, когда я ищу Вашего внимания к себе... Три раза я начинал писать письмо и три раза я уничтожал его. Это письмо я не хочу уничтожать. Я считаю своим долгом сейчас гозорить, так как молчать для меня невыносимо.

Вы знаете мое сердце, Вы знаете, как далеко оно от всякого лицемерия. Вы знаете мою застенчивость. Вы знаете также, как много мне нужно преодолеть в себе, чтобы решиться на этот шаг. Больше я не хочу оправдываться перед Вами.

Благостное небо! Помогите мне в спокойствии дождаться ответа и вы, дорогая Шультгес, спешите вернуть меня самому себе. О часы ожидания, минуты, остающиеся до решения! — Мое сердце бьется! — Как я перенесу это? — Мое счастье, мое спокойствие, все будущее, я сам — все целиком зависит от Вашего ответа!

Спешите, я прошу Вас, ответить хотя бы кратко

Вашему П.»

На это письмо, написанное в страстном порыве, Песталоцци не скоро получил ответ. Он отдал его своему приятелю Каспару, — брату Шультгес, а этот разорвал конверт, прочел письмо и не передал его по назначению, так как считал, что это поведет к неприятностям и для Песталоцци и для сестры. Тогда Песталоцци написал грубое письмо Каспару с требованием отдать немедленно письмо по адресу. Кончает он все резкое и необычайно (для него) решительное письмо к Каспару следующими словами: «Я требую от тебя, чтобы ты отдал немедленно письмо. Я решил не отступать от моего требования. Не откладывай своего ответа на долго, иначе я должен отыскать такие пути переписки с мадемуазель Шультгес, когда я не буду бояться, что кто-нибудь будет вскрывать мои письма».

Каспар отдал письмо Анне. Анна ответила Песталоцци очень сдержанно. Она писала:

«Я надеюсь, что Вы примете эти строки так, как я хочу, чтобы Вы их приняли. Я не хочу никого заставлять страдать. То, что Вы страдаете, я знаю, поверьте мне. Мой брат передал мне о таких вещах, которые меня вполне убедили в том, что Вы весьма беспокоитесь. Как неожиданно! Как поразительно чуждым кажется мне все это, но я хочу об этом молчать. Я только хочу, чтобы та глубокая рана, которая произошла благодаря потере нашего и в могиле дорогого Меналька, и то беспокойство, которое у Вас сейчас, Вы не воспринимали слишком тяжело. Плакните нашего дорогого друга, он

заслуживает нашей памяти. Никакая печаль не может быть слишком глубокой.

Но не имейте плохих мыслей о Вашем еще живущем друге Каспаре. Он знал свою очень чувствительную сестру и правильно поступил... Я хочу Вас заверить, что он действительно Ваш искренний друг.

До свиданья».

Песталоцци уже в следующем письме признал, что он слишком грубо поступил с Каспаром, что он его очень любит, что он не имеет никаких плохих мыслей о нем. Он удовлетворился тем, что Анна ему разрешила писать. Его письма приобретают относительно спокойный тон. В свою очередь ее письма становятся мягче, она уже говорит о том, что его письма производят на нее сильное впечатление, что тот, кто так пишет, должен глубоко чувствовать и т. д. Пока что все содержание ее писем вращается вокруг смерти Блюнчли и его достоинств. Однако подписывается она уже по-другому — «Ваш искренний друг». Характерный пост-скрипtum имеется в одном из писем: «Я не могу Вам выразить, как сильно трогает меня Ваша забота о незапятнанности моей чести. Я надеюсь, что Ваши намерения известны сейчас только богу и Вам. Ведь Вы знаете то, что отсюда может произойти».

Здесь Анна говорит об отношении к Песталоцци со стороны своих родственников. Действительно, они и слышать не хотели о том, чтобы Песталоцци (этот «черный Песталоцц») сделался женихом их дочери. Шультгес были одним из богатых домов Цюриха и отдать свою дочь за бедняка Песталоцци, да к тому же еще с весьма сомнительной репутацией «патриота», почти революционера, они не желали.

Повидимому в промежутках между письмами время от времени Песталоцци встречался с Анной. По крайней мере все интимнее становятся его письма. Он уже давно оставил холодное «мадемуазель», а начинает письма «мой дорогой друг», и даже больше: «моя возлюбленная».

Для характеристики самого Песталоцци чрезвычайно важно то письмо, где он говорит об их будущей жизни, о том, на что он зовет свою будущую жену:

«Я должен сознаться, — пишет он, — что мои обязанности к жене будут всегда подчинены обязанностям к моему отечеству, и хотя я буду нежнейшим супругом, я все же останусь равнодушным к слезам жены, если увижу, что она хочет удержать меня от исполнения гражданских обязанностей. Жена моя будет поверенной моего сердца и соучастницей моих самых сокровенных намерений, и вместе со мной она

будет единственной воспитательницей моих детей. Великая честная простота будет царствовать в моем доме, она будет настолько велика, насколько это требует строжайшее воспитание моих детей... Дорогая Шультгес, моя жизнь не обойдется без важных и опасных шагов. Я никогда не забуду моего первого решения всецело посвятить себя служению родной стране. Я никогда не буду молчать из боязни людей, если только увижу, что польза моего отечества требует моего выступления. Я забуду свою жизнь, слезы моей жены, моих детей, только бы быть полезным своей родине. Мое сердце принадлежит моей родине, и я решусь на все, чтобы хоть немного смягчить горе и нищету в моем народе. Какие будут результаты моих опытов и способен ли я довести до конца мои начинания, сказать трудно. Я обязан предупредить мою возлюбленную о тех опасностях, которые ожидают меня...

Мой любимый, мой дорогой друг! Я чистосердечно говорил о моем характере и о тех обстоятельствах, в которых мне придется жить. Мой друг, подумайте обо всем этом. Я имею те недостатки, о которых я Вам сказал, и наверное еще больше. Если те черты, о которых сказать было моим долгом, Ваше доброе отношение ко мне не уменьшат, то по крайней мере Вы оцените мою простоту и не сочтете неблагодарным, что я недостаток Вашего знания о моем характере не использовал для достижения моих намерений. Подумайте теперь, дорогая, можете ли Вы такому человеку, с такими недостатками, человеку в этих условиях подарить Ваше сердце и быть счастливой. Мой дорогой друг, я люблю Вас всем сердцем, с огромной страстью, и каждый шаг, которого от меня требует мой разум, стоит мне очень много. Я боюсь, моя дорогая, Вас потерять, если Вы меня увидите таким, каков я на самом деле. Я часто хотел молчать, но, наконец, я преодолел самого себя... Как я Вас ни люблю, однако Вы, друг мой, должны быть уверены в том, что я хочу взаимности и Вашей любви только в том случае, если Вы со всей ясностью поверите в то, что Вы будете счастливы в моих руках».

В этом письме Песталоцци перечислял все свои недостатки. Он хочет предупредить свою жену решительно обо всем, чтобы ничто не оказалось для нее неожиданным. Между прочим, в этом же письме он говорит о своих взглядах на воспитание детей. Это, кажется, одно из первых мест, где мы находим педагогические высказывания Песталоцци.

«Друг, Вы уже знаете мои мысли относительно воспитания, и это действительно, моя дорогая Шультгес, те принципы, от которых я решил не отступать ни на один волос. Мои сыновья должны будут, получая самое тщательное умственное воспитание, трудиться в поле, и от меня не должно произойти ни одного бездельника».

Здесь явно чувствуется Руссо. Стоит только вспомнить знаменитое положение в «Эмиле»: «каждый праздный человек — вор».

На это действительно замечательное письмо Анна ответила очень подробно, причем в свою очередь говорит о своих недостатках.

Она протестует против тона самобичевания, которым проникнуто письмо Песталоцци, и находит, что все, что он себе ставит в вину, может быть точно также приписано и ей. Она решительно соглашается с его взглядами на воспитание: «Друг, — пишет она, — мы совершенно едины с Вами в мысли, что город вовсе не является таким местом, где можно достигнуть поставленных целей «Мои дети должны работать в поле!» Какое возвышенное решение! Вы могли бы с полным правом одновременно сказать: «жена, которую я себе ищу, должна это тоже делать»! Хотите ли Вы быть ее учителем?»

Анна совершенно согласна с Песталоцци и в том, что их личная жизнь должна быть подчинена интересам родины. «Что касается того, что Вы сказали относительно Вашего патриотизма, — пишет она, — то Вы сделали совершенно правильный вывод; Вы знаете, что я всегда высоко ценила в юноше истинную ревность в отношении государства, ценила тех юношей, которые, истинно заботясь о его счастье, смеют делать то, на что трусливые мямли совершенно не способны. Например, в те дни¹ мне Ваша страстность понравилась больше, чем я это Вам показала. Если бы наступили большие события, слишком большие для моего понимания, я замолчала бы совсем. Тогда моим делом было бы сделать все для того, чтобы ободрить и поддержать моего мужа настолько, насколько это в моих силах».

Это письмо Анны говорит о том, что хотя нет еще ее прямого согласия быть женой Песталоцци, она тем не менее стала к нему близкой. Это письмо интересно еще и в том отношении, что в нем Анна говорит об их будущей жизни и дает обещания, которые она действительно исполнила. Во всей дальнейшей жизни Песталоцци она была его единственным, никогда не изменившим ему другом, другом, который поддерживал его и ободрял в самые тяжелые минуты его жизни, в минуты самых рискованных его предприятий, в минуты разочарования и даже отчаяния, в которое так часто впадал сгратный и бурный Песталоцци.

Вскоре после этого письма они обмениваются новыми письмами, где в самой сентиментальной и торжественной форме дают слово быть вечно верными друг другу.

Переписка продолжается и в течение времени, когда Песталоцци проходил свой «ученический стаж» у Чиффели, и тогда, когда он по-

¹ Повятому Анна говорит о тех днях, когда Песталоцци вместе с другими «патриотами» вмешался в «женевское дело».

селся в маленькой деревушке Мюлиген близ своего будущего имени. В 1768 г. он начал работу на своем участке и стройку дома, который был закончен (и то неполне) только в 1771 году.

Осенью 1769 г., несмотря на самый решительный протест семьи банкира Шультгеса, Анна обвенчалась с Песталоцци и ушла из дома родителей к нему, в деревушку Мюлиген, получив в приданое от матери только один клавесин. Несколько лет спустя отношения между Песталоцци и его тещей улучшились, однако от родных жены он никогда не получал той поддержки, в которой он, благодаря постоянному недостатку в деньгах, нуждался.

Несмотря на то, что дом Песталоцци не был готов, он начал хозяйничать на своем участке более или менее регулярно именно с 1769 г. Этот год и отмечает начало нового периода в жизни Песталоцци, периода, в течение которого он был прежде всего сельским хозяином и промышленником, одинаково неудачливым и в сельском хозяйстве и в промышленности, постоянно обманываемым благодаря своей исключительной доверчивости и постоянно выпутывающимся из долгов, так как основного капитала для развертывания своего предприятия он не имел.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПЕСТАЛОЦЦИ—СЕЛЬСКИЙ ХОЗЯИН И ПРОМЫШЛЕННИК

(1769 — 1774)

«Если бы я был князем, я привлек бы Песталоцци в качестве советника по делам крестьян и улучшения их положения, но я никогда не верил бы ему ни одного геллера денег».

(Лафатер о Песталоцци)

До января 1771 г. Песталоцци с женой, а несколько позже и с маленьким сыном, прожил близ своего имени в Мюлигене. Он продолжал строить дом, начал свое хозяйство с разведения марены, сдавал на переработку хлопок и затем продавал готовые изделия. Он соединял в себе теперь, как и в течение всех следующих десяти лет, сельского хозяина, промышленника и коммерсанта. Он все больше и больше знакомится с жизнью крестьян, среди которых он

жил. Но своею деятельностью он не был удовлетворен. Почти ничего из того, что он поставил себе задачей, выполнено не было. Пока что он никак не помог крестьянам; ничего, кроме прочувствованных бесед, дать этим беднякам он не мог. Больше того, он объективно, поскольку ему пришлось быть в роли купца, был одним из эксплуататоров того же крестьянства. Надо отметить, что последнего он ни тогда ни позже не понимал.

Песталоцци никогда не был социалистом даже в том смысле, в каком мы называем социалистами Т. Мора и Кампанеллу, одними из первых создавшими утопические повести о том общественном строе, в котором не будет частной собственности, не будет эксплуатации человека человеком. Песталоцци был далек от этого. Никогда и нигде он не сказал ни слова против частной собственности, хотя он отлично понимал, как это видно из его позднейших сочинений, что собственность является источником многих бед и преступлений. Напротив, он считал, что именно через собственность, через укрепление этой собственности может выйти из своего тяжелого положения швейцарское крестьянство. Ему никогда не приходило в голову, что лишь путем уничтожения эксплуататоров бедняки могут коренным образом улучшить свое положение. Ему казалось и тогда и позже, что путем разумных сбережений, путем соответствующего образования, и именно профессионального образования, каждый может обеспечить себе возможность приобретения той или иной собственности, которая создала бы условия сытой и культурной жизни. Неудивительно поэтому, что он не видел ничего дурного в приобретении участка, постройке барского дома, в своих коммерческих операциях и т. д. И то сказать — в этом отношении он «шел в ногу с веком», а дух века был за укрепление собственности, за собственность буржуазную против собственности феодальной. Не разделяя и не понимая взглядов материалистов XVIII в., резко выступая против материалистических и антирелигиозных тенденций своей эпохи, он в то же время разделял полностью принцип священности и неприкосновенности частной собственности.

Песталоцци начал свою работу в деревне с большим воодушевлением. Ему удалось собрать, как было уже сказано выше, достаточное количество средств, половину он получил от банкира Шультгеса, остальное дала ему мать, у которой некоторые сбережения к тому времени еще оставались. Он поднимался рано утром и бежал за несколько километров в Нейгоф (Новый двор), так называл он свое имение. Он проводил целые дни на стройке, в полях, вел разговоры с крестьянами и выслушивал отчеты управляющего, — некоего Мерки, первостепенного плута, обманывавшего и обкрадывавшего Песталоцци, и лишь поздним вечером возвращался к жене. Он проявлял большую энергию; весь свой необузданный темперамент, все свое горячее серд-

це он вкладывал в новое дело, мечтая о том будущем, когда он станет образцовым хозяином для всего крестьянства, когда он из этого центра поведет огромную культурную работу.

Когда говорят о Песталоцци, обычно представляют себе тот портрет, который был сделан с него тогда, когда ему было больше 50 лет. Некрасивое лицо человека усталого и истрадавшегося, глубокие морщины, понизывающие все лицо, страдальческий взгляд «отца Песталоцци». Он не был красивым и в молодости, он впечатлителен, но не истеричен, порывист, но не груб, страстен, но не впадает в то исступление, которое так характеризует его на склоне лет. В тот период, когда ему было 23 года, он еще не знал неудач, ему кажется все легко преодолимым, он горяч, смел и весел. Он любим, жена понимает его стремления, она им сочувствует, они вместе проводят долгие деревенские вечера, обсуждая до деталей будущую жизнь в Нейгофе. Они оба из кружка «патриотов» Бодмера, оба мечтают о деятельности для народа, оба чрезвычайно религиозны, хотя не особенно заботятся об исполнении церковных обрядов.

Дни, проведенные в Мюлигене, — одни из лучших дней в жизни Песталоцци. Он еще не знает тех разочарований и тех ударов, на встречу которым он тогда шел. Неприятности, сперва небольшие, потом крупные, начались однако довольно скоро. Банкир Шультгес пожелал узнать, как используются его деньги, и направил двух экспертов для изучения положения дел в имении Песталоцци. То, что эксперты увидели, — а они прибыли в ненастную, туманную погоду, когда кругом была сплошная грязь, — не вызвало у них никакого энтузиазма. Почти голые каменистые поля с редкими всходами посеянных растений, неоконченная, почти аристократическая, в итальянском вкусе, дача, наглый проходимец в качестве главного управляющего, — все это вместе взятое дало им основание написать банкиру Шультгесу самый резкий отзыв о положении дела и предложить ему взять деньги из предприятия. Банкир не замедлил последовать их совету. Это было первым крупным ударом для Песталоцци.

Он приехал в Нейгоф развернул свою деятельность, средства были ему необходимы, он не мог благодаря их отсутствию поставить свое предприятие так, как ему хотелось бы, он стал нуждаться в деньгах, он вынужден был обращаться ко всем своим родным и знакомым за деньгами, а неудачи начали следовать одна за другой. Из посева, не только благодаря неподходящей почве, но и благодаря общему в этой местности неурожаю в течение двух лет подряд, ничего не выходило, коммерсантом Песталоцци был плохим, он не умел, да и не хотел выжимать деньги из крестьян, пользуясь их тяжелым положением, его коммерческие поездки в другие города, которые он время от времени предпринимал, также не давали ему большой выгоды. В результате

И. Г. Песталоцци

к концу 1773 г. дела Песталоцци находились в совершенно запутанном состоянии.

Однако не это больше всего убивало Песталоцци. Тяжелее всего было для него и для его жены то, что он не выполнял того главного, за чем он пошел в деревню, за чем он пошел в «народ». Он не дал пока что ничего конкретного этому народу, и это было источником нарастающего недовольства самим собою, тяжелых приступов самокритики и самобичевания. Он обвинял себя во всем, считая, что исключительно благодаря его неумению все это не дает тех богатых результатов, на которые он вначале надеялся.

В 1773 г., в самом его конце, Песталоцци, несмотря на всю тяжесть тех обстоятельств, в которых он оказался, решился тем не менее на смелый шаг, который материально поставил его в еще худшее положение, однако дал ему, хотя бы в течение некоторого времени, то удовлетворение, которого он искал.

К 1774 г. Песталоцци был уже вполне общественно сложившимся человеком. У него были свои взгляды как в области политической, так и в области педагогической. Он еще не выступал в качестве практического деятеля в области воспитания, он пока еще целиком во власти педагогических идей Руссо, но он уже набрасывает схему целой педагогической системы в дневнике, который он в этот период, в самом начале 1774 г., ведет, описывая жизнь своего трехлетнего сына. Хотя этот эксперимент, о котором мы сказали выше, не является в узком смысле педагогическим или школьным, тем не менее полезно, прежде чем перейти к рассказу о нем, познакомиться с дневником Песталоцци, чтобы представить себе, как величайший педагог XIX столетия разрешал педагогические проблемы за 25 лет до своего выступления в качестве профессионального педагога.

Одно предварительное замечание. Хотя дошедший до нас дневник Песталоцци относится к периоду между 27 января и 19 февраля 1774 г., следовательно к тому времени, когда он еще не занимался специально вопросами педагогики, тем не менее он свидетельствует о большой начитанности в области вопросов воспитания и образования. В нем нет ссылок на Коменского, Руссо, Базедова, этих корифеев педагогической мысли, которые в тот век «просвещения» были у всех скольконибудь интересующихся воспитанием на устах; известно, например, что учитель Песталоцци Брейтингер был восторженным поклонником Коменского и Базедова. В юности Песталоцци находился под сильным влиянием многих идей Руссо. Он не принимал его религиозной концепции, хотя в своей нелюбви к официальной церковности он был

близок к знаменитому женеvцу; зато основные педагогические мысли Руссо он тогда разделял полностью. Некоторые из этих идей получили у него свое дальнейшее и углубленное развитие; так, например, он не только принял идею трудового воспитания, которая имеется у Руссо, но он пошел дальше, связав обучение с производительным трудом; он не только вслед за Коменским и Руссо признал идею природосообразности воспитания, но и построил, исходя из нее, свою систему воспитания и обучения. Он не только признавал совершенно правильным требование свободной дисциплины, которая получила у Руссо форму дисциплины естественных последствий, но показал, как эта дисциплина создается в процессе того или другого действия.

Надо отметить, что в этом дневнике не чувствуется главного отличия воспитательной системы Песталоцци от педагогической теории Руссо. Мы говорим о социальности его педагогики в противовес индивидуальной и индивидуалистической педагогике Руссо. Впрочем, иначе и быть не могло. Книга Руссо посвящена воспитанию одного ребенка, изолированного от вредных влияний «цивилизации». Песталоцци писал о своем трехлетнем Жакели, также изолированно воспитывавшемся в его семье. И хотя идея социального воспитания, как показывает его знаменитый нейгофский эксперимент, начало которого относится к тому же 1774 г. (даже, может быть, в его предварительной стадии к концу 1773 г.), уже созревала в сознании Песталоцци, она не получила своего отражения в дневнике, поскольку речь шла о воспитании единственного сына Песталоцци. Возможно, что в этом сказались и нечто иное. Песталоцци мечтал об общественном воспитании бедняков. В течение всей своей жизни он не бросал мысли о создании специального воспитательного учреждения для детей бедных, где последние могли бы получать трудовое коллективное воспитание. Для детей состоятельных людей он не предлагал этой системы и не проводил ее на практике. Может быть и не случайно, что в тот самый момент, когда он вынашивал идею своей воспитательной коммуны для бедных, он в то же время своего собственного сына воспитывал совсем по-другому.

Приведем несколько выдержек из его дневника.

«27 января. Я показал ему воду, легко сбегавшую вниз с горы. Я прошел несколько шагов вниз, он последовал за мной и сказал воде: «подожди меня, вода, я сейчас приду опять».. Мы следовали за водой, и я повторял ему несколько раз: вода сбегает с горы вниз».

Я назвал ему животных, как например: «собака и кошка — звери» и наоборот «дядя, тетя, Клаус — люди».

После этого я спросил: «что это такое — бык, корова, теленок, мышь, наш Клаус, юнгфрау Ротт, слон, пастор?» Он на это отвечал в большинстве случаев правильно, и если он отвечал неправильно, то

этот ответ сопровождался во всех случаях смехом, показывавшим, что у него было сознательное намерение сказать неправильно».

В этих строках несомненно чувствуется влияние Руссо, требовавшего изучения природы не по книгам, а непосредственно. В то же время здесь предчувствуется теория Песталоцци, которая получила у него потом такое значение — теория «элементарного» обучения, т. е. та теория, которая кладет в основу всего воспитания и образования наблюдение (созерцание) основных «элементов», будь то «элементы» природы, техники или нравственности. Но об этом позже.

«30 января. Было довольно скучно заниматься с ним азбукой, однако я себе взял за твердое правило определенную часть времени ежедневно так его занимать, чтобы он работал хотя бы даже против его желания. Я решил в самом же начале заставить его почувствовать всю необходимость этой работы. Я не давал ему другого выбора, как или проводить эту работу, или же столкнуться с моим недовольством, или с наказанием в виде заключения. Только после лишения свободы он становился покорным. После этого он занимался весело и оживленно».

Как видно из этого отрывка, Песталоцци очень рано начал обучать своего ребенка чтению и не стеснялся прибегать к наказанию, чтобы заставить ребенка заниматься скучным и неинтересным для него делом. Форма этого наказания напоминает то, что было в свое время рекомендовано Руссо. В связи с этим небезынтересно привести отрывок из записей от 19 февраля, где он довольно подробно говорит о послушании и свободе. Здесь он стремится пойти дальше Руссо. «Мы должны связать то, что разъединил Руссо» (т. е. свободу и послушание). Песталоцци понимает трудность достижения дисциплины при свободном воспитании и требует от воспитателя тщательной подготовки к этому труднейшему делу. «Твое дитя должно быть возможно более свободным, пользуясь всякой возможностью сохранить свою свободу и спокойствие... Все решительно все, чему ты можешь учить по (реально-осязаемым) следствиям внутренней природы вещей, должно изучаться без помощи твоих слов. Пусть он смотрит, слушает, отыскивает, падает, встает и ошибается — но никаких слов там, где возможны поступки, где возможно действие; что он может сделать сам, пусть делает сам. Пусть он будет всегда занят и деятелем, но не подавлен тобой. Ты увидишь, что природа обучит его лучше, чем люди». Вопросы воспитания таким образом связываются с идеей природосообразности. По этому поводу в записи от 15 февраля мы находим следующее место: «в свободную аудиторию целестной природы ты поведешь своего сына, ты будешь его учить на горах и в долинах.. и в эти часы свободы пусть природа учит больше, чем ты... Если он (сын) почувствует, что природа в данный момент учит его, ты дол-

жен с твоим (педагогическим) искусством неслышно идти рядом; в тот момент, когда птица увлекательно чирикает и червяк ползет по листу,— прекрати свои словесные упражнения: птица, червяк учат лучше, учат большему. Молчи».

Эта идея последовательности, законченности обучения, к которой Песталоцци обращался неоднократно в течение своей педагогической деятельности, также находит свое отражение в этих коротких записях.

14 февраля он записывает следующее: «Фюсли сказал мне: «все, что Вы делаете, должно быть цельным. От «а» не переходи в «б», пока «а» не изучено полностью, и так во всем; не торопись идти вперед, оставаясь при первом, пока оно не проработано до конца, и ты избежишь беспорядочной рассеянности». Порядок, точность, законченность, совершенство... как живо чувствую я, что мой характер во время моего первоначального воспитания не был так развит! Именно по отношению к моему ребенку надо избежать опасных попыток следовать за живостью его духа, удовлетворяясь блестящим быстрым движением вперед и забывая благодаря этому блеску, многих ослепляющему, отдельные недостатки, отсутствие развития там, где будто бы идет развитие! Не забудем: все полностью и ничего слишком рано! Порядок, точность, законченность, совершенство!.. Ни одного шага вперед, пока не заполнены все пробелы...»

Таким образом в момент, когда Песталоцци находился в очень тяжелых материальных условиях, когда его имение грозили поминутно продать с торгов за долги, он находил в себе силы, чтобы, с одной стороны, внимательнейшим образом заниматься воспитанием своего сына, а с другой — приступить к социальному воспитанию детей бедняков. Действительно можно поверить ему, когда он говорит: «я должен сильно страдать, чтобы идти выше»... В моменты наиболее тяжелых переживаний, когда ему приходилось особенно плохо, он находил в себе силу, чтобы круто подняться вперед. Так было в 1774 г., так бывало с ним не раз.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СОЦИАЛЬНО - ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

(1774 — 1780)

«(Воспитание будущего)... для всех детей известного возраста соединять производительный труд с обучением и гимнастикой, причем это будет не только методом повышения общественного производства, но единственным методом создания всесторонне развитых людей».

(К. Маркс)

«Нельзя себе представить идеал будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения: ни обучение, ни образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и научного знания».

(В. Ленин, т. II, стр. 288)

ВСЕ ждали, что Песталоцци, бросив свои затеи, переселится в город и займется тем, чем заниматься полагалось — какой-либо службой. Правда, Песталоцци так и не окончил высшей школы, мало читал, несколько одичал, писал с ошибками, был, по общему мнению, лишен приятных светских манер, речь его была порывиста и порою криклива, порою невнятна и даже бессвязна — все это не предвещало большой карьеры, однако это было лучше, чем барахтаться в деревне, все больше и больше увязая в долгах.

И тогда, когда всем казалось совершенно бесспорным и очевидным полное крушение чудачества Песталоцци, он не только не покинул Нейгофа, но затеял новое дело, дело, доставившее ему новые страдания, внешне кончившееся еще более тяжким провалом, дело, о котором он потом всю жизнь не мог забыть, к которому он всегда возвращался, дело, побуждающее нас с величайшим вниманием изучать

работу этого «чудака», хотя в сравнении с тем, что создается у нас в Стране советов — это было небольшим и неверным в своей теоретической основе экспериментом.

Песталоцци создал целое учреждение, названное им «учреждением для бедных», которому он отдал свое имя, самого себя целиком. «Трезвые» люди отвернулись от него окончательно, решив, что они имеют дело с неисправимым идиотом, зато нашлись многие друзья, люди с большим чутьем и с большим пониманием тех задач, которые ставил себе этот «идиот».

Как ни странно, этот период жизни Песталоцци весьма мало освещен документами. Главный материал для понимания нейгофского опыта дан в сочинениях самого экспериментатора. Поэтому об «учреждении для бедных» можно узнать только путем внимательного изучения всех работ Песталоцци. Он пишет о своем институте и в романе «Лингард и Гертруда», и в главной педагогической работе «Как Гертруда учит своих детей», и в предсмертной «Лебединой Песни», и во многих других местах. И он верен себе — во всех случаях он говорит о нейгофском эксперименте почти в одних и тех же словах. Можно с уверенностью сказать, что в этот опыт он вложил самое дорогое, самое заветное в своей жизни, это, если позволено так выразиться, — стержневая идея его деятельности.

План Песталоцци был настолько же прост, насколько он был утопичен. К себе в дом Песталоцци взял несколько десятков сирот, беспризорных в возрасте от 8 до 15 лет, обучал их письму, чтению, начаткам естествознания, географии и т. п., одновременно давая им работу в прядильной и ткацкой мастерских, на «фабрике»¹, специально для этого выстроенной, а летом, кроме того, — в поле и огороде.

Таким образом, Песталоцци ставил задачу объединить обучение с производительным трудом — промышленным и сельскохозяйственным.

Но для чего это было нужно? Что двинуло его на этот весьма тяжелый опыт, который вверг его в неопишуемые страдания и следствия которого ощущались в течение половины его жизни?

Была ли это филантропия — спасание бедных и беспризорных? Ведь именно так зачастую оценивался нейгофский опыт в многочисленных биографиях Песталоцци...

Было ли это, наоборот, спасание собственной фермы, находившейся в чрезвычайно тяжелых материальных условиях? Некоторые из биографов дают на этот вопрос положительный ответ.

Конечно, ни то, ни другое. Ничего в жизни не ненавидел Песталоцци больше, чем показную филантропию, чем всяческое проявление лицемерия. И уже совершенно чужда была Песталоцци мысль устра-

¹ Хотя Песталоцци все время употребляет выражение «фабрика», это — не точное обозначение мануфактурной мастерской. А. П.

ивать свои личные дела посредством организации необычайной важности опыта, основную идею которого в течение всей своей долгой жизни он считал безусловно верной. Будь это так,—никогда не решился бы Песталоцци на ту широчайшую пропаганду своего дела, на ту предельную публичность, в условиях которой оно протекало. И вообще, если бы только последнее предположение оказалось хоть в какой-либо мере правильным, то надо было бы признать, что мы создали себе образ совсем не того Песталоцци, каким он был на самом деле, и вся его последующая деятельность, все теоретические и художественные выступления говорят против этого допущения. Он исходил из других, нам уже отчасти знакомых предпосылок.

Песталоцци прежде всего хотел найти путь к решительному улучшению тяжелого положения крестьянства. Как демократ и народник, он остро чувствовал, как невыносимо страдало беднейшее крестьянство. И в старой борьбе городского патрициата, городской аристократии с крестьянами Песталоцци, как уже мы видели раньше, безоговорочно стал на сторону последних. Он понял также, что простой пропаганды, простого участия недостаточно, нужно было найти какие-то иные, при этом реальные пути. Но этот путь он увидел не в том, чтобы бороться со своими угнетателями, и не в том, чтобы бросить землю и уйти на работу в промышленность. По его мнению, лишь соединив занятие земледелием с промышленностью, крестьянство могло найти выход из того тупика, в котором оно находилось. А для этого надо уже с детства соответствующим образом подготовить крестьянина, чтобы он, не помышляя об уходе со своего участка, в то же время имел второй, может быть даже основной заработок от занятий промышленного характера. Это «профессиональное» образование должно начинаться очень рано, должно носить сугубо практический характер и идти параллельно с общим образованием. Песталоцци казалось, что он нашел выход для «бедных», что этот путь единственный, и в это он твердо верил до конца своей жизни. Он неоднократно отмечает, что лишь благодаря его неумелости, неопытности опыт кончился полным провалом.

«Я хотел,—пишет он тридцать лет спустя,—воспитать в детях бедных знания сельского хозяйства, промышленности и домашнего хозяйства, но сам ничего не понимал во всех этих вещах. Учреждение требовало организованности, которая сама по себе обеспечивала бы достижение поставленных целей. Но именно этого во мне не было и быть не могло».

За всем этим,—за обучением земледелию, промышленности, домашнему хозяйству—Песталоцци видел нечто большее. Все это само по себе не имело бы для него значения, если бы не подчинялось некоторой высшей цели. Этой высшей целью для него было воспитание

человечности, а все остальное являлось только средствами для достижения этой цели. Идеалист, религиозный человек, Песталоцци в данном случае был только последователем.

Его практические рассуждения весьма наивны. В «обращении к друзьям человечества и покровителям о поддержке учреждения, имеющего задачей дать работу и воспитание бедным детям на ферме», обращении, с которым Песталоцци принужден был обратиться к тогдашней швейцарской общественности уже на первом году существования «учреждения», он с самого же начала выдвигает положение о том, что для него «уже давно очевидна возможность даже для маленьких детей при небольшой работе — при благоприятных условиях — зарабатывать средства на свое содержание». Два года спустя в письме к некоему Чарнеру он доказывает тот же тезис. «Совершенно бесспорно, что промышленное использование детей легко связать с их воспитанием: мы видим, как рано городские дети начинают шить и вязать, а деревенские — прясть. Начиная с шестого года жизни они могут быть использованы в промышленности... Эта способность зарабатывать средства к жизни должна быть в воспитании бедных использована настолько рано, насколько это позволяют разумные педагогические принципы». Это же письмо Песталоцци наполняет арифметическими выкладками, которые должны были доказать, что и с финансовой точки зрения это — дело бесспорно осуществимое. Здесь одна из основных ошибок Песталоцци. Нельзя было строить учебно-воспитательное учреждение на основе самоокупаемости, применяя почти исключительно детский труд. Он не мог изолировать своего учреждения от общих условий производства и рынка. И Песталоцци в этом убедился на жестоком опыте — ему пришлось прибегнуть к ростовщикам и банкам, окончательно запутывая свои дела.

Отметим попутно, что капиталистическая промышленность широко использовала детей на производстве. Основоположники марксизма считали привлечение детей к производству тенденцией прогрессивной и благотворной (при условии соединения производительного труда с обучением), «сколь ни отвратительны способы и формы, в коих эта тенденция при господстве капитала осуществляется» (из резолюции первого конгресса I Интернационала).

Песталоцци собирал сирот и беспризорных, находя их всюду и не отказывая никому. Это не означало, конечно, того, что он не считал свой метод подходящим для остальных крестьянских детей. Напротив, в своем романе «Лингард и Гертруда», написанном вскоре после крушения нейгофского эксперимента, он описывает очень подробно, как должен быть применен этот метод в сельской школе. Обратился он к беднейшим и потому, что всегда стремился помочь тем, кому особенно скверно жилось, и потому, что толпы детей, без крова, без

семья, бродила тогда по Швейцарии, и потому, что подобный опыт ему не разрешили бы ни в какой тогдашней школе. В городскую школу он не пошел, он был всегда связан с крестьянством, был выразителем чаяний трудового крестьянства Швейцарии. Отсюда и типичная мелкобуржуазность всей философии «опыта». Особенно ярко это видно из первого письма к Чарнеру, где он высказывает свое основное положение о необходимости воспитывать детей крестьян именно для крестьянской жизни, а не для какой-либо другой, например для жизни в городе, причем бедный должен знать, что ему придется в бедности прожить всю свою жизнь.

«Бедный,— пишет он,— должен воспитываться к бедности... Воспитание бедных требует глубоких, точных знаний о потребностях, недостатках и особенностях положения бедного класса и знания деталей их вероятного положения в будущем.. Друг человечества должен спуститься в самую бедную хижину, должен увидеть бедняка за его ежедневным делом в его темных комнатах, его жену и ребенка в кухне, полной дыма; это — хижина, в которой должен жить его общественно-воспитанный сын, это кухня, в которой будет вести хозяйство его жена... (Поэтому) комната, где воспитываются дети, должна возможно более походить на ту комнату, в которой придется жить впоследствии воспитываемым, ребенок должен в своей тесной комнате рабочей учиться сообразовать свою работу с желаниями других; его постель должна быть бедной, у него одного и с другими вместе; ему должно быть безразлично — мягче или тверже она, а этого никогда не будет, если у него одного будет мягкая и теплая постель...»

Одним словом, организатор подобного учреждения для бедных должен так построить дело, чтобы те «умения, которые воспитываются у детей, были бы наиболее вероятным источником отыскания средств к жизни в тех условиях, где им придется жить в будущем».

Шире ставит вопрос о воспитании Песталоцци в другом месте (в 1782 г.): «человек должен искать основных принципов своего обучения в своем основном труде, и голое умственное обучение не должно предшествовать работе его рук, он должен свое обучение вывести из своего труда, поэтому обучение детей должно концентрироваться вокруг его собственного труда и должно быть им так ограничено, чтобы ни учитель ни ученик не могли от него слишком далеко отойти. Мой читатель! Мир полон бараньих голов, несомненно благодаря той глупости, с которой оторвали детей в их детские годы от работы и привели их к книгам, и несомненно, несомненно, несчастья старости многих людей подготовлены теми знаниями, знаниями чуждого, бесполезного, ненужного, непереваримого, однобокого, знаниями бедных отражений, которые они получили в юности».

Воспитателю, по мнению Песталоцци, тем легче организовать соответствующим образом дело, что дети бедняков, т. е. трудящихся, в отличие от детей богатых ставятся самими тяжелыми условиями их жизни в более благоприятные, с точки зрения успеха их воспитания, условия.

«Низшие сословия, — пишет Песталоцци в своей «Лебединой Песни» (1826). — и даже самая низшая ступень последних, бедный, лишенный собственности народ, сами собой побуждаются неизбеж-

Гейоф

ной потребностью поддержания их жизни к тому, чтобы приложить руки ко всему, что дает им хлеб, и даже при недостатке технических умений, они тем не менее до известной степени хорошо или по крайней мере сносно к этому подготовляются и образуются...

Этого не бывает с высшими сословиями... Они в этом не нуждаются и в их положении нет для этого никаких побуждений и средств. Жизнь не понуждала их хотя бы на минуту подумать о том, откуда, собственно говоря, получается самый хлеб...»

И в другом месте: «я убедился, что нужда и недостаток воспитывают в ребенке бедняка то существенное, присутствие чего в каждом воспитаннике безусловно для каждого воспитателя необходимо, а именно: внимательность, способность напрягать силы и преодолевать препятствия при помощи тех условий, в которых бедняк живет постоянно».

Точного описания своего «учреждения» ни сам Песталоцци, ни его современники нам не оставили. Однако, судя по тем отдельным штрихам, которые разбросаны в его сочинениях и письмах, — условия работы были очень не легки. В сочинении, написанном через двадцать пять лет («Как Гертруда учит своих детей»), он так характеризует этот период своей жизни: «Я жил годами в кругу более чем пятидесяти нищих детей; я делил с ними в бедности мой хлеб; я сам жил, как нищий, для того чтобы научить нищих жить по-человечески». Он работал с утра до вечера, его жена была его деятельной помощницей. Дисциплина в «учреждении» поддерживалась, главным образом, ею.

Один из хорошо знавших работу в Нейгофе учителей — Губер — так характеризует роль жены Песталоцци в организации «учреждения»: «Госпожа Песталоцци прекрасно выполняла свои обязанности по управлению хозяйством, по надзору за обучением и трудом; она вносила в распоряжения твердость, проникнутую любовью и достоинством: ее боялись, уважали, любили. Всюду, куда касались ее руки, дела шли по ее желанию».

Сам Песталоцци, напротив, и тогда не проявил себя организатором. Где «он проявлял свой авторитет, — там, — по словам того же Губера, — отнюдь не царили ни порядок ни спокойствие; ребята, правда, были спокойны в присутствии учителя, они его боялись, так как он постоянно приходил в гнев и тогда был суров к виновным. Но лишь только он поворачивался к ним спиной — малые и старые смеялись над ним; никакой серьезной дисциплины не существовало».

Основным видом производительного труда, которому учились вместе с обучением письму, чтению и т. п., было пряденье хлопка, тканье на ткацких станках, одним словом — текстильное дело. Второстепенным производством было производство сельскохозяйственное, для девушек — шитье, вязанье, работа на кухне и т. п.

Учили детей и кое-каким предметам общеобразовательного порядка. Однако Песталоцци не считал эти предметы главными в своей школе. Во всяком случае, в сравнении с городской школой чтению и письму следовало уделить меньше времени. Кроме того, Песталоцци не считал неправильным, если дети учились читать и писать не на седьмом году, как в городской школе, а на девятом, так как для воспитания — в его понимании — время не было потеряно.

Самый ход обучения, вероятно, был таков, как он впоследствии был описан в «Лингарде и Гертруде». По крайней мере, и он сам и его современники об этом говорят прямо.

Посмотрим, как описывается обучение детей в этом романе.

Учитель — лейтенант Глюльфи — всех учеников своей школы разделил на три отделения: а) для детей состоятельных крестьян и

не имеющих долгов, б) для детей состоятельных, но обремененных долгами и в) для безземельных бедняков. О первых двух отделениях лейтенант заботился очень мало, так как они должны были находиться там, где протекает деятельность их родителей, т. е. на полях и лугах, у хлевов и амбаров», где они и готовятся к своей будущей профессии. В школу они приходили только для того, чтобы там осмыслить свою внешкольную деятельность. Но основное внимание лейтенант уделил третьему отделению, т. е. тому, которое по социальному составу детей больше всего напоминало Нейгоф.

Лейтенант полагал, что дети этого отделения должны были с самого же начала зарабатывать свой хлеб. Поэтому, первыми пособиями в его школе оказались прялки, ткацкие станки и т. п. С утра до поздней ночи сидели дети за работой, которую или они сами выбрали или выбрали за них родители. При этом они могли наблюдать работу учеников других отделений, что должно было гарантировать их от односторонности и ограниченности. Покончив со своими дневными уроками, дети имели право брать и другие работы с тем, чтобы изучить какую-либо иную ветвь промышленности с известным совершенством. Для того чтобы познакомить детей с мелким земледелием, учитель устроил при школе небольшой садик. У каждого ребенка было по три грядки, где он мог сажать, что хотел; тот, кто выращивал у себя наилучшие овощи и в наибольшем количестве, получал премию; этой работе посвящались преимущественно вечерние часы. Были у них свиньи, кролики и овцы, за которыми они ухаживали. Они учились обращаться с льном или коноплей от момента посева до того момента, когда они в виде тика или полотна попадают в руки портного или швеи; точно также с шерстью — от стрижки овцы до приготовления платья.

Надо думать, что в «Учреждении для бедных» Песталоцци ставил дело аналогичным образом. В своих отчетах о деятельности его учреждения, которые он публиковал в журналах то в виде писем к Чарнеру, то под другими названиями, Песталоцци подчеркивает, что режим его школы является благодетельным для детей — и в нравственном и в физическом отношениях. Так, в отчете 1778 г. он сообщает о девушке, которую намеревались отправить в дом для душевнобольных; в Нейгофе она оправилась благодаря тщательному уходу и руководству. Однако дети, привыкшие к нищенской жизни, с трудом поддавались влиянию новой для них среды, многие убегали, забрав с собою одежду и кое-какие вещи, но зато оставшиеся резко исправлялись, становились деятельными членами коммуны Песталоцци и даже его помощниками. В этом деле социального перевоспитания много вредили родители, часто видевшие в Нейгофском институте место, где можно пожить, и отдавали своих детей

или живших у них сирот на время, чтобы очень скоро потребовать пришедшего и несколько поправившегося ребенка обратно. При этом делалось это не прямо, а через самих детей. Приходили матери и начинали плакать над ребенком:

— Несчастное дитя, неужели ты теперь работаешь целый день?

— Дают ли тебе, по крайней мере, есть?

— Не лучше ли пойти нам вместе домой?

Эти вопросы или им подобные быстро приводили ребенка к плачу и требованию вернуться домой. Между тем, все расчеты Песталоцци, такие ясные и оптимистические, пока они были на бумаге, рушились уже благодаря этой текучести состава воспитанников: как только они немного выучивались и их продукция могла быть источником некоторого дохода, они уходили, их место занимали новые, которых нужно было снова учить, одевать, приучать к распорядку, и очень часто с тем же результатом...

Сизифов труд! Но Песталоцци не сдавался.

Некоторые из его друзей высказывали предположение, что проще можно было бы достичь необходимой выучки, посылая детей на «фабрики» (мануфактуры), которые в это время были распространены в Швейцарии. Песталоцци решительно против этого. «Справедливо говорится, — пишет Песталоцци, — что дети на фабриках в скверном воздухе используются как машины, ничего не слыша ни о нравственности ни о долге, где их тело, голова и сердце одинаково подавлены... Избави нас боже от того, чтобы мы считали подобные условия подходящими для воспитания бедняков»...

«Фабрика не годится для того, чтобы стать действительным местом воспитания, так как она зачастую требует такой работы, которая сводится к весьма немногим движениям руки... Напротив, промышленно-воспитательное учреждение требует развития различных способностей и навыков, там нет места никакой односторонности».

Песталоцци отклоняет работу на производстве, так как она развивает только некоторые, выгодные — в данный момент — для предпринимателя стороны человека, она не ставит себе задачи всестороннего развития, а это требование выдвигается Песталоцци, как одно из основных, уже теперь. Это еще не наше требование политехнизма, так как мы представляем политехнизм как «часть коммунистического воспитания», а во всей деятельности Песталоцци, конечно, ничего коммунистического не было (от коммунизма он был дальше, чем даже Томас Мор или Томазо Кампанелла, а тем более аббат Морелли). Однако эти высказывания Песталоцци ставят его в ряд предшественников нашей политехнической школы, школы Маркса и Ленина. В нашей стране мы используем в педагогических целях работу детей на производстве; эта работа вводит детей во все

главные отрасли производства, а не делает их рабами той или другой специализированной операции. Песталоцци не сумел понять прогрессивного значения привлечения детей к фабричному производительному труду, и политехническая школа, наша советская политехническая школа, выросла не из «домов для бедных детей», а именно из фабричной системы, как пишет об этом Маркс. Однако то, что Песталоцци впервые поставил на реальную почву вопрос о соединении истинного производительного труда с обучением, опередив тем на многие годы своих современников, ставит его в наших глазах очень высоко.

Песталоцци начал новое дело свое в тот момент, когда его материальное положение было исключительно плохо. Но вера в правильность намеченного им пути была настолько велика, что он с необычайной энергией кинулся за его организацию, обращался к десяткам людей и, наконец, нашел новых друзей, принявших самое горячее участие в деле. Среди них одним из первых нужно назвать Исаака Изелина (1728—1782), сыгравшего в жизни Песталоцци исключительную роль. Изелин — секретарь Большого совета города Базеля, был известен и за пределами Швейцарии своими философскими и педагогическими сочинениями. Сам склонный ко всякого рода утопиям, весьма образованный представитель эпохи «просвещения», поскольку она отразилась в Швейцарии, он почувствовал незаурядность Песталоцци и приходил к нему на помощь в самые тяжелые для Песталоцци моменты. Он горячо поддерживал Песталоцци в деле организации «учреждения для бедных», сам занялся пропагандой нового дела, нашел большое количество подписчиков среди базельцев. В числе сочувствующих эксперименту Песталоцци были и Лафатер, старый знакомый Песталоцци, и книгопродавец Фюссли и мн. др.

Родственники отнеслись к предприятию Песталоцци, как к новому чудачеству, к новой глупости, что буквально выводило их из себя.

Один из Шультгесов, а именно Иоганн Каспар, пастор в Нейенбурге, писал своему брату Генриху, булочнику в Цюрихе:

«Я заклинал Песталоцци отказаться от своего беспочвенного плана — воспитывать детей на деньги, собранные по подписке, но заняться более серьезными делами и понять указание Провидения — воспитать самого себя и своих близких».

На это «пасторское» письмо Шультгес-булочник отвечает более конкретно:

«Песталоцци воображает, что если его план воспитания бедных покинутых детей Бернской области найдет успех у господ из Берна,

то он сумеет при помощи достаточной поддержки путем подписки улучшить свое положение. Однако, по моему мнению, он связывает себе руки слишком большими обещаниями... Крепким орешком обернется Песталуцу (вульгарное из Песталоцци) это дело — учить детей читать и писать».

От этих людей Песталоцци не мог ждать ни понимания, ни помощи.

Почти шесть лет бился Песталоцци, как рыба об лед. По существу, все было против него: и его собственная непрактичность, и отсутствие организаторского таланта (он никогда не знал середины в отношении к людям: или он им беспредельно доверял, или он бешено их ненавидел), — его постоянно обманывали люди, которых он приглашал к себе на службу, и глухое противодействие местных властей, и основная порочность всего предприятия (оно не могло скупиться трудом детей), и текучесть детского состава, и сельскохозяйственные неудачи (два года подряд град побивал все посевы), и неумение торговать и т. д.

Песталоцци проводил целые дни с детьми, он был их учителем, отцом, братом, другом, товарищем. Он отдавал всего себя, от надежды переходил к тяжелому и почти буйному отчаянию, снова оживал и снова кипел в этом мире, где было пятьдесят человек, из которых только два-три человека понимали его.

При поддержке таких друзей, как Изелин, такой жены, как Анна, он продержался почти шесть лет. Срок немалый, если принять во внимание все трудности ведения Нейгофского института для бедных детей.

Песталоцци, наконец, сдался. В 1780 г. «Учреждение для бедных» было ликвидировано. Детей распустили, долги с помощью друзей кое-как были уплачены, однако не совсем — они долго еще висели тяжелым грузом на всем хозяйстве Песталоцци; Песталоцци в течение восемнадцати лет не пускается ни в какие «авантюры», превратившись в нейгофского отшельника. Но воспоминание об «Учреждении для бедных» преследует его всю жизнь — до самой могилы, воспоминание о неисполненной прекрасной задаче жизни, задаче, оставшейся неразрешенной только благодаря его собственной беспомощности, собственному неумению — иных причин неудачи Песталоцци так и не увидел.

Как незажившую рану пронес Песталоцци это воспоминание — через славу романиста, через признание его заслуг революционной Францией, через мировую популярность реформатора школьного обучения. Он расценивал свою неудачу в Нейгофе как невыполнение своего долга перед народом, потому что почти вся его практическая деятельность после этого (за исключением краткого периода работы

в Стансе и Бургдорфе) была далека от прямой, от непосредственной помощи беднейшим, крестьянам-беднякам, а в этом он видел смысл своей жизни.

Крушение нейгофского опыта было для Песталоцци не крушением отвлеченной теории, но крушением всей жизни, — оно было трагично в своем существе.

Характерна заметка в дневнике прочитанных книг — 1785 г. — через пять лет:

«Профессиональное образование есть основа для достижения всех этих трех (основных. *А. П.*) целей (воспитания. *А. П.*)... Если бы захотел бог, я мог бы в тиши провести мое предприятие, думая о ближайшем и современном и забывая все остальное... Но этого и нехватает мне, бедному, который привык больше мечтать, чем действовать».

А действовать он хотел больше всего.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПЕСТАЛОЦЦИ — ПИСАТЕЛЬ

(1780 — 1798)

«Своей деятельностью я хотел повлиять на глубоко меня волновавшее положение народной культуры моего отечества и при помощи таланта (литературного), который во мне теперь признавали, обосновать народное счастье путем народной «правды».

(Песталоцци. «Лебединая Песнь»)

УЧРЕЖДЕНИЕ для бедных было закрыто. Песталоцци находился буквально на пороге нищеты. Он употреблял отчаянные усилия, чтобы выпутаться из долгов. Еще в ноябре 1779 г., следовательно еще до закрытия «учреждения», он продал около 10 гектаров своего участка вместе с надворными постройками своему брату Баптисту. Судя по некоторым данным, брат землю получил, но денег не заплатил. Несколько позже он продает «фабричные» постройки брату жены и еще 5 гектаров пахотной земли. Это были последние отчаянные попытки спасти свое предприятие, но скоро стало очевид-

ным, что долги превышают все состояние Песталоцци, что с каждым днем существования приюта он запутывается все больше, и Песталоцци остался один с тяжело больной женой в опустевших комнатах своего дома. Все, даже самые близкие люди, родственники и друзья признали его окончательно погибшим.

«Я в своем горе, — пишет Песталоцци, — имел много друзей, но почти у всех них потерял и последнюю искру доверия. Они любили меня, но в общем не надеялись на меня. Среди всех окружавших меня были в ходу слова, что я погибший человек и что мне нельзя больше помочь. Дело доходило до того, что лучшие мои друзья, подавленные этим общим суждением и полные сострадания, как только замечали меня на одной стороне улицы, переходили на другую, чтобы не быть вынужденными терять слова, которые им самим причиняли боль, а мне не могли помочь, так как, думали они, мне вообще уже нельзя помочь. Книгопродавец Фюссли, бывший почти единственным человеком, с которым я мог откровенно поговорить о своем положении, говорил мне в это время, что мои старые друзья считали почти решенным делом, что я кончу свои дела или в госпитале, или даже в сумасшедшем доме».

Но Песталоцци недаром говорил, что страдание идет для него на пользу. В самые тяжелые моменты своей жизни он нашел в себе силы, чтобы подняться и подняться так, что спустя 5—6 лет после гибели его «учреждения для бедных» о нем заговорила вся образованная Европа.

Он стал писателем.

Вряд ли, конечно, его можно было назвать писателем-профессионалом, однако с 1780 до 1798 г. он главным образом занимался тем, что писал и печатал свои книги.

За эти 18 лет им написана большая часть произведений. В этот период он написал такую большую вещь, как роман «Лингард и Гертруда» (1781—1787), в 4 томах, большой комментарий в диалогической форме к первому тому «Лингард и Гертруда» — «Кристоф и Эльза» (1782), заново переработал роман «Лингард и Гертруда» в 3 томах (1790—1792), написал ряд публицистических и философских статей, из которых наиболее известными являются следующие: «Вечерний час одного отшельника», «О законодательстве и убийстве детей», «Да или нет?» и другие статьи, посвященные французской революции, «Мои исследования относительно природы и человеческого рода» и др.

В начале этого периода он издает маленький журнальчик «Швейцарский листок», в конце — уже в период швейцарской революции — он редактирует официальный орган нового правительства «Гельветический народный листок». В это время он вступает в непосредственное

общение с целым рядом крупнейших мыслителей Европы, и его имя, как писателя-моралиста, проповедника нового отношения к беднякам, крестьянству, становится широко известным.

Его материальное положение в продолжение всего этого периода остается весьма неблестящим, хотя некоторый скромный минимум ему обеспечен. Он живет то в Нейгофе, то в Цюрихе и в других местах Швейцарии. Он часто совершенно одинок, так как жена болеет и живет в Цюрихе, а сын Яков учится с 1783 г. в Кольмаре, т. е. даже не в Швейцарии.

Как же начал свою литературную работу Песталоцци, что толкнуло его на это? По его мнению, это произошло случайно. Однажды, уже после гибели «учреждения для бедных», когда благодаря стараниям его друзей он начал понемногу выпутываться из долгов, он «в веселый час написал небольшую статью, высмеивающую попытку цюрихских властей придать городской страже военный блеск». Эта статья называлась: «Забавная повесть о превращении кривых, запыленных, нечесанных городских стражей у наших ворот в прямых, причесанных и вычищенных». Эта статья попала к брату упомянутого выше Фюссли, художнику, который, внимательно прочитав ее, нашел галантливой. Он сказал книготорговцу: «Этот человек может себе помочь, если захочет. У него есть талант писать так, чтобы в переживаемое нами время привлечь к себе известный интерес. Передайте ему это и скажите ему от меня, что он может, если захочет, стать писателем».

Когда это суждение было передано Песталоцци, он с той страстностью, которая его всегда, а в особенности в начале нового дела, характеризовала, принялся за писание небольших рассказов. Как он сам говорит, ему сперва казалось маловероятным, что из него может выйти писатель, ибо «под гнетом судьбы я так опустился, что сразу не мог написать ни строчки, не сделав при этом ошибки, и считал себя совершенно неспособным к этому делу, что бы ни говорил Фюссли».

Первоначально ни один из рассказов не понравился автору. Наконец, он натолкнулся на сюжет «Лингарда и Гертруды», рассказ о котором, по утверждению Песталоцци, «сам собою развился», хотя автор и не имел никакого предварительного плана. Роман был закончен почти в один присест. «Через несколько недель явилась книга, — рассказывает автор, — хотя я собственно не знал, как это случилось. Я чувствовал ее значение, но лишь как человек, который во сне чувствует цену счастья, о котором он только что мечтал. Я едва сознавал, что не сплю».

Песталоцци показал рукопись одному из своих друзей, друг этот нашел сочинение интересным, однако признал, что написано оно не очень грамотно, нелитературно, а потому его нужно передать кому-

нибудь для литературной обработки. Песталоцци на это согласился; нашли какого-то литератора и дали ему для обработки 3—4 первых листа этой книги. Через некоторое время «литератор» возвратил листы в переработанном виде. Песталоцци пришел в ужас, когда увидел, во что превратилось его сочинение: «это была чисто богословско-студенческая работа, которая исказила естественную картину крестьянской жизни, как она была просто и безыскусственно изображена мною в ее неприкрашенном, но верном виде... Он заставил крестьян в трактире говорить деревянным языком школьного учителя, что не оставило моей книге ни тени оригинальности».

Он обратился к известному нам Изелину, у которого нашел восторженную оценку работы. Изелин немедленно списался с издателем в Берлине, который принял к изданию книгу, заплатив автору по лундору за лист, и книга довольно скоро вышла в свет. Это была первая часть четырехтомной работы. Через некоторое время Песталоцци приступил к продолжению романа и в течение шести лет вышли остальные три части.

Роман «Лингард и Гертруда» имел большой успех, во всех журналах появились весьма положительные оценки, все календари и альманахи были переполнены выдержками из этого романа, кстати сказать, не подписанного автором. Экономическое общество в Берне тогда же после появления книги присудило Песталоцци премию и большую золотую медаль. Злополучный автор не мог продержаться этой медали у себя даже несколько дней, он поспешил ее продать, так как роман, принеся ему известность, денег дал ему очень мало.

Перечитывая сейчас его произведения и в частности его роман, мы не можем признать, что Песталоцци обладал большим художественным дарованием. Роман изобилует длиннотами, невыносимо слащав и сантиментален. Однако роман «Лингард и Гертруда» заслуживает того, чтобы с ним познакомиться ближе. Это социальный роман, где вопросам воспитания уделено много места, но вопрос о народном просвещении является только одной из социальных проблем, здесь затронутых. Кроме того, этот роман автобиографичен в том смысле, что устами положительных его героев Песталоцци высказывает свои самые заветные мысли.

Центральными фигурами романа являются Гертруда, жена каменщика Лингарда, образец матери и воспитательницы, помещик Арнер, стремящийся создать новую деревню путем ее оздоровления во всех отношениях, и, наконец, пастор Эрнст, представляющий, с точки зрения Песталоцци, идеал высоконравственного служителя религии, воспитывающего народ, но не погрязшего в церковных обрядах. Эти трое с помощью учителя Глюльфи, бывшего лейтенанта, ставят себе задачей создать новый народ, новых людей, изменяя те общественные

Гертруда у помещика Арнера
«Лингард и Гертруда» (по одному из первых изданий)

и отчасти экономические условия, в которых жила тогда швейцарская деревня.

Фабула романа очень проста. Гертруда воспитывает своих детей, воспитывает своего мужа, отрывая его от кабака и создавая из него дельного работника, воспитывает своих односельчан, показывая пример трудолюбия и высокой моральности. Она является деятельной помощницей помещика и пастора в деревне, через нее и через некоторых близких к ней женщин помещик и пастор влияют на всю деревню.

Всем этим добрым намерениям противодействуют некоторые темные силы, как в самой деревне в лице сельского старосты (фогга) и держателя трактира Гуммеля, так и при дворе герцога в лице некоего Гелиодора, являющегося наперсником доброго, но безвольного герцога. Само собою разумеется, что и при дворе находятся также идеальные личности, понимающие идеи Арнера и помогающие ему, разоблачая происки Гелиодора. Таков, например, министр Биливский.

Гертруда, Арнер, пастор, Биливский, Глюльфи и некоторые другие персонажи романа Песталоцци высказывают мысли Песталоцци решительно обо всем на свете: и о религии, и о воспитании, и о суеверии, и о труде, о воровстве и половом влечении, о бессмертии и истине и т. п. Конечно, как и следовало ожидать, в этом романе много отведено места воспитанию Недаром на памятнике Песталоцци в Ааргау написано между прочим: «Народный проповедник в Лингарде и Гертруде». Действительно, Песталоцци своей задачей в этом романе поставил показать, как должен быть воспитан народ, какие должны быть учреждены законы, чтобы можно было обеспечить всему населению и прежде всего беднякам сытую, счастливую жизнь. Как мелкобуржуазный утопист, Песталоцци не видел другой силы, кроме власти имущих, и полагал, что только таким путем, т. е. путем реформ, идущих сверху, можно создать новую, лучшую жизнь в народе. Трудно, конечно, было от него ожидать чего-либо иного. Если даже полвеком позже зачинатель английского социализма Оуэн и знаменитый утопист Фурье одинаково надеялись на власть имущих в отношении осуществления их утопии, то тем более естественно было ожидать этого от Песталоцци. Ему казалось таким естественным: убедить князей, герцогов и помещиков в том, во что он верил, внушить им правильные идеи в отношении народа, и тогда, тогда — все пойдет как нельзя лучше.

Для нас этот роман имеет то значение, что устами Арнера, пастора, Биливского и других автор высказывает свои мысли, пропагандирует свою систему взглядов. Подобно многим другим утопистам Песталоцци обставляет свое сочинение большим количеством конкретных рас-

четов, которые должны были создать видимость чего-то реального, чего-то легко осуществимого.

«Было ясно как день, — пишет Песталоцци, — что деревня, которая с земледелием соединяет промышленность и так умело пользуется своими сбережениями, как делают это города при хорошем управлении и дома горожан при умелом руководстве, что такая деревня может составить капитал, процентами с которого можно погашать все подати, лежащие на земле... Ясно было, что при помощи этого неизмеримо увеличиваются силы государства, достигается упрощение всех государственных налогов; права человечества обеспечиваются за низшим классом; получается народное образование, соответствующее потребностям промышленности, и увеличивающееся благосостояние... Ясно было, что единственно возможный путь для осуществления чего-либо, действительно облагораживающего людей, основывается на разумной подготовке народа к промышленной деятельности».

Здесь, как мы видим, Песталоцци повторяет и свою старую мысль о пропаганде профессионального образования среди крестьян с тем, чтобы, подготовив их к работе в промышленности, сделать этим самым их зажиточными и независимыми. Это действительно лейтмотив всей повести. Идеал крестьянской женщины, Гертруда достигает исключительных результатов в устройстве своего дома, главным образом потому, что она организует пряденье у себя на дому. Помещик стремится насадить в деревне различные ремесла с той же целью; наконец лейтенант Глюльфи в своей школе соединяет обучение с производительным трудом. В романе осуществляется то, что так неудачно пытался провести в жизнь сам Песталоцци.

«Лингард и Гертруда» дает полную возможность представить систему общественно-политических и педагогических взглядов Песталоцци. В соединении с другими работами этого периода, как, например, со статьями и рассказами, напечатанными в «Швейцарском листке», с «Кристофом и Эльзой», а также с «Вечерним часом одного отшельника», этот роман может служить основой для полной идеологической характеристики Песталоцци в 1780—1789 гг., т. е. в период, предшествовавший Великой французской революции.

Попробуем на основании этих работ показать основные черты мировоззрения Песталоцци в это время.

Какого класса черты характеризуют мировоззрение Песталоцци? На этот вопрос нетрудно ответить и на основании того, что нам уже известно о деятельности Песталоцци, и на основании его работ.

Решительно всегда Песталоцци выступал на стороне и в защиту эксплуатируемого крестьянства. С мыслью о помощи ему он направился в деревню, ради него он строил «учреждения для бедных», его роман представлял собою наивный и утопический план освобождения

крестьянства от эксплуатации, от нищеты и несправедливости. С этой мыслью он начал свою деятельность, этим же и кончил. Ему не всегда удавалось добиться того, чего он хотел, но от этого не может измениться классовая характеристика Песталоцци.

Как типичный идеолог того класса, с чьей судьбой он хотел связать свою судьбу, он не был последователен и всю свою жизнь метался между реакцией и революцией. Он разделял бесспорно реакционное убеждение о том, что «все зло идет от города» и что восстановление многих старых добрых патриархальных обычаев в крестьянской среде является одним из условий оздоровления крестьянства. Он считал главной задачей крестьянства укрепление его мелкой собственности и находил, что это можно лучше всего сделать тогда, когда крестьянин приобретает соответствующее его положению образование. Приспосабливаясь к новым условиям, он хочет застраховать крестьянина от разоряющего проникновения во все поры сельской деревни хищного торгового капитала; он не понимает однако, что этого совсем не достаточно для того, чтобы спасти крестьянство. Он глубоко ненавидит богатых, несправедливо бедняка-крестьянина, который мечтает о том, чтобы стать самому зажиточным и самостоятельным хозяином. Во всем его романе богачи изображены как враги тех улучшений, которые вносит благодетельный Арнер, который наделен чертами какого-то необыкновенного героя. Он умеет найти яркие образы в своих статьях и в своих беллетристических эскизах, стремясь завоевать для бедных симпатии «человечества», т. е. главным образом состоятельных классов. Он не замечает при этом, что его выступления должны вызвать со стороны этих последних только возмущение и ненависть.

Вот, например, в своем «Швейцарском листке» 24 января 1782 г. он публикует статью, где в образной форме едко издевается над аристократией.

Это — «сцены с натуры провинциальной Франции», как предусмотрено пытается замаскировать свой замысел Песталоцци.

Сцена первая изображает пышный богатый дворец некоего маркиза и двор перед ним. На дворе стоит женщина, с ней дети. Женщина молит одного из служителей маркиза отпустить арестованного за браконьерство мужа. Служитель неумолим, женщина и дети плачут. Выходит прислуга и несет пойло для охотничьих собак. Дети кидаются к ней и просят ее дать это пойло им вместо собак. Прислуга уступает их просьбам. Голодные дети быстро пожирают болтушку для собак.

Сцена вторая: Внутренность дворца, богатая обстановка. Маркиз, граф, аббат, гости. Ведется салонный разговор о борьбе в Америке, о борьбе против рабства, о сочувствии всем этой освободительной борьбе, ибо, как выражается аббат, «без свободы человеческая

жизнь ничего не стоит». Маркиз с этим совершенно согласен, все прославляют освободительную войну в Америке. Но вот одна из приглашенных прерывает этот разговор возгласом: «Боже мой, что же происходит у вас во дворе!» Все общество кидается к окну.

Сцена третья: Снова двор перед окнами замка. Дети, накинувшись на собачье пойло, отравились этой едой, часть из них без чувств, остальные стонут от боли. Мать не знает, что с ними делать. В это время входит дворецкий, который по поручению маркиза выясняет, что произошло. Он возмущен тем, что здесь допустили шум, что дали есть детям и собирается выгнать всех со двора. В это время его зовут в дом.

Четвертая сцена: Снова зал во дворце. Маркиз и все остальные возмущены тем, что какая-то крестьянка ворвалась во двор замка. Они утешают девушку, поднявшую крик, причем маркиз, извиняясь перед гостями, говорит:

— Да, это большое несчастье, что нельзя даже в наших замках совершенно застраховаться от таких случаев. Кроме того допущена очень большая ошибка, окна выходят во двор, надо было бы их вывести в сад.

Аббат и остальные гости с ним совершенно согласны. Аббат замечает при этом:

— Из-за этой черни мы совершенно забыли о наших победах в Америке и о борьбе Америки за свою свободу.

Входит дворецкий и докладывает о том, что произошло во дворе. Маркиз возмущен:

— Это же бесчеловечно кормить детей такими вещами! Заключите под арест прислугу, которая накормила детей, на 24 часа, а эту дрянь выбросьте немедленно со двора и пусть привратник не смеет пускать никого во двор.

Гости одобряют решение маркиза, один из них — граф, поддерживая хозяина, говорит:

— Ведь крестьяне бесспорно рабский народ!

— Совершенно на положении скота, — вторит ему маркиз.

С ним совершенно согласен аббат:

— Да, крестьяне не имеют никакого понятия ни о правах ни о свободе.

— К тому же они не имеют совершенно денег, — замечает граф.

Кончается сцена восклицанием маркиза:

«Нет... Однако... призываю небо в свидетели, какая же все-таки разница между этими людьми и американцами!

На это аббат сочувственно восклицает:

— Это чудовищно!

Тогда один из служителей, стоящий сзади той самой девушки, которая подняла шум, говорит тихо, про себя:

— Не так чудовищно, как твоя бесчеловечность, несчастный поп!

Одна из приглашенных слышит сказанное, поворачивается к служителю и смеется сочувственно. Служитель бледнеет и прячется в дальний угол зала. Она подходит к нему: «Я тебя понимаю, возьми эти деньги для женщины и скажи ей, чтобы она завтра утром пришла в аллею замка» и т. д.

Приведенная нами большая выдержка, конечно, не говорит в пользу драматического дарования Песталоцци, но зато не оставляет никакого сомнения относительно его социальных и политических взглядов в этот период. Он всем сердцем на стороне крестьян, и в пределах возможности, имеющейся у него в пределах цензурных, он гневно наделяет аристократию и прислуживающего им попа самыми отвратительными чертами. Однако и тут он не может удержаться от того, чтобы показать возможность появления в этой среде людей, чувствующих по-другому. В этом смысле очень характерна последняя сцена между одной из приглашенных аристократок и служителем. Песталоцци не перестает и тут надеяться на самих власть имущих, на самих аристократов. Да и кто же, как не аристократ в «Лингарде и Гертруде», им наделен всеми чертами добродетели? Вспомним Ланера. Он — аристократ, но он понял нужды крестьян и хочет им помочь.

Выше мы сказали, что Песталоцци является идеологом крестьянства, но какого крестьянства? Не кулачского, это мы уже видели. Он против богатых крестьян, против богачей, он их изображает врагами всякого прогресса в деревне, но его нельзя, несмотря на все его симпатии к беднякам, причислить к идеологам нарождающегося в деревне пролетариата. Он считает существование пролетариата в деревне, появление бедняков-крестьян большим несчастьем. Вот это и заставляет его всячески выискивать средства для того, чтобы бедняки-крестьяне стали самостоятельными, завели бы собственное хозяйство, научились бы тому или другому ремеслу, связались бы с промышленностью. Если можно так выразиться, через индустриализацию, конечно весьма относительную, деревни, он хочет найти путь для улучшения их положения, но не для того, чтобы защищать интересы беднейших крестьян в качестве особого слоя, в качестве особого класса; он стремится к тому, чтобы эти бедняки возможно скорее перестали быть бедняками, стали зажиточными и независимыми, однако не настолько, чтобы эксплуатировать других, чтобы быть источником страдания для остальных крестьян. Выражаясь современным термином, это — типичная середняцкая точка зрения и, проводя некоторую аналогию, можно сказать, что Песталоцци был

идеологом и защитником интересов крестьян-середняков, причем стремился помочь им тогда, когда они были эксплуатируемы аристократией и крестьянами-кулаками, и тогда, когда они опускались до положения бедняков в силу своего невежества, бесправия, беспомощности.

Все остальные литературные, педагогические и политические работы Песталоцци подтверждают этот вывод с несомненностью.

Такова классовая характеристика мировоззрения Песталоцци. Однако эта характеристика была бы неполной, если бы мы не остановились еще на двух моментах, проливающих яркий свет на всю его деятельность и неразрывно связанных с тем, что было сказано. Мы говорим о его религиозности и о его глубочайшей вере в огромную силу воспитания.

О религии Песталоцци было написано немало. Почти в каждом его произведении можно найти соответствующие строки. Его бог — это бог морали, бог мудрости, бог долга, бог любви, бог бедных. Он в терминах религиозных выражает свои требования к жизни и миру. В его мировоззрении есть кое-что от пантеизма. Поэтому он не может не презирать то алчное и хищное поповство, с которым ему приходилось встречаться. Недаром он говорит о клерикализме в главе, посвященной суеверию и идолопоклонству. Для него клерикализм — это «служитель суеверия». По его мнению, клерикализм питает порок, а торжественность христианского богослужения он называет «торжественностью идолослужения». Истинное же служение богу означает — «предотвращать заброшенность людей, устранять страдания и мудро влиять на общественную жизнь людей, лишать силы фантазерство, господствующее в их жизни».

Его пастор больше всего боится поповской болтовни. Ему кажется, «проповеди связаны с болтовней, которой люди должны остерегаться как самого смертельного яда». Поэтому его пастор не исполняет требования всегда произносить проповеди а произносит их только тогда, когда к этому есть прямая необходимость.

Несмотря на эту относительную независимость от традиционной церковности, его религиозность — объективно реакционная черта. В тот век борьбы против феодализма во всех его видах, в частности борьбы против феодализма христианского, атеизм значительной части французской буржуазии был явлением весьма прогрессивным. Материалисты XVIII в. во многом нам близки и сейчас, когда дело идет о борьбе против суеверий и мистики, религии и поповщины. Песталоцци, выражавший идеологию среднего крестьянства, воспринял его реакционные черты, в частности его патриархальную религиозность. Он был против материализма и рационализма «века просвещения» и поэтому не случайно в его работах встречаются до-

вольно резкие выпады против идеологии «просветителей». «Просвещение», которое было тогда лозунгом передовой буржуазии, Песталоцци называет «фантомом времени». По его мнению, «оно может принять такое направление, что низвергнет человека в состояние, близкое состоянию первобытной дикости. Тогда даже религиозное фантазерство в сравнении с этим просвещением действительно может показаться небесным светом, который блестит среди дыма страшного земного пожара».

Третьей характерной чертой мировоззрения Песталоцци в то время является его отношение к воспитанию. В «Лингарде и Гертруде», в этом социально-педагогическом романе, много страниц посвящено организации воспитания в деревне. В форме беллетристической Песталоцци пытается здесь оправдать свой нейгофский эксперимент, выдвигая те же самые идеи, те же самые формы воспитания. Его лейтенант Глюльфи организует свою деревенскую школу на тех же основаниях, на которых было организовано дело самим Песталоцци в Нейгофе.

С точки зрения советской педагогики, конечно, такой способ обучения не является рациональным. Производительный труд детей должен происходить либо в обстановке школьных мастерских, либо на предприятиях. Соединять в классе обучение тканью или прядению с обучением грамоте и счету дело конечно мало рациональное... Здесь важно само провозглашение принципа соединения обучения с производительным трудом, принципа, разделявшегося всеми утопистами и углубленного затем Марксом и Энгельсом. Классовое обоснование соединения производительного труда с обучением у Песталоцци было конечно иное, чем в советской школе. Тем не менее ему принадлежит честь упорного защитника этой идеи, идеи, которой он был верен в течение всей своей жизни, несмотря на то, что практически он пытался ее проводить только однажды, именно в Нейгофе.

О воспитании в широком понимании слова Песталоцци говорит чуть ли не на каждой странице своего романа. Деятельность помещика и пастора для него—это деятельность воспитательного порядка. На обложке романа так и написано: «Лингард и Гертруда. Опыт упрощения основ образования народа». Перевоспитать крестьянство—вот задача, которую наш писатель себе ставил и в литературе и в жизни.

Нет необходимости знакомиться со всеми работами Песталоцци. Многие из них чрезвычайно устарели, многие изложены очень темно и запутанно. Как философ и мыслитель он не отличался способностью ясно, законченно выражать свои мысли. Поэтому одну из его самых крупных работ: «Мои исследования о естественном развитии человечества» нельзя назвать таким произведением, которое

содействовало бы развитию и углублению философской мысли, несмотря на то, что в ней встречается немало удачных и даже глубоких мест.

Некоторые из биографов Песталоцци хотели сблизить его с Кантом, зачисляя Песталоцци в последователи этого философа-идеалиста. Вряд ли это верно, вернее то, что в своей темной и путаной философии Песталоцци был оригинален, хотя и не создал никакой системы. Конечно, в основном он—идеалист. Это не мешает ему высказывать такие положения, которые говорят о его диалектических способностях. Вот что, например, он говорит о среде и ее влиянии на человека в упомянутых выше «исследованиях».

«Я скоро увидел: обстоятельства делают человека; но тоже скоро увидел я: человек делает обстоятельства. Он имеет в себе силу многообразно гнуть их по своей воле. Делая это, он сам принимает участие в образовании самого себя и во всех обстоятельствах, действующих на него». Если в этом положении, несомненно, чувствуется некоторая идеалистическая переоценка свободной воли отдельного человека, то в то же время эта установка логически ведет к признанию личного активизма одним из важнейших моментов развития человека.

Литературная деятельность Песталоцци сделала его имя известным всей читающей интеллигенции тогдашней Европы. В особенности хорошо знали его в Германии, но его известность вышла за пределы Швейцарии и Германии. Наиболее замечательным результатом этой известности было провозглашение его, по предложению Гюаде, французским Законодательным собранием 26 августа 1792 г. гражданином Франции, вместе с такими людьми, как Бентам, Джордж Вашингтон, Клопшток, Костюшко, Шиллер и др.

Этот чрезвычайно характерный факт произвел сильное впечатление на Песталоцци. Он реагирует на него целым рядом статей, большей частью не появившихся тогда в печати, но дающих нам богатый материал для суждения о его отношении к революции.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПЕСТАЛОЦЦИ И РЕВОЛЮЦИЯ

(1789 — 1798)

«Отечество! Чем хочешь ты быть, когда в борьбе между свободой и деспотизмом распалась на два лагеря вся Европа? Чем можешь ты стать, если только не примкнешь к тому народу, который—при всех своих человеческих ошибках—целью своей высокой борьбы всегда стагнал счастье человечества и право народов начертал на своем щите?»

(Песталоцци. «К моему отечеству»)

В РАННЕЙ молодости, как мы знаем, Песталоцци принадлежал к кружкам «патриотов», был врагом аристократии и сторонником решительных действий против нее. Десять лет практической работы в качестве собственника небольшого имения отразились на его политических взглядах отрицательно. В «Лингарде и Гертруде», в «Кристофе и Эльзе» он резко выступает против «века просвещения», он надеется на добродетельных властителей, на помещиков, пасторов и т. д. Эти политические настроения господствуют в нем до самой Французской революции. По крайней мере в различных работах того времени проскальзывают и отрицательное отношение к тому предреволюционному движению, которое так мощно развертывалось в то самое время во Франции, и отдельные замечания против самой революции. Революция стояла в порядке дня, Франция кипела в революционном брожении, а Песталоцци в своей работе, написанной в 1780—1790 гг. «Фигуры в моей азбуке» (басни), заявляет в послесловии к одной из басен: «физическая масса народа и, еще менее, противозаконное движение масс народа не облегчают страданий последнего от неправды, это не является ни божественно освященным, ни обоснованным с точки зрения человеческого права средством для достижения высших идеалов человеческого общества».

В тот период, когда писались эти строки, Песталоцци верил в возможность мирным путем, путем законодательных мероприятий, проводимых князьями, герцогами, королями, помещиками при помощи просвещенных деятелей и добродетельных пасторов, улучшить положение народа. Он против насилия. «Дух насилия страшен и

ужасен.—пишет он.—овладевая отдельной личностью; охватывая же многих, переходя в дух масс народа, он становится безмерно и несравненно более ужасным».

К этому времени относится сближение Песталоцци с орденом «иллюминатов», основанным неким Вейсгауптом в 1776 г. Песталоцци был членом этой буржуазно-мистической организации под именем «Альфред». Иллюминаты ставили своей задачей бороться с невежеством и суеверием, распространять просвещение и улучшать нравы. Повидимому, конечной целью иллюминаты считали замену монархического правления республиканским, что не мешало однако ордену привлекать в число своих членов высокопоставленных сановников и обращаться за помощью к князьям и королям.

Какова была активность Песталоцци в качестве «иллюмината» — абсолютно неизвестно: очевидно, лишь то, что при помощи своих новых друзей популярный писатель заводит связи с дворами некоторых герцогов и князей, посылает им свои проекты, даже собирается переехать из Нейгофа. Он изменяет лозунгам своей юности, он хочет позерить в добродетельных королей и прекрасодушных помещиков. Нужно было сильное потрясение, чтобы импульсивный и горячий Песталоцци заговорил другим языком.

И это случилось: раздались громы, блеснули молнии Французской революции. Мы не знаем, как отнесся Песталоцци к первым сообщениям относительно действий Конституанты (учредительного собрания), но в эпоху Легислативы (законодательного собрания) Песталоцци — уже на стороне Французской революции. Особое значение, — в этом, повидимому, нельзя сомневаться, — в деле развития его симпатии к революционной Франции сыграло упомянутое выше провозглашение его гражданином Франции. Имеется несколько документов, показывающих, как реагировал Песталоцци на присвоение ему звания французского гражданина. Ни в делах Легислативы, ни в делах Конвента не найдено никаких писем Песталоцци в связи с его французским гражданством. Возможно, что дошедшие до нас материалы представляют собою черновики, так и не отправленные по адресу. Тем не менее они очень характерны. В одном из них он называет себя «старым республиканцем», которому делает честь, что французская нация объявила его своим согражданином. Обращаясь к Франции, он называет французов благородными защитниками человеческого права. Характерно, что в одном из писем он говорит о своих заслугах, напоминает о своей писательской работе, о том, что «от трона до нищего объединились все голоса в признании правдивости «моих писаний», и о том, что «в Германии называют мою книгу единственной народной книгой». В другом письме он обещает служить новой родине в качестве верного гражданина.

В связи с Французской революцией, была им задумана, а может быть даже и написана, большая работа, посвященная французскому народу, на тему о «человеческих чувствах в борьбе различных мнений относительно животного, общественного и нравственного права нашей природы».

В конце 1793 г. он пишет своему знакомому Фелленбергу: «Я доволен тем, что моя работа движется... Вскоре я пришлю Вам законченные отрывки из нее и прошу Вас дать их всем тем, кто может быть полезен своей критикой».

К сожалению эта работа до нас не дошла, но осталось посвящение книги французскому народу. Это посвящение настолько характерно, что мы приводим его целиком.

«ОТЕЧЕСТВО!

С тех пор как Ты признало меня Твоим гражданином, мысль об этом труде беспокоила мою душу, так же как и Твоя судьба.

Теперь этот труд окончен, и я возлагаю его на Твой алтарь, с глубокой радостью, что я — не чужой среди того народа, кровь которого с такой силой льется в защиту прав человечества.

Вся земля благодарна Тебе за эту кровь, так же как и я; но она спрашивает еще насмешливо: как, за всю кровь! Я отвечаю убежденно: да, за всю пролившуюся кровь, так как она приковала внимание всей земли к правам и силе человечества.

Граждане! И мои отцы показали однажды силу своей борьбы за права человеческого рода. И теперь, возлагая на Твой алтарь с глубоким чувством благодарности и уважения мое свидетельство в защиту этого права, я вспоминаю с глубоким чувством единства в благодарности и уважении как о них, так и о Тебе!

В течение трех столетий ни внутренняя глупость, ни внешняя неправда не смогли у нас отнять те права, которые они купили для нас своей кровью.

Пусть будет Твоя судьба такой в великом, какой была их в малом.

Пусть в течение многих веков ни внутренняя глупость, ни внешняя неправда не похитят прав человечества Твоих сыновей, за которые Ты заплатила бесчисленными смертями.

И пусть скоро придет тот час, когда сыны Гельвеции все объединятся с Тобой, как объединился я с Тобой сегодня

с глубокой любовью к их свободе
и с глубокой радостью за Твою свободу,
верный праву их независимости,
верный также Тебе».

Эти строки были написаны не раньше самого конца 1793 г. В высшей степени важно отметить, что это писалось в момент чрезвычайного подъема революционной волны во Франции, в конце великого и страшного 1793 г. Это был год диктатуры мелкой буржуазии, это был год наивысшего развития террора. Песталоцци в этом только что приведенном посвящении с огромным подъемом, почти в форме торжественной клятвы, безоговорочно оправдывает революцию, оправдывает кровь, ею проливаемую.

Несомненно, что в этот период Песталоцци был близок по своим убеждениям к якобинцам, в нем чувствуется снова юный автор «Агиса».

Песталоцци был необыкновенно воодушевлен Французской революцией. До нас дошли некоторые, нигде не напечатанные тогда статьи. Возможно, что их было больше, но и то, что мы имеем, в высшей степени характерно. В одной из них, носящей заголовок «Да или нет?», Песталоцци ставит вопрос о роли революции вообще, об отношении к ней народных трудящихся масс, с одной стороны, князей и королей — с другой. Статья эта начинается так:

«Верно ли в действительности, что просвещение повинно в том, что князья Европы не могут больше сидеть покойно на своих тронах? Действительно ли верно, что просвещение и современные разговоры о свободе и человеческих правах совершенно погребли истинное благополучие человеческого общества, что они решительно угрожают даже всякому авторитету и всякой законной власти и что даже серьезные народы Германии продались какому-то клубу злодеев, цель которых состоит в том, чтобы распространить анархию в нашей части света с тем, чтобы на развалинах теперешних властей они могли построить себе новые троны?»

Но, может быть, все это лишь выдумка? И может быть, наоборот, те огромные ошибки правительств и всевозможные, имеющие место среди народов, бесчинства, делающие человечество нашего времени недовольным его положением, и приводят его, конечно со всеми ошибками нашей природы, к желанию изменения его общественного положения и больше всего к тому, чтобы создалась законодательная гарантия против гнетущих всех нас ошибок правительств?

И то и другое утверждается. Первое — в приемных аристократов и за бесчисленными столами их челяди, второе — среди миллионов по самой природе объединенных между собою хижин народа».

Это является тем вопросом, на который Песталоцци требует ответа: — «да или нет?» И несомненно, он на стороне вторых, т. е. на стороне хижин народа.

Нет необходимости излагать эту статью полностью. Однако нельзя не отметить, что даже в этой, написанной в феврале 1793 г. работе,

он все же дает место обращению к немецкому королю и к немецким князьям, обращению, которое имеет целью направить их мысль в пользу улучшения положения народа. Правда, эта последняя часть представляет собою описание сна Песталоцци, и все же как-то странно в этой статье, по существу являющейся апологией Французской революции, прочесть следующий конец:

«и увидел я князей Германии, объединенных с их народами, и услышал я голос гения, который прозвучал по залам храма:

«Отечество спасено!»

Мое сердце сильно забилося, и мой сон прервался».

Недаром некоторые хитроумные биографы Песталоцци утверждают, что первая часть этой статьи написана до казни Людовика XVI, а последняя будто бы написана под впечатлением сообщения о смерти короля. Вряд ли это верно. Прежде всего дата, имеющаяся на рукописи, говорит о том, что она написана через месяц после казни, во-вторых, приведенное выше посвящение, написанное, как мы уже видели, в самом конце 1793 г., безусловно говорит о том, что на Песталоцци казнь короля не произвела никакого впечатления. Обращение же к немецкому кайзеру только подчеркивает ту непоследовательность и ту половинчатость в политике, ту неустойчивость, которые всегда характеризовали зрелого Песталоцци.

В политике он всегда оставался верен особенностям того класса, с которым он связал свою жизнь и свою деятельность. Об этих особенностях много раз достаточно определенно говорили основоположники марксизма — Маркс, Энгельс и Ленин. Так, например, В. И. Ленин пишет: «срединное положение обуславливает необходимо специфический характер мелкой буржуазии, ее двойственность, ее двуличие, ее тяготение к меньшинству, счастливо выходящему из борьбы, ее враждебное отношение к «неудаччикам», т. е. к большинству».

Песталоцци хотел служить Французской революции не только в теории, но и на практике. По крайней мере он сочиняет целый трактат о том, как помочь французской республике в прототольственном отношении. В статье, которая называлась: «Тогда Вы спасете отечество», он, заявив вначале, что «давно боялся больших препятствий для развития революции благодаря хозяйственным ошибкам нации», развертывает программу широкого разведения картофеля. Статья переполнена арифметическими расчетами, показывающими всю выгоду этого дела. Обращаясь к Франции, он пишет: «Отечество! Точно так же, как ты призываешь к оружию», «к пороху», «к мастерским», ты должно призвать: «на борьбу за разведение картофеля!»

Не менее характерен конец его статьи:

«Телль сказал своему сыну: «стой тихо». Сын стоял тихо, и он прострелил яблоко на его голове, не поранив его. Граждане, не

будьте слабее, чем мальчик Телля. Стойте твердо и тихо со спокойной силой именно там, где сейчас вам тяжелее всего, при сбережении хлеба, при потреблении картофеля, так же, как в поединке, и вы спасете ваше отечество».

Песталоцци этим не удовлетворился. Много раз он собирался поехать в Париж, чтобы в ответ на приглашение своей новой родины принять участие в практическом строительстве Франции. Но этого не случилось. По целому ряду причин ему не удалось поехать туда и принять, подобно другому гражданину Франции, одновременно с ним избранному, Анахарсису Клоотцу, участие в революционной борьбе.

Песталоцци хотел во что бы то ни стало практически помочь своему отечеству. Он составляет какие-то проекты к сожалению до нас не дошедшие, и направляет их Конвенту. Об этом мы узнаем из протокола 339 заседания от 14 ноября 1794 г. Комитета народного образования при Национальном конвенте. Там мы читаем: «Гражданин Песталоцци предлагает описание главных войн швейцарцев с их деспотами и предлагает свои услуги, чтобы (с одобрения Комитета) подготовить другие работы, где будет объединено все, что есть наиболее демократического, ценного и разумного в государственном строе Гельветии; он просит о помощи в его работе. Комитет направляет петиционера в Комиссию народного образования, которая должна высказать свое мнение».

Через заседание в протоколе за № 341 от 20 ноября находится такая запись: «Два швейцарских писателя, хорошо известных ценными для человечества сочинениями, граждане Ит из Берна и Песталоцци предлагают свои услуги, чтобы подготовить популярное сочинение, пригодное для осуществления французских стремлений к изменению обычаев, к расширению народного образования. Комитет выражает свое удовлетворение, видя, что граждане дружественной нации присоединяют свои патриотические усилия к усилиям основателей французской республики и посвящают себя таким работам, которые могут ускорить развитие разума и усовершенствованию человеческого рода. Комитет постановляет, что гражданин Грегуар уполномочивается передать им это мнение Комитета».

Французская революция вступила в свой термидорианский фазис. Реакция торжествовала. Песталоцци внешне перестает интересоваться Французской революцией. Он не пишет больше статей о ней, не подписывается «гражданином Франции», что он любил делать в предыдущие годы, и посвящает два, а может быть и три года философским работам. Это для него тяжелый период, его надежды на

Французскую революцию разбиты. Но и в это время он не отходит от активного участия в общественной жизни. С большим риском для себя он вмешивается в известное «Штефское дело». Об этом необходимо сказать подробнее, хотя безусловно точных данных не так много.

Штефа — небольшое селение на берегу Цюрихского озера. Под влиянием событий во Франции, в Женеве, где отраженно, в местном масштабе, протекли почти все фазы Французской революции вплоть до террора в 1794 г., несколько вождей крестьянства и среди них Нерахер, потом старик — мастер Бодмер и др. разработали мемориал о восстановлении прав деревни, установленных так называемым «Вальдмановским соглашением» (1489) и «Каппельской грамотой» (1531). Первый документ давал крестьянам права посылать депутатов для сообщения о своих нуждах в Большой и Малый совет; Каппельская грамота обязывала город не начинать войны и не заключать мира без согласия депутатов от деревень. С течением времени городские патриции и городское купечество совершенно подавили деревню, все эти и им подобные грамоты были основательно забыты. И вот крестьяне из Штефы, возможно даже при помощи Песталоцци, составили «мемориал» цюрихским властям.

Песталоцци в это время вел кочевую жизнь. Он мало сидел в Нейгофе, его больная жена также бывала там очень редко, — ей приходилось лечиться и жить у родных в Цюрихе. В момент развертывания «Штефского дела» Песталоцци находился в деревне Рихтерсвилль — напротив Штефы, на том же Цюрихском озере. Рассказывают, что Песталоцци часто тайком посещал вождей крестьянства, поэтому и сочинение самого «мемориала» приписывали ему.

Вожди крестьянства были арестованы, судимы и присуждены к изгнанию, штрафам и т. п. (в январе 1795 г.). Приговор всколыхнул крестьянство всего района, крестьяне стали вооружаться, к Штефе присоединился Кюсснахт, также подавший заявление в Цюрих. Тогда в Штефу были введены войска, «зачинщики» были арестованы, новый приговор был уже много суровее. Так, Бодмер, мастер из Штефы, присуждается к смертной казни, которая заменяется ему длительным тюремным заключением. Перед развязкой Песталоцци пытается уговорить обе стороны, выступает не как революционер, но как соглашатель. Обе стороны им недовольны.

Даже тогда, когда происходит, при поддержке Франции, швейцарская революция, когда Песталоцци вновь оживает, принимая самое горячее участие в революции, — не обошлось, на первых порах, без колебаний с его стороны.

И в конце 1797 г. и в самом начале (в январе) 1798 г. Песталоцци играет роль человека, зовущего к соглашению борющиеся сто-

роны. Эти соглашательские выступления Песталоцци никакого успеха не имеют и несомненно даже уменьшили популярность Песталоцци в «патриотических», т. е. революционных кругах.

В одном из писем Лафатеру Песталоцци пишет: «Старик Бодмер настолько недоволен моим поведением, что сегодня, когда я хотел, как обычно, его обнять, он меня оттолкнул». Кстати, это тот самый Бодмер, который в 1795 г. был присужден к смертной казни, замененной вечным заключением. В 1797 г. под влиянием усиления революционного брожения он был освобожден.

Однажды Песталоцци даже был принужден бежать с собрания, возмущенного его соглашательскими выступлениями. Но вот французские войска вступили в кантон Ваадт (Во), старая власть была сброшена, «патриоты» стали у власти. И Песталоцци — целиком на стороне революции.

Как только 12 апреля 1798 г. собралось учредительное собрание Гельветической республики, Песталоцци, не избранный депутатом этого собрания именно за свою примиренческую деятельность, явился в Аарау, где происходило собрание, и отдал себя в распоряжение правительства. С этого момента начинается энергичная и широкая общественная деятельность Песталоцци.

Прежде всего, правительство поручает ему написать «обращение к издавна демократическим кантонам». Это обращение имело своей целью бороться с контрреволюционным движением, которое существовало в некоторых кантонах. Было ли это обращение действительно распространено, сказать трудно, во всяком случае правительство (Директория) его одобрило и постановило напечатать его в четырех тысячах экземпляров. Это было началом его политической деятельности в защиту революции. Он написал ряд статей, направленных против остатков феодальной системы в Швейцарии. Некоторые из этих статей в особенности возмутили всех контрреволюционеров. Это были статьи об отмене десятины в пользу духовенства. Ряд статей он написал в качестве редактора правительственного «Гельветического народного листка». В результате Песталоцци очень быстро получил широкую популярность. Консервативные, контрреволюционные круги в особенности ненавидели Песталоцци, называя его фанатиком, Робеспьером, сумасшедшим, якобинцем, вырожденцем и т. д.

Широко известна та решающая роль, которую сыграла Франция, тогда еще республиканская Франция, в швейцарской революции. Французы поддержали революционеров, поддержали революционную Директорию, и только благодаря их поддержке новое правительство справилось с отдельными, порой очень серьезными контрреволюционными выступлениями. В статьях Песталоцци мы снова находим ряд теплых обращений к Франции, к братской Франции. Он неодно-

кратно выражает благодарность «великой нации» за ту помощь, которую она оказала молодой республике.

«Радуйся, отечество,— пишет он в статье «К моему отечеству» — Франция тебя не принизила, Франция не хочет тебя принижать. Великая нация хочет восстановить твои внутренние силы и твою внешнюю славу, и то, что она хочет, то она может, в этом ты не должно сомневаться, она это доказала».

Особенно необходима была помощь Франции в подавлении контрреволюционного восстания в швейцарской Вандее — в Нидвальдене. В этот момент Песталоцци выпускает прокламацию под названием «К народу Гельветии», в которой, между прочим, пишет: «Кровь каждого швейцарца да будет, граждане, для вас священна; однако счастье отечества пусть будет для вас священнее, чем кровь зачинщиков восстания; оно должно быть для вас священнее, чем ваше собственное счастье».

И в другом месте:

«Несчастные! Отечество сожалеет о вас. Оно возьмет ваших вдов и сирот в приюты, но оно будет всегда класть предел вашим преступлениям, оно обязано сделать широко известным всему свету то безумие, с которым вы навлекли на себя ваше несчастье».

Заканчивается прокламация следующими словами:

«Пусть ваше сердце истекает кровью за ваших братьев, но пусть ваша рука бьет врагов, спасая страну».

9 сентября в Станс, в центр швейцарской Вандеи, вошли войска, разрушили значительную часть города и жестоко подавили восстание. Это было 9 сентября, а уже 10-го, на другой день, Песталоцци пишет в «Народном листке», где оправдывает действия войск и требует решительного подавления всякой контрреволюции. Он снова повторяет свою мысль о верховном благе отечества и необходимости самой решительной борьбы с контрреволюцией.

Революционная деятельность, казалось, совершенно захватила Песталоцци. Он был в числе активных руководителей швейцарской революции. Перед ним открывалась возможность большой общественно-политической деятельности. Ему не раз делались предложения занять какой-либо ответственный пост, на что он всегда отвечал отказом.

И в этот момент Песталоцци делает снова резкий поворот в своей личной жизни, бросает то, чем он занимался почти в течение целого года, сдает дела по «Народному листку», и 7 декабря 1798 г. отправляется в Станс, в недавний центр контрреволюционного восстания, туда, где его, несомненно, ненавидели очень многие, в качестве руководителя приюта для сирот, приюта для детей погибших во время усмирения недавнего восстания.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПЕСТАЛОЦЦИ — ВОСПИТАТЕЛЬ И УЧИТЕЛЬ

(1798 — 1800)

«Я хочу стать учителем».

(Песталоцци. 1798 г.)

В САМОМ же начале швейцарской революции Песталоцци решил, что настало время для осуществления его педагогических идей.

«Я хочу стать учителем», — сказал он себе и стал действовать. Уже в мае 1798 г. он обращается к Директории с предложением своих услуг, именно в области народного образования, и ведет переговоры с членом Директории Леграном, а затем с министром наук и искусств — Штапфером. Об обоих он говорит очень тепло, а Штапфера называет вторым Изелином — высшая похвала в его устах...

Альберт Штапфер — профессор филологии и философии в Берне — был одушевлен самыми лучшими желаниями. По его настоянию Директория включила в свои первые декларации заявление о ее твердом намерении поднять народное просвещение; это весьма обрадовало Песталоцци и толкнуло его на переговоры с Директорией.

Песталоцци обратился со следующим письмом к министру юстиции Мейеру (ввиду отъезда Штапфера), уже после переговоров с Леграном.

«Гражданин министр!

Убежденный, что родина нуждается в существенном улучшении образования и школ для самых низших слоев народа, и уверенный в том, что трех-или четырехмесячные исследования в этой области дадут существенные результаты, я, ввиду отсутствия министра Штапфера, обращаюсь к гражданину министру Мейеру, чтобы через него предложить стране мои услуги и просить его сделать те шаги, которые могут оказаться необходимыми для моих патриотических целей.

С республиканским приветом

Аарау, 21 мая 1798 г.

Песталоцци».

Директория с удовольствием приняла предложение Песталоцци. Положение народного образования и в это время было весьма неблестяще. Из числа 360 имевшихся во всей Швейцарии деревенских школ лишь 130 имели свои помещения, в остальных преподавание велось в комнатах учителей. Впрочем, настоящих — профессионально-

подготовленных — учителей в деревнях, как правило, не было. Учительством занимались попутно те, кого не удовлетворяла их основная работа — ткача, сапожника или портного и кто не очень уж по своему образованию отличался от остальных жителей деревни. Декреты Штапфера, направленные к улучшению положения деревенских училищ, не осуществлялись, Штапфер принимал меры к созданию подготовленного штата учителей, — начиналась борьба за просвещение, — и Песталоцци, оживленный и радостный, принимает в ней, наряду с деятельностью политической, участие со всей своей страстью. Песталоцци разработал обширный план, соответствовавший установкам нейгофского опыта, а также тому, что было описано в «Лингарде и Гертруде», относительно учреждения нового института для бедных. Штапфер доложил план Песталоцци Директории с самой горячей и положительной его характеристикой, и, по его докладу, Директория отпустила для начала крупную сумму (3 000 флоринов), предоставила ему право выбрать необходимое количество помещений из числа монастырей или национальных зданий и т. д. Дело несколько задержалось выбором подходящего района. Произошли события в Стансе. Осталось много сирот и вообще беспризорных детей.

Правительство сочло необходимым учредить в Стансе приют для сирот и поручило, постановлением от 5 декабря 1798 г., Песталоцци руководство этим приютом, а пастору Бузингеру и правительственному комиссару Трутману общий контроль над ним. Одно из зданий монастыря клариссок и прилегающий к нему луг были переданы приюту с тем, чтобы поместить в нем до 80 детей. Для начала на расходы было ассигновано 6 000 франков.

Песталоцци несколько не опечалился, что прежний план его не был осуществлен. Он охотно направился в Станс: уже 7 декабря он был на месте, один — без семьи.

Станс расположен вблизи от Фирвальдштеттского озера, у подножья высочайших Альп, недалеко от водораздела между Рейном и Роной, относительно не так далеко от Сен-Готарда. Живописно расположенный городок в дни работы там Песталоцци представлял собою груды развалин, среди которых ютились полуголодные, оборванные люди. Это были братья и сестры, отцы и матери тех, которые погибли в борьбе против правительства. А Песталоцци от имени этого правительства прибыл в Станс. Кроме того — это был католический город, а Песталоцци — протестант. Нетрудно представить, что положение его было архитяжелым. Но Песталоцци не пугали никакие трудности, так как ему казалось, что сбывается «сон его жизни». «Я — рассказывает он через три года — пошел бы в самые темные пропасти гор, только чтобы приблизиться к моей цели, и я дей-

«ствительно к ней приблизился». ...«И еще раньше, под свежим впечатлением работы в Стансе, — в 1799 г. — он писал: «Я пошел охотно... Мое страстное стремление наконец осуществить на практике сон моей жизни привело бы меня к тому, можно сказать, что я бы начал действовать на высочайших вершинах Альп, без огня и воды, если бы только мне дали начать».

Песталоцци рвался к делу, к подвигу; ибо иначе как подвигом трудно назвать то, что сделано им в полгода, прожитые в Сансе. Обстановка для работы была самая неподходящая — кроме денег, которые правительство отпускало довольно охотно и в которых Песталоцци не нуждался, отсутствовало, как он сам об этом пишет в 1799 г., все: ни кухни, ни комнат, ни кроватей, ни обслуживающего персонала. Было заказано сделать кровати, но их долгое время не было, был необходим ремонт для приспособления помещения, нехватало ни материалов ни людей. Не надо забывать, что обстановка оставалась военной не только в результате восстания населения против Директории, но и потому, что в 1799 г. Швейцария была одним из основных театров военных действий между французами и второй коалицией. В этих условиях что-либо сделать быстро было совершенно невозможно. Напомним, что в глазах населения Песталоцци был к тому же еретик — протестант, посланец ненавистной Директории и Франции. Погода стояла туманная, порою шли дожди, пыль от разрушенных стен зданий проникла всюду, и благодаря сырости все помещения были грязны от уличной грязи и размокшей пыли.

14 января 1799 г. пришла к Песталоцци первая партия детей. Внешний вид детей был ужасен: «Многие поступили, — рассказывает Песталоцци, — с закоротелой чесоткой, многие с проломленными головами, шли в лохмотьях, полных насекомыми, худые, как скелеты, желтые и с оскаленными зубами и в то же время со страхом в глазах; у некоторых лбы были в морщинах — признак недоверия и заботы, некоторые были наглы, с привычками попрошайничества, льстивости и всякого лукавства; другие были подавлены бедствием, терпеливы, но недоверчивы, замкнуты и робки».

Песталоцци начал свое дело один — без помощников, кроме одной экономки. Воспитание, обучение, лечение, наблюдение за порядком и т. п. — все это лежало по преимуществу на Песталоцци, который занимался детьми с самого раннего утра до позднего вечера, до самого сна. Как Песталоцци сам утверждает, он и не хотел никого себе в помощники, ибо достичь поставленных целей он мог только один, никто не понимал, что ему было собственно нужно. «На земле не было никого, кто бы хотел повести обучение и воспитание детей с моих точек зрения. Впрочем, я и не знал никого тогда, кто бы мог это сделать, даже если бы захотел. Чем ученее и образованнее бы-

ли те люди, с которыми была возможна связь, тем меньше они понимали меня и тем менее они были способны вникнуть даже только теоретически в те исходные положения, на которые я опирался».

В распоряжении Песталоцци не было никаких учебных пособий. Но он даже был доволен, что этого не было, ибо в этих условиях яснее выступали основные принципы воспитательной работы. А одним из основных принципов Песталоцци было — воспитывать применительно к тем условиям, в которых придется жить воспитаннику в будущем, и воспитывать, используя условия, в которых он живет в настоящем: таким образом, самая нужда, суровость жизненной обстановки, необходимость рано зарабатывать себе средства на жизнь — все это становилось орудием воспитания в руках педагогов. И здесь — самое отсутствие искусственных пособий повело к широкому использованию натуральных; чересчур большое число учащихся на одного руководителя (80) повело к тому, что из среды самих детей выделялись помощники; отсутствие книг для чтения повело Песталоцци к изобретению звуковой системы обучения — на слух и т. д. «Я знал, — пишет он — что нужда и потребность жизни сами едут к тому, чтобы сделать человеку очевидными существеннейшие отношения вещей, развить здравый смысл и веселый нрав и вызвать к жизни те силы, которые в глубине его существа кажутся покрытыми нечистотами, но которые, будучи очищены от грязи, блистают полным блеском. Это я хотел сделать». Он был уверен в своем успехе, он знал, что он скорее сумеет изменить своих детей, чем «весеннее солнце окоченевшую зимой землю».

Главным принципом работы Песталоцци в Стансе было подражать воспитательной работе семьи. «В деле общественного воспитания следует подражать тем преимуществам, которые имеются в домашнем... Воспитание требует, чтобы сила воспитателя была силой отца, оживленной присутствием всей совокупности семейных отношений».

Он отдавал себя детям, как и когда-то в Нейгофе, целиком. «С утра до вечера, — пишет он, — я был среди них. Все хорошее для их тела и духа шло к ним из моих рук. Всякая помощь в поддержке, в нужде, всякое наставление, получаемое ими, исходило непосредственно от меня. Моя рука лежала в их руке, мои глаза смотрели в их глаза. Мои слезы текли вместе с их слезами, и моя улыбка следовала за их улыбкой. Они были вне мира, вне Станса, они были со мной, и я был с ними. У меня ничего не было: ни дома, ни друзей, ни прислуги, были только они. Когда они были здоровы, я находился среди них; были они больны, я был около них. Я спал вместе с ними. Вечером я последним шел в постель, и утром я первый вставал. И, будучи уже в постели, я все еще молился вместе с ними и учил их, пока они не засыпали — они сами так хотели.

Каждую минуту подвергаясь опасности двойного заражения, я сам очищал почти непреодолимую грязь с их платьев и с них самих».

А нейгофский опыт? А профессиональное образование? Получили они здесь свое ограждение? Или отказался от них Песталоцци?

Нейгофский опыт и те идеи, которыми был полон Песталоцци двадцать пять лет назад, были бы осуществлены и здесь, если бы к этому была малейшая возможность. Но этой возможности не было. Он признает это в том же 1799 г., через несколько месяцев после отъезда из Станса: «Я собственно исходил из желаний соединить учение с трудом, учебное заведение с промышленным, слив то и другое всеедино. Но я тем менее мог привести в исполнение этот опыт, что не был снабжен для этого ни персоналом, ни работами, ни необходимыми машинами... Между тем... я смотрел на груд больше с точки зрения телесной подготовки к работе и способности к ней, чем с точки зрения получения какой-либо выгоды от нее. Точно также на собственно «учение» я смотрел вообще, как на упражнение душевных сил». Нейгофский опыт не мог быть повторен в Стансе, да и вообще попытки повторить нейгофскую работу ни разу не были доведены до их осуществления и потом — ни в Бургдорфе, ни в Ифертене.

Зато в Стансе с особенной яркостью вскрываются основы нового воспитания, которое в условиях той эпохи было самым передовым социальным воспитанием. Это социальное воспитание покоилось не на разговорах о морали или о боге: «я очень мало объяснял моим детям, я не учил их ни морали, ни религии». Он стремился воспитать основы социальности если угодно, нравственности, через дело, через действие. Как Песталоцци проводил этот принцип, выпукло показывает следующий приводимый им пример.

Когда сгорела соседняя деревня Альтдорф, он собрал ребятешек и сказал им:

— Альтдорф сгорел, вероятно в настоящее время там около сотни детей без крова, без пищи, без одежды. Не хотите ли вы просить власти, чтобы они поместили в наш дом детей двадцать?

Дети, по словам Песталоцци, с большим возбуждением, с большим чувством закричали все:

— Ну, конечно, обязательно...

Тогда он сказал им:

— Дети, подумайте, на что вы идете. Наш дом не имеет столько денег, сколько ему нужно, и вы можете попасть в такое положение, когда вам придется больше работать, меньше получать пищи, даже разделять с ними ваши одежды. Скажите теперь, что вы хотите этих детей взять к себе, зная хорошо, что благодаря им вы идете на все лишения...

Песталоцци сказал это очень твердо, подчеркивая трудности, на которые дети должны пойти. Тем не менее дети настояли на том, чтобы предложение о передаче двадцати детей из Альтдорфа было сделано.

Как позже, при обосновании своего знаменитого «элементарного обучения», так и теперь при практическом осуществлении того, что он называл «нравственным элементарным образованием», Песталоцци исходил из основного требования — воспитывать, учить тому, что может быть непосредственно, на фактах понято ребенком. «Мой опыт показывает, — пишет он, — что все зависит от того, насколько каждое усваиваемое положение представляется бесспорно ясным благодаря осознанию непосредственного, связанного с реальными условиями опыта».

«Нравственное элементарное образование» покоится на трех основаниях — учит Песталоцци. — Во-первых, это достижение нравственного настроения на основе непосредственных восприятий; во-вторых, — это нравственные упражнения во всем том, что хорошо и правильно, путем самоопределения и усилия; в-третьих, создание нравственного мировоззрения путем продумывания и сравнения правовых и моральных отношений, которые ребенок наблюдает в непосредственном своем окружении.

Нельзя не отметить и одну черту, которую мы с точки наших педагогических воззрений считаем резко отрицательной. Песталоцци прибегал к физическим наказаниям, давал своим воспитанникам пощечины. По его словам, они не сердились на него за это, даже соглашались, что с ними нельзя поступать иначе. Повидимому, родители смотрели на это иначе, так как сам Песталоцци рассказывает, что в деревне шли слухи о жестоком обращении с детьми.

Надо сказать, что Песталоцци категорически запрещал другим физические наказания в школе, но находил вполне естественным такие же наказания в семье. «Родительские — матери и отца — наказания редко производят плохое впечатление на детей. Совершенно иначе обстоит дело в школе, с наказаниями учителей, которые не живут с ними в постоянных непосредственных отношениях — днем и ночью — и не ведут вместе с ними домашнего хозяйства». Песталоцци считал себя здесь на положении отца семейства, а потому разрешал себе физически наказывать детей, так же, как потом — в Бургдорфе и Ифертене, в своих педагогических институтах, решительно запрещая всем остальным применять подобного рода наказания. Довольно наивно он сообщает о том, что «ни одно из моих наказаний» — речь идет о физических наказаниях — «не вызывало озлобления; напротив, дети радовались, когда я через минуту подавал им руку и целовал их. Они показывали мне, что они довольны и радуются моим пощечинам...»

Трудно поверить!.. Впрочем, необходимо отметить, что в то время к физическим наказаниям, по средневековой традиции, относились как к чему-то необходимому и неизбежному не только дома, но и в школе. Но к Песталоцци мы предъявляем иные требования: он опередил свой век в области воспитания на много, здесь он стоял лишь на уровне либерально мыслящих людей своего времени. Даже от школьных наказаний он отказался далеко не сразу. По крайней мере, его лейтенант Глюльфи применяет в своей—идеальной с точки зрения Песталоцци — школе розги.

О приемах обучения письму, чтению, счету, применявшихся Песталоцци в Стансе, мы не будем говорить сейчас. Методы этого обучения отличались довольно большой примитивностью — по внешним условиям работы,— но основные взгляды, высказанные им по поводу его деятельности в Стансе, говорят о том, что его взгляды на методику обучения были уже достаточно отчетливы. К их обоснованию Песталоцци вернется в течение своего учительского опыта в Бургдорфе.

Со стороны местных жителей — по указанным выше причинам — поддержки не было; наоборот, они всячески мешали Песталоцци, содействуя уходу многих детей из приюта, конечно вместе с той одеждой, которую они получили там. По этому поводу Песталоцци пишет:

«Воскресенье было для меня в то время самым страшным днем. Приходили матери, отцы, братья, сестры целыми толпами, уводили моих детей на улицу или в разные углы дома, разговаривали с ними, большею частью с мокрыми глазами, и тогда начинали плакать и мои дети, а затем отправлялись домой... Мой дом походил на голубятню, из которой вылетал постоянно то один, то другой»...

Многие из родителей и детей даже думали, что они своим присутствием оказывают большое одолжение Песталоцци. Некоторые открыто говорили, что по видимому Песталоцци ни на что другое не годится, и никак не может себе заработать иным путем средства, если он несет здесь такой каторжный труд. Иные доходили до того, что требовали от Песталоцци денег за то, что они оставляли ему детей...

К концу пребывания Песталоцци в Стансе отношения с местными жителями улучшились; успехи, достигнутые в отношении воспитания и обучения детей были разительны, дети стали положительно неузнаваемы — и в физическом и в моральном отношении. Но Песталоцци был совершенно истощен. Трудно сказать, был ли бы он в состоянии продолжать свой опыт, если бы чисто внешние причины не сделали это невозможным.

Французы, вытесненные австрийцами из кантона Ури, наводнили Нидвальден и заняли Станс. Монастырь и его постройки, включая и флигель, в котором работал Песталоцци, были переданы французскому командованию для организации лазарета. Песталоцци предлагали пе-

реждать, остаться до лучших времен, но переутомленный, усталый Песталоцци (не забудем, что ему шел уже 54-й год) не согласился, собрал вещи и перевез их в Люцерн, пристроил по отдельным семьям ребят, а сам отправился на несколько недель отдохнуть в горный курорт Гурнигель. Оттуда он предполагал вернуться снова в Станс, но это — благодаря интригам комиссара Бузингера — не осуществилось. Штапфер и его друзья в Директории были слишком поглощены политикой, войной, что о Песталоцци им некогда было подумать всерьез, хотя отношение их к нему попрежнему было самым хорошим.

Снова Песталоцци не удалось довести до полного развертывания своих воспитательных планов, работа оборвалась тогда, когда он уже видел себя недалеко от цели.

«Как потерпевший кораблекрушение уже видит землю и дышит уже верой в жизнь, но вдруг противным ветром снова откидывается далеко в безбрежное море, восклицая в страшном отчаянии — «зачем я не умер!», и все-таки не опускается на дно, открывает усталые глаза и снова оглядывается и снова ищет берег, а увидев, напрягает до окоченелости свои члены, — так же было и со мной...»

Так писал о себе Песталоцци несколько недель спустя.

Человек исключительной веры в свою работу, человек необыкновенного упорства и огромного труда, — Песталоцци, не успев как следует отдохнуть, начал снова искать, где он может, наконец, на практике осуществить свои планы, свои идеи. Станс не подорвал в нем веры в педагогическую работу, наоборот, именно теперь Песталоцци — с седыми волосами, на пороге старости, твердо убедился в необходимости практической работы, практического учительства.

А кругом уже злорадствовали и прежде всего политические враги Республики, а стало быть и враги республиканца-демократа Песталоцци. И несмотря на то, что деятельность приюта была прервана исключительно благодаря внешним причинам, широко распространялись слухи о полном крушении нового чудачества Песталоцци, о несомненной его беспомощности, о неумении его провести какое-либо дело до конца.

— Видите: пять месяцев еще кое-как мог проработать он, а вот на шестом уже дело не пошло. Это можно было легко предсказать заранее, — говорили одни.

— Да это же несомненно, — вторили им другие, — он же ни на что другое не способен, как написать однажды роман; но и тут он пережил себя.

— Глупо, — прямо в глаза Песталоцци заявляли третьи, — думать, что если человек в тридцатилетнем возрасте когда-то нечто разумное написал, то можно рассчитывать на этом основании на какое-нибудь толковое дело, когда ему стукнет за пятьдесят.

О таких разговорах рассказывает с большой горечью сам Песталоцци. Один из его друзей передал ему в то время даже такой диалог:

Первый: Обратил ты внимание, как он плохо выглядит?

Второй: Да, мне становится жаль этого бедного дурака.

Первый: Мне тоже, но ему невозможно помочь. Всякий раз, когда он подает некоторые признаки того, что ему нечто удастся, через мгновение после этого вокруг него делается темно, и когда к нему подойдешь ближе, видишь, что он опалил самого себя.

Второй: Ну хоть раз довел бы он что-нибудь до конца. Нет, ему не поможешь, пока он не превратится в пепел.

Первый: Вот этого, во имя бога, надо поскорее пожелать.

«Такова была награда за мою работу в Стансе,—с горечью восклицает Песталоцци,— работу, которую никто из смертных в таком размере и при таких условиях еще не проделывал никогда».

Песталоцци прав,—история педагогики до Песталоцци не дает других примеров такой же самоотверженной воспитательной работы. Да и после него — только Октябрьская революция дала ряд примеров не менее героической воспитательной работы, с не менее блестящими результатами,—вспомним хотя бы о нашей гордости, о том, что иностранцы называют «педагогическим чудом» — о трудкоммуне ОГПУ, да и о многих других ей подобных. Но для того времени — Песталоцци имел неоспоримое право именно так оценивать свое дело в Стансе.

Поучительная параллель может быть проведена между этим новым опытом педагогической — кустарной и одинокой — работы с беспризорными и тем, что создала Октябрьская революция.

Тогда, на заре промышленного капитализма, — одиночество упорного энтузиаста, полное непонимание окружающими общественного и педагогического смысла этой работы, полный провал «сумасбродной идеи» и фальшиво-трогательный рассказ — для потомков, для sentimentalных буржуа — о филантропе-чудаке, без тени понимания глубокого значения этого социально-педагогического опыта.

Теперь — глубоко продуманная система пролетарского коммунистического воспитания и блестящий практический результат.

Во многих книгах рассказано об этой прекрасной работе. Книга Погребинского о трудкоммуне ОГПУ в Болшеве известна всем. Недавно в новой работе сами ребята рассказали о том, что дала им другая подобная трудовая коммуна («Второе рождение», изд. Трудовой коммуны им. Дзержинского в Харькове). Приведем несколько выдержек из этих рассказов.

Вот что пишут эти бывшие беспризорники, как правило, бывшие воришки, «правонарушители»:

Скрбнев: «...Из ночлежки два раза убежал, но меня все же лови-

ли. Отправили в коллектор. В коллекторе меня узнали, я там учился в пятой группе и довольно таки недурно.

Прошло немного времени, и из коллектора я был направлен в трудкоммуну ГПУ УССР, в которой нахожусь и до сих пор.

Коммуна мне дала очень многое. Она дала мне среднее образование, научила работать на новейших револьверных станках. Коммуна дала возможность поступить в высшее учебное заведение. Коммуне я обязан тем, что я сейчас студент машиностроительного института.

Коммуна для меня стала матерью, которая воспитывает и хочет сделать своего сына образованным человеком.

Я Коммуну никогда не забуду. Коммуна для меня дороже всего. Она поставила меня на ноги».

Пашенко: «...Родился в 1915 г. в Днепропетровске. Отец был крестьянин, но я его плохо помню. Он умер, возвратясь с войны, больной тифом. В 1921 г. свирепствующий голод погнал нас искать счастья. По дороге на ст. Константиноград умерла мать. Ее, как и всех, свалили на тачку и куда-то отвезли.

Когда мы приехали в Решетиловку, меня и двух моих сестер бросила на крыльцо детдома старшая сестра, а сама с братом куда-то ушла, сказав, что они пойдут за хлебом.

После того я никого не видел и ничего не знаю ни о брате ни о сестре.

Так я начал свою жизнь с воровства и детдомов и, как видно, закончу ее если не инженером, то сознательным рабочим советской страны».

Дорохов: «...Попав в Коммуну в 1930 г., я почувствовал, что попал в кипящую лаву, которая способна выварить все остатки прошлого из меня. Я попал в хорошо спаянный, крепкий, дружеский коллектив коммунаров.

В Коммуне Дзержинского любой беспризорный может забыть свое прошлое и взяться за дело наших отцов, погибших в боях».

Ветров: «...Мне Коммуна много дала. Она научила меня, как надо работать, а работа — это жизнь человека.

Коммуна научила меня политически мыслить. Я сейчас студент 2-го курса рабфака. Работаю на заводе. Моя заводская специальность — токарь по металлу.

Коммуна — это что-то небывалое. Здесь шлифуются люди. Здесь слово «беспризорный» для коммунара — оскорбление. Он сейчас новый человек и по-новому думает о жизни. Закон наш прост и несложен: «Один за всех, а все за одного».

На что способны эти «бывшие беспризорные», на какой энтузиазм и на какое самопожертвование — об этом говорит очень убедительно инж. Силаков в том же сборнике. Он описывает, как ликвидировали прорыв на производстве юные коммунары. «...И вот на-

чался героический июль. Весь месяц с первого до последнего дня работы был сплошной штурм. Никаких дней отдыха. Никакого нормального рабочего дня. Смена не уходит с завода до тех пор, пока не выполнит плана на этот день, хотя бы задержки в прошлом были не по ее вине. Отдельные энтузиасты работали ночи напролет. Надо было видеть завод в эти дни, чтобы представить и понять это воодушевление и героизм детей и юношей. Приходилось силой удалять с завода некоторых коммунаров, которые работали далеко за полночь, буквально засыпая у станков, но не желая уйти от них, не выполнив плана. Удаление коммунаров из цеха и тушение света после 11 часов вечера не помогало: они умудрялись вновь проникнуть на завод через окна, открыть двери своим товарищам, зажечь свет и вновь начать работу. В результате завод к 29 июля выполняет программу».

Таковы результаты системы коммунистического трудового воспитания. Лишь в условиях пролетарского государства возможны такие достижения. Нужно ли удивляться, что все попытки энтузиаста и утописта Песталоцци были обречены на трагическую неудачу: ни новая буржуазия, ни старая аристократия, — а они тогда господствовали — ни в малейшей мере не были заинтересованы в этом педагогическом опыте.

И враги и друзья были заинтересованы — чем теперь займется этот старый чудак, старый мечтатель. Вероятно, будет заниматься каким-нибудь сбчинительством, может быть философией, но уж во всяком случае не практическим воспитанием детей, для чего он, по их мнению, был явно не пригоден.

«Старый чудак и мечтатель» поразил всех. Отдохнув — очень недолго в Гурнигеле — он явился к Штапферу и попросил дать ему практической работы в какой-нибудь школе. Штапфер был искренно рад, и через несколько дней Песталоцци — уже в Бургдорфе в качестве помощника учителя в крестьянской школе. Учителем там был некий Самуил Дизли, по ремеслу сапожник. Бургдорф встретил Песталоцци неприветливо. Из родителей, пожалуй, лучше всего отнеслись к нему те, кто никакого понятия о нем не имел и смотрел на него как на обыкновенного учителя, ищущего для себя службы. Те, кто знал его, явно не доверяли ему, хотя внешне старались этого вначале не показывать. Сапожник, по словам Песталоцци, сразу взглянул в корень вещей: для него было ясно, что появился претендент, мечтающий только о том, чтобы занять его место. Сапожник принялся за дело, и очень быстро по пригороду, где находилась школа Дизли, пошли слухи о том, что религиозное обучение детей в опасности, так как новый учитель недостаточно тверд в катехизисе; что, поэтому, доверять ему детям опасно; что обучает он необычным образом; что, наконец, он сам не умеет ни писать, ни считать, ни даже как следует читать...

По этому поводу, обращаясь к другу, Песталоцци пишет:

«В этих уличных разговорах, ты видишь, не все было неправильно. Я ведь действительно не умел ни правильно писать, ни читать, ни считать. Однако из этих уличных разговоров все же делаются слишком поспешные выводы. Ты видел сам в Стансе: я мог учить детей писагь, не умея сам писать правильно, и возможно, что именно это мое неумение было необходимо для того, чтобы я мог выработать наивысшую простоту метода обучения, чтобы, пользуясь этим методом, даже самый неопытный и незнающий мог добиться цели».

Агитация сапожника сделала свое дело. Родители собрались и порешили, что они не желают допустить экспериментов над их детьми с новыми методами обучения. Если этого желают господа горожане, то и пусть они предоставят для этого своих детей.

«Горожане» действительно вступились, и Песталоцци был направлен учителем в городскую школу, где руководительницей была некая Штэли. Повидимому, Штэли не опасалась конкуренции, и Песталоцци проработал здесь почти весь учебный год — до весны 1800 г., спокойно разрабатывая свой метод обучения. Правда, вначале это спокойствие было относительным. «Я чувствовал себя счастливым, — свидетельствует он, — но по началу я был как бы напуган. Я все время боялся, что меня снова выгонят из моей комнаты в школе. Это, вероятно, делало меня еще более неловким, чем вообще, и когда я вспоминаю о том огне и той жизни, с какими я на первых порах моей работы в Стансе строил себе какой-то чудесный храм, а затем — ту робость, с которой я соответственно требованиям моего ремесла вползал в школьное ярмо, — я почти не понимаю, как мог один и тот же человек делать и то и другое».

Действительно, Песталоцци вошел в обычную школу того времени, как входит гигант в маленькую темную, тесную хижину: согнувшись, не зная куда деть руки и ноги. И в какую школу! Старомодную, с ее педантизмом, с ее средневековыми порядками, с ее показной чистотой и порядком, — со всем тем, чего не любил или не умел делать Песталоцци — живой, как юноша, несмотря на старость, горящий верой в свое дело, не обращающий внимания ни на какие правила и рамки, неряшливый в одежде, неделями не бритый, почти нечистоплотный, так как все это ему казалось пустым по сравнению с конечной целью его деятельности..

Он работал много. Он изучал этот новый для себя организм, с восторгом отдаваясь целиком своему делу. С утра до позднего вечера он был в школе, тщательно выполняя все, что от него требовалось, посвящая все время углубленному изучению методов обучения, создавая ту систему, которую он уже через год представит педагогическому миру в качестве своей основной педагогической работы. Теперь он нащупы-

гал пути, он проверял себя на практике, применял свои методы все смелее и смелее. Именно тут зародилась его знаменитая идея создать «азбуку наблюдения (созерцания)», являющуюся основой для всей его дальнейшей воспитательно-образовательной работы.

В конце марта 1800 г. особая школьная комиссия исследовала результаты работы Песталоцци, уже применявшего новые методы обучения, хотя и не вполне осознавшего свою собственную систему. Эта комиссия дала блестящий отзыв: то, что она увидела, превзошло ее ожидания. В особом письме на имя Песталоцци комиссия признавала его заслугу; «мы гордимся, — писали они, — что можем быть полезными для благороднейшего дела, которое в такой же мере делает честь вашему сердцу, в какой обещает большое облегчение работы всякому будущему воспитателю».

В мае месяце Песталоцци получает работу в качестве самостоятельного учителя во второй городской мужской школе, где он продолжает свою творческую работу по обоснованию новой системы обучения.

В течение почти всего этого времени Песталоцци пользуется твердой поддержкой правительства, в первую очередь известного нам Штапфера, а затем и другого деятеля министерства наук и искусств — профессора Фишера. Первый поддерживал Песталоцци материально, давая ему средства для его опытов, как в Стансе, так и в Бургдорфе; второй тщательно изучал принципиальные установки Песталоцци, начиная со Станса. К его критическим советам Песталоцци очень прислушивался. Фишер предполагал в Бургдорфе открыть учительскую семинарию для подготовки учителей к работе в сельских школах. Чтобы укрепить исследовательскую и практическую работу Песталоцци, Штапфер и Фишер организовали специальное «Общество друзей воспитания». Это общество должно было, в первую очередь, помочь Песталоцци в его изысканиях и опытах. Однако ни тому ни другому не пришлось принять участия ни в работах Песталоцци ни в работах Общества. Через месяц после организации Общества — в июле 1800 г. — Штапфер в связи с падением Директории ушел со своего поста, а в том же 1800 г. умер Фишер. Но их помощь в решающий момент жизни Песталоцци сыграла важнейшую роль: Песталоцци отныне становился в своей педагогической деятельности на твердую почву. В течение этого же лета он познакомился с первым своим помощником и последователем — Германом Крюзи (1775 — 1843), при помощи последнего нашел еще двух работников для будущего педагогического Института в Бургдорфе — Тоблера и Буса. Особенно большое значение имело для Песталоцци знакомство с Крюзи.

Судьба Крюзи не была обычной. Сын мелкого торговца, получивший образование в сельской школе, он с двенадцати лет становится мелким торговым агентом и разъезжает по разным городам, закупая

всевозможные товары для торговли отца — от обуви и тканей до селитры и буры. Надоедает ему это сравнительно скоро, и он становится чернорабочим, рабочим-ткачом, рассыльным, комиссионером и т. д. В восемнадцать лет он решает сделаться учителем в деревне Гаиз. За дело он принимается со всей энергией, на которую этот сильный и талантливый человек был всегда способен. Образование его было незначительным, но перемена многих профессий в значительной мере заполнила недостатки первоначального образования, а подлинная любовь к педагогическому делу побудила его искать новых путей и браться за трудные работы. В январе 1800 г. он, по предложению Фишера, приехал в Бургдорф вместе с двадцатью шестью маленькими детьми, ставшими сиротами во время военных действий 1799 г. Их разместили по квартирам в Бургдорфе, и Крюзи был их учителем.

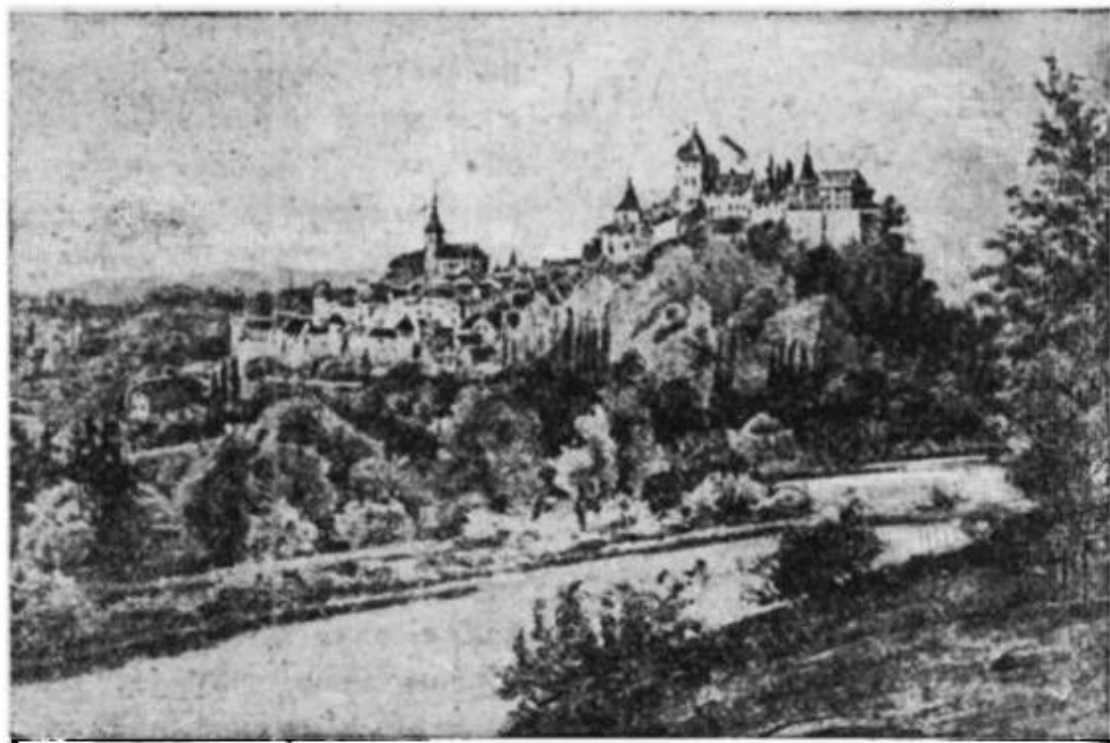
После смерти Фишера, так и не приступившего к организации учительского семинария, но получившего в свое распоряжение Бургдорфский замок, Песталоцци предложил Крюзи объединить детей обеих школ в одной школе, поместив тех и других в замке. Крюзи охотно пошел на это предложение, и уже ранней осенью 1800 г. состоялось объединение этих школ в замке. Кроме школы вскоре был создан семинарий для учителей, был открыт платный, частью бесплатный пансионат и для учеников школы и для участников семинария, — словом, создан Бургдорфский Педагогический институт во главе с Песталоцци.

Песталоцци вступил в новый период своей жизни, период весьма плодотворный в смысле литературно-педагогической продукции, период осмысливания своей практики, создания своей педагогической системы. Его система сложилась именно в Бургдорфе, хотя, конечно, была подготовлена всей предыдущей деятельностью — и практической и литературной — Песталоцци.

Песталоцци и его Институт приобретают огромную известность во всей Европе, Песталоцци разрабатывает свою педагогическую теорию, но в этой теории одному не будет места — тому, что было самым близким сердцу старого демократа, старого народника — в ней не будет раздела, посвященного тому «профессиональному образованию» беднейшего крестьянства, которому он отдал так много своих сил и из-за которого вынес так много страданий во время нейгофского эксперимента, которому посвятил столько выразительных страниц в «Лингарде и Гертруде», о котором не переставал думать в течение всей своей жизни.

И это — несмотря на славу, несмотря на общее признание, которым пользовался многие годы Песталоцци и в Бургдорфе, а затем в Ифертене, — не переставало быть источником моральных страданий в моменты, казалось бы, величайшего триумфа, в дни величайших словесий по его адресу.

Зато — отныне — Песталоцци не один. С ним Крюзи, с ним Тоблер и Бус, затем Нидерер и Шмид. Отныне он работает, опираясь на кого-нибудь. Это в свою очередь станет источником тягчайших испытаний и тяжелых страданий человека, не знающего меры в любви, в вере, в ярости и самопожертвовании, в беспредельной доверчивости, человека, фанатически преданного одной идее.

Бурдорф

Исполнилось его последнее пожелание. Он сказал: «Я хочу стать учителем». Он стал не только учителем детей, но учителем учителей.

Это не дало ему полного удовлетворения. Человек бурного и страстного темперамента — он не мог не реагировать на глупость, на тупость, на несообразительность одних, на лицемерие, на предательство, на подлость других. Пока он был один, он не видел рядом с собой людей, которые из его дела создавали бы для себя источник своего благополучия, своей славы. Теперь он их увидел, был много раз жестоко оскорбляем теми, кому доверял; снова доверял тем, кто недавно его оскорблял.

И в этих условиях, условиях постоянного кипения и горения, Песталоцци реформировал школу, становясь создателем новой школы для буржуазии. Реорганизуя старую феодальную школу, разрабатывая для буржуазной педагогики ряд основных принципов, — он в то же время высказывал огромное количество гениальных в своей простоте и ясности утверждений, имеющих весьма длительное, безусловно историческое значение.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПЕСТАЛОЦЦИ — ТЕОРЕТИК ПЕДАГОГИКИ

(1800 — 1804)

«Я не хотел и не хочу учить свет никакому искусству, никакой науке, — я не знаю никаких, — я хотел и хочу облегчить народу изучение основ всех искусств и наук и открыть заброшанным, обреченным на одичание способностям бедных и слабым доступ к искусству, которое в то же время есть доступ к человечеству, — я хотел, если возможно, сжечь ту преграду, которая ставит низшие классы Европы далеко позади варваров юга и севера... Пусть эта преграда сгорит ярким пламенем у моей могилы. Я хорошо знаю, что кладу лишь немного угля в сырую, даже мокрую солому, но я чувствую ветер, он раздует уголь, мокрая солома высохнет, вспыхнет и будет гореть. Да, Геснер, как ни сыро вокруг, все это будет гореть, будет гореть».

(Песталоцци. «Как Гертруда учит своих детей»)

ПРОШЛО немного времени с начала учительской деятельности Песталоцци, но эта деятельность была настолько полной и творческой, что два года ее дали возможность Песталоцци выпустить ряд теоретических работ, ставших высшим достижением во всей его педагогической деятельности. В особенности это относится к его сочинению «Как Гертруда учит детей». Все то, чем стал славен в области теории обучения Песталоцци, все то, что потом получило развитие не только у него в Институте, но и в бесчисленных школах Германии, Франции и Америки, так или иначе заключено в этой работе.

В ту весьма темную — в смысле постановки народного образования — эпоху Песталоцци не только теоретически разработал вопросы обучения, но и практически показал, как надо по новому учить, как на-

до по-новому воспитывать. Были и до Песталоцци знаменитые педагоги, таким был Амос Коменский, выдвинувший научно им не обоснованное требование наглядности обучения, — много писали о воспитании Локк и Руссо, но такого глубокого проникновения в дело обучения и воспитания, какое мы находим у Песталоцци, не было ни у одного из живших и писавших до него педагогов.

Прежде всего он поставил по-новому самую цель воспитания. Он подчеркивал, что воспитание многообразно, что наряду с умственным воспитанием надо различать воспитание нравственное, физическое, эстетическое. Важно также подчеркнуть, что он при этом не выделял женщин, для них должно было быть организовано то же образование и воспитание, те же школы, что и для мужчин.

Он поставил своей задачей возможно более упростить это воспитание и обучение, чтобы оно стало доступным каждой матери и у каждой хижине. В этом сказывается демократизм народника Песталоцци. Он стремится создать такую систему обучения, которая стала бы системой обучения миллионов, системой всеобщего обучения. Его возмущает, что заботятся только о воспитании одного из десяти детей, а не о воспитании многих трудящихся масс. Он стремится найти простое решение вопроса, и это решение он видит в том, чтобы открыть во всех областях обучения те элементы, те простейшие элементы, на которые оно может быть разложено. Его знаменитое выражение «элементарное обучение», «элементарное воспитание» нужно понимать именно как обучение элементам, а не как обучение в элементарной школе. Он хочет найти те психологические элементы, основываясь на которых и развивая которые можно самым успешным и самым простым образом воспитывать и обучать детей.

Когда один из посетителей — француз — сказал ему: «Вы хотите механизировать воспитание», то Песталоцци с этим согласился слишком поспешно. Однако сущность теории Песталоцци не в «механизировании», — сам Песталоцци понимал, что здесь произошло недоразумение: «Я еще очень мало понимал по-французски, — пишет он, — я думал, что этими словами он хотел сказать, что я стараюсь привести способы воспитания и обучения в психологически-правильную последовательность; если принять его слова в этом смысле, то он угадал и, по моему мнению, подсказал мне то слово, которое выражало сущность моей цели и всех средств к ее достижению».

Современные ему школы он называет «антипсихологическими». По его мнению, это не что иное, как «машина для уничтожения всех результатов силы и опыта, пробуждаемых в детях самой природой». Он не находит достаточно сильных выражений, чтобы заклеить тогдашнюю школу. «Друг! скажи мне, может ли удар меча, падающего на шею преступника и лишаящего его жизни, произвести на его тело

большее действие, чем то, которое производит на душу ребенка переход от продолжительного, прекрасного руководства природы к жалкому ходу дела в школе?»

«Надо следовать природе,— требует Песталоцци. Воспитание есть лишь умение содействовать саморазвитию организма человека. Для того чтобы это развитие шло наиболее быстро, и необходимо элементарное образование в том смысле, в каком понимает этот термин Песталоцци. Песталоцци говорит о «созерцании», требует умения наблюдать, умения, которому нужно учиться. Он требует различения созерцания, как исходного пункта преподавания, от искусства наблюдать. Он говорит: «если мы рассмотрим созерцание в противовес искусству созерцания — отдельно и само по себе, то оно окажется не чем другим, как простым стоянием внешних предметов перед чувствами и простым активизированием осознания впечатления от последних».

Из этого хаоса неясных впечатлений, которые получает человек, нужно выбрать те элементы, на основе которых создаются ясные и отчетливые суждения, ясные и отчетливые понятия.

Поскольку Песталоцци говорит об умственном воспитании, об обучении в тесном смысле этого слова, он считает, что необходимо выделить следующие основные моменты: **ч и с л о, ф о р м у и с л о в о**. Поэтому основными способностями он считает способность читать, измерять и говорить, ибо все предметы имеют число, форму и название. Остальные же качества, какие бы ни были, бывают не у всех предметов.

Дальше Песталоцци тщательно анализирует проблему обучения, проблему овладения речью и дает целый ряд конкретных указаний, как именно от простейших элементов, в том, другом и третьем случае, доходить до самых сложных.

В настоящей работе не место разрабатывать сколько-нибудь детально эти вопросы. Важно лишь отметить, что на практике это его элементарное обучение словам, числу и форме вступает в противоречие с остальными его требованиями. Так, Песталоцци требовал **максимальной предметности** в обучении, и в то же время он придавал большое значение как заучиванию различных «номенклатур» — географических, исторических и т. д., так и повторению слов и целых предложений за преподавателем. Лучшее, чем какие бы то ни были характеристики применения метода Песталоцци на практике, характеризует этот метод рассказ одного из учеников Песталоцци, Рамзауера. Рамзауер приводит урок Песталоцци относительно обоев на стене. «Эти обои были стары и разорваны, и перед ними мы должны были один за другим часа по два-три стоять и рассказывать о том, что мы наблюдали на нарисованных там фигурах и рваных дырах в отношении формы, числа, положения и цвета их; замеченное и наблюденное

должно было быть выражаемо во все более длинных предложениях. Он спрашивал: «Мальчики, что вы там видите?» Девочек он не вызывал никогда.

О т в е т: Дыру на стене.

Разрыв на стене.

П е с т.: Хорошо! Говорите за мной:

Я вижу дыру на обоях.

Я вижу длинную дыру на обоях.

За дырой я вижу каменную стену.

За длинной и узкой дырой я вижу каменную стену.

П е с т.: Повторяйте за мной:

Я вижу фигуры на обоях.

Я вижу черные фигуры на обоях.

Я вижу круглые черные фигуры на обоях.

Я вижу четырехугольную желтую фигуру на обоях.

Рядом с четырехугольной черной фигурой я вижу круглую черную.

Четырехугольная фигура соединена с круглой черной толстой чертой, и т. д.

Или Песталоцци говорил:

Амфибии. Ползающие амфибии.

Лазающие амфибии.

Обезьяны. Хвостатые обезьяны.

Безхвостые обезьяны.

Мы тут ничего не понимали, так как ни одно слово не объяснялось, и говорилось это так певуче, а главное скороговоркой и неотчетливо, что не было удивительно, что мы ничего не понимали и мало чему научились... Все наше повторение заключалось часто в том, что мы говорили в конце «эн» — «эн» (от слова «Affen» А. П.) или «обезьяны, обезьяны». О вопросах и повторении не было и речи. Песталоцци в своем рвении не замечал времени, и часто бывало так, что, начав в восемь часов, он кончал только в одиннадцать, хотя и бывал совершенно измученным... Насколько строго запрещал Песталоцци телесные наказания своим помощникам, настолько широко практиковал он их в своей школе, давая часто налево и направо пощечины».

Такова картина учительской практики Песталоцци, данная Рамзауэром. Необходимо сказать, что имеются и другие, прямо противоположные отрывы; однако самый метод, поскольку он применялся на практике, достаточно ясно выступает из этого рассказа. Психологизируя обучение, требуя конкретности, будучи врагом словесности, наполнявшей тогдашнюю школу, Песталоцци в то же время выдвигает проблему максимального активизма. Так, говоря о физическом воспи-

тании, Песталоцци утверждает, что именно стремление самого ребенка к деятельности должно быть сделано основой воспитания.

Что природа кладет в основу всех раздражений чувств и чувственных потребностей, из чего она сама исходит, как из центрального пункта в развитии чувств,— это не что иное как стремление самого ребенка к деятельности. Его рука хватается за все; он тянет все в рот. Его ноги в непрестанном движении. Он играет сам с собой. Он играет со всем. Он бросает все прочь, также как он за все хватается. В этом неугасимом стремлении к движению, в этой игре ребенка со своим собственным телом природа сама дает истинный исходный пункт для телесного воспитания, дает нить для чистого, элементарного, законченного выполнения последнего».

Активизм в педагогике Песталоцци непосредственно вытекает из его философских взглядов, стоит только вспомнить уже цитированное место относительно значения среды для формирования человека и значения собственной воли человека в изменении этой среды. Как в обучении Песталоцци находит определенные элементы, с которых нужно начинать, так и в области физического, технического, эстетического, нравственного; религиозного воспитания он стремится найти такие же элементы. Он даже создал целую «азбуку умений» или «азбуку труда», которая должна служить основой для физического и технического воспитания. В двенадцатом письме работы «Как Гертруда учит своих детей» он пишет:

«Воспитание физических навыков, которое государство должно было и легко могло бы дать народу, как подготовку к существенным знаниям, опирается, как и всякое воспитание, в его глубочайшем существе (механизме), на азбуку умений, т. е. на общие правила умений (искусств), следуя которым, дети могли бы развиваться благодаря последовательным упражнениям, постепенно переходящим от очень простых навыков к высоко развитым умениям... Следует исходить из простейших проявлений физических сил, являющихся основой самых сложных умений и навыков. Бить, нести, бросать, толкать, тянуть, вращать, бороться, махать и т. п.,— все это великолепные и простые проявления наших физических сил. Существенно различаясь между собою, они заключают в себе, все сообща и каждое в отдельности, основы всевозможных, даже самых сложных навыков, на которых основываются человеческие профессии. Отсюда ясно, что азбука умений должна начинаться ранними, но расположенными в психологической последовательности упражнениями в тех навыках вообще и в каждом отдельном в особенности».

Интересные мысли в связи с этим высказывает Песталоцци о трудовой гимнастике.

«Гимнастика детей должна иметь исходным пунктом те отдельные

движения тела, которые будут нужны для того вида труда, которым деги в будущем будут заняты и требованиям которого они должны подчиняться». В этих замечаниях Песталоцци для нас слышится нечто знакомое. Это напоминает «трудовую» физкультуру с одной стороны, а с другой — здесь есть нечто от методики Центрального института труда (ЦИТ).

Такие же «элементы», с которых нужно начать воспитание, он находит и в нравственном воспитании. В числе этих элементов он называет те отношения, которые создаются между матерью и детьми. Совершенство эти элементы, можно поднять человека до большой нравственной высоты. Другой источник элементов нравственности, это нравственность действий. Нравственным человек делается, по Песталоцци, именно в процессе действия. Впрочем об этом нами было сказано раньше.

Неоднократно возвращается Песталоцци и к тем мыслям, которые, как мы видели, он высказывал еще в дневнике, посвященном воспитанию сына, а именно он требует непрерывности развития, его постепенности. Точно также он подчеркивает лозунг законченности в процессе воспитания, ибо законченность, хотя бы в малом деле, имеет огромное воспитательное значение, «законченность в малом ведет к совершенству в большом».

Таковы некоторые мысли Песталоцци, взятые нами в очень беглой форме из огромного количества его педагогических работ. Песталоцци не принадлежал к авторам, которые скупы на слова. Он часто повторяется, возвращается к одной и той же мысли неоднократно, пишет несколько статей на одну и ту же тему. Поэтому не всегда легко в сжатой и стройной форме передать его взгляды. Он сам их никогда не сумел построить достаточно стройно и даже сам жалуется на то, что он не умеет выражать того, что он хочет. Он в этом сам неоднократно признается. Одна из глав «Как Гертруда учит своих детей» и начинается с подобного признания: «Друг, ты видишь по крайней мере старание, которое я прилагаю к тому, чтобы уяснить теорию своего дела. Поставь мне это в некоторого рода оправдание, если чувствуешь, что мои намерения мало удались! Для философствования в истинном смысле этого слова я погиб уже с двадцатого года своей жизни».

Неудивительно поэтому, что Песталоцци толковали вкривь и вкось, беря от него то, что казалось наиболее приемлемым в тот или другой момент для того или другого писателя-педагога. А так как его до сих пор читали и популяризировали только педагоги буржуазные, то многое наиболее ценное было замолчано. Мы хотели бы лишь в заключение очерка о его теоретических работах бургдорфского периода отметить, что и его теория обучения также исходит из той же классовой

установки, как и все остальные его выступления. Он и здесь продолжает быть верным себе, он и здесь хочет создать такую систему, которая была бы полезна бедному трудящемуся народу. Не его вина, а его беда, что практически он создал не школу для бедных, но школу для буржуазии, и не его вина в том, что десятки лет после его смерти его наследие изучалось и использовалось в первую очередь буржуазией. У него, как у народника-демократа, имеется не мало ценного и для нашего времени.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПЕСТАЛОЦЦИ — РУКОВОДИТЕЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

(1800 — 1825)

«Нет, мое учреждение, возникшее в Бургдорфе из Хаоса, в Ифертене обратившееся в нечто бесформенное, чему нет имени, — не цель моей жизни. Нет, нет!»

(Песталоцци. «Лебединая Песнь» 1826 г.)

ОСЕНЬЮ 1800 г. произошло соединение школ Крюзи и Песталоцци, и таким образом был учрежден Педагогический институт, во главе которого стал Песталоцци. В результате объединения школ Крюзи и Песталоцци получилась не только большая объединенная школа, но и довольно сложный комплекс различных педагогических учреждений. Кроме школ имелся и специальный семинарий для педагогов, в котором могли принимать участие учителя в целях усовершенствования своей квалификации.

24 октября 1800 г. Песталоцци выпустил специальное объявление, кратко характеризующее задачи и условия приема в семинарий. В нем говорилось:

«Так как моя попытка упростить начала школьного обучения и обучать легче и вернее детей чтению, письму и счету достигла такой зрелости, когда различные друзья человечества желают широкого распространения моего метода, — я решил отныне открыть специальный семинарий для учителей.

Господин Шлаfli — хозяин городской гостиницы в Бургдорфе — обеспечит лицам, желающим обучаться в этом семинарии, дешезый стол, я же требую за весь курс обучения, который для способных граждан не должен превышать срока в три месяца, только два луидора.

Наряду с принадлежащими к протестантскому вероисповеданию могут быть приняты в семинарий и католики, так как в Бургдорфе по всем воскресеньям происходят католические богослужения.

Если кто-либо желает получить более подробные сведения, я просил бы запрашивать их письменно.

Песталоцци».

Бургдорф, 24 октября 1800 г.

В отличие от слушателей семинария, живших вне Института, учащиеся в школе находились в пришкольном интернате.

В школу должны были быть, по идее Песталоцци, принимаемы и бедные дети, и вот 20 ноября 1800 г. Песталоцци выпускает обращение «К нашим согражданам и согражданкам Гельвеции», где он просит о поддержке своих планов, причем Песталоцци обращается с просьбой и о том, чтобы учреждение было поддержано изданием книг Песталоцци, а также привлечением достаточного количества детей в школы и достаточного количества слушателей в семинарий.

В работе Бургдорфского института, кроме Германа Крюзи, принимал ближайшее участие Густав Тоблер (1769—1843), учитель из Базеля, выходец из пролетарской среды, в детстве и подростковом работавший на фабрике.

Другим помощником Песталоцци в это время является Иоганн Бус (1776—1855); это один из самых верных сподвижников Песталоцци; работал он в течение довольно длительного времени в Бургдорфе, а затем некоторое время в Ифертене, однако из Ифертена он уехал, так как не поладил с одним из ближайших сподвижников Песталоцци, а именно со Шмидом.

В Бургдорфе Песталоцци был занят организационной работой выше меры; достаточно указать на то, что, когда его единственный сын Яков, воспитанию которого он так много уделял воени и внимания, умер в Нейгофе (24 августа 1801 г.), то Песталоцци не мог отлучиться из Института и поехать к нему. Он до этого видел сына в последний раз лишь весной предыдущего года, и это несмотря на то, что от Бургдорфа до Нейгофа, даже и в то время, проехать не стоило большого труда.

Работа в Бургдорфе характеризуется чрезвычайной интенсивностью литературно-педагогической продукции Песталоцци; в это время были им написаны: «Как Гертруда учит своих детей», «Взгля-

ды и опыты; касающиеся идей элементарного образования», «Книга для матерей», «Основы моего метода» и т. д.

Бургдорфский период — это период расцвета теоретической деятельности Песталоцци в области педагогики. Однако в Бургдорфе Песталоцци не привелось пробыть достаточно долго: уже в 1804 г., когда реакция по отношению к революции 1798 г. получила большое развитие, по требованию нового Бернского правительства Песталоцци принужден был освободить Бургдорфский замок и перевести свой Институт в Мюнхенбухзее. Замок, в котором находилось его учреждение в Бургдорфе, понадобился Бернскому кантону, и Песталоцци должен был оттуда выехать.

В эпоху Гельветического правительства замок принадлежал всей Республике в целом: после падения этого правительства замок стал собственностью кантона Берна, и бернские власти поспешили изгнать Песталоцци из этого замка.

Песталоцци поселился в Мюнхенбухзее, где должен был начать работу вместе с довольно известным патрицием Эмануилом Фелленбергом, прекрасным организатором, создавшим профессиональную школу, в которой осуществлялось соединение обучения с производительным трудом, но не сумевшим, несмотря на существовавшие вначале между ним и Песталоцци дружеские отношения, сработать с последним на новом деле. Летом 1804 г. Песталоцци приехал в Мюнхенбухзее, а уже через 2—3 месяца он ищет нового места, где можно было бы развернуть свое собственное учреждение. Дело в том, что, согласно договору между Фелленбергом и Песталоцци, первый взял на себя административное руководство всем Институтом, а Песталоцци должен был руководить лишь педагогической стороной дела. В таком положении Песталоцци не мог пробыть достаточно долго, и, как бы ему ни нравились организационные таланты Фелленберга, которые он всегда в нем признавал, тем не менее уже в августе 1804 г. Песталоцци порывает с Фелленбергом и отправляется в Ифертен.

Ифертен, находящийся недалеко от Лозанны, расположен в пределах французской Швейцарии. Это само по себе было некоторым противопоказанием в отношении размещения там Института Песталоцци, Института, в котором главными работниками были учителя—немцы, да и сам Песталоцци до конца своих дней по-французски говорил и писал не очень хорошо. Тем не менее, предложение города Ифертена, предоставлявшего в распоряжение Песталоцци довольно обширный замок и вообще чрезвычайно радушно отнесшегося к предложению Песталоцци, заставило последнего согласиться на предложение Ифертена и отказаться от других предложений, недостатка в которых не было.

Также как в Бургдорфе, здесь организуются школа и семинарий для подготовки преподавателей.

В Ифертене Институт Песталоцци просуществовал до 1825 г., т. е. 21 год. За это время через его школу прошло много сотен детей и учителей из всех стран света. Институт Песталоцци приобрел огромную известность, популярность его руководителя, известного своими литературными трудами, а также своей практической деятельностью, вызывала у состоятельных буржуа того времени особое желание направить своих детей именно к Песталоцци. В их глазах это было самое передовое, самое совершенное учебное заведение, рас-

Ифертен

положенное в живописной местности, со здоровым климатом и т. д. Кроме того, надо иметь в виду, что это была эпоха войн, когда для многих было спокойнее отдать своих детей в интернат, чем подвергать их всяческим опасностям дома. Среди учащихся школы около половины было швейцарцев, а остальные являлись пришельцами из Германии, Франции, России, Италии, Испании, Северной Америки и т. д. Общее количество в мужском училище было обычно около 70—80 человек и в женском несколько меньше.

По определенному распорядку с утра до вечера шли занятия с детьми, в которых принимал участие сам Песталоцци, целиком отдавший своему Институту.

За два года до смерти Песталоцци, в 1825 г., Ифертенский институт был им закрыт.

Такова в самых общих чертах внешняя история Педагогического института Песталоцци. Однако эта внешняя история ничего не дает для понимания внутренних отношений, приведших к закрытию Института. Не старость Песталоцци и не недостаток в деньгах и не высылка из Ифертена одного из его помощников привели к падению Института. Гречина тут много глубже и лежит в значительной степени в самом Песталоцци.

Остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

Двадцать пять лет был Песталоцци во главе Педагогического института, получившего всемирную известность, ставшего центром педагогической мысли Европы, привлекавшего к себе внимание самых различных людей — от Гербарта, Фихте и Фребеля до русского царя Александра I и французского генерала Жюльена.

В течение двадцати пяти лет Песталоцци выслушивал похвалы и восторги почитателей, но нередко и резкие нападки честных и нечестных, грамотных и неграмотных врагов. В лавровый венок его успехов неоднократно вонзались терновые иглы.

Был ли удовлетворен своим делом сам руководитель Института? — Ни в какой мере, хотя ему, по собственному признанию, льстили похвалы, хотя его увлекала мировая слава. Почти в течение всего этого периода он — в своей практической деятельности — имеет мало общих черт с тем Песталоцци, который организует «Институт для бедных», и тем Песталоцци, который благословляет Французскую революцию и, как суровый революционер почти в духе Марата, требует крови людей, поднимающихся против революции. Он воспитывает теперь детей богатых, детей буржуа и крупного чиновничества. Он не хотел отказаться от своей заветной мечты помочь бедному народу, поднять беднейшие крестьянские массы, но практически ничего в этом направлении не сделал, если не считать, как он сам это считал, его работу по созданию метода обучения в первоначальной школе работой для масс, именно для масс трудящихся бедняков.

Буржуазия всего мира прославила Песталоцци за его деятельность в течение именно этих двадцати пяти лет. Буржуазные биографы старательно замалчивали его революционные взгляды, его отношение к Французской революции, его роль в подавлении контрреволюционных восстаний во время швейцарской революции, они очень мало и больше по необходимости пишут о нейгофском опыте, но зато посвящают очень много страниц его деятельности в Ифертене, деятельности того периода, когда Песталоцци фактически ушел от того класса, которому он стремился служить всю свою жизнь.

Некоторые из этих биографов отлично понимают, что они делают. Один из них, издатель полного собрания его сочинений, пастор Зейфарт, пишет:

«Из отца бедных и сирот Песталоцци стал директором Института. Он жаловался на это всегда, его заветные желания до конца дней были устремлены к учреждению для бедных... Но жажда его сердца осталась неутоленной, и мы готовы, пожалуй, вместе с ним сожалеть о том, что ему не удалось основать такого учреждения, но вряд ли, если бы последнее удалось, он стал бы благотворно влияющим на развитие культуры гением; этим гением от стал на пути, которого он не хотел и которого он не искал. Его сиротский приют в Стансе и школа для бедных в Бургдорфе, которую он мог бы открыть для разоренных (войной) кантонов Аппенцеля и Гларуса, произвели бы слабое впечатление на большой свет. Какое дело было этому свету до бедных людей? Теперь же Песталоцци и получал от почтенных семейств детей — драгоценнейшее их достояние. Это обратило взоры всего мира на него, это завоевало для него сердца всех, это дало его благотворным идеям возможность широкого распространения... это привлекло к нему внимание знатнейших князей и власть имущих... не будем по этому (!) сожалеть о создании Института, которому отдался Песталоцци».

В памяти тысяч и миллионов педагогов буржуазных стран Песталоцци встает именно как директор Бургдорфского и Ифертенского институтов, отнюдь не как гражданин Франции, знаменитый автор «Лингарда и Гертруды» или как общественный деятель швейцарской революции. Это происходит и потому, что Песталоцци Ифертена ближе и понятнее им, чем Песталоцци эпохи французского Конвента или гельветической Директории, а также потому, что именно от этого времени осталось очень много свидетельских показаний, показаний людей, посещавших Бургдорф и Ифертен и затем описавших эти посещения. Благодаря этому мы можем довольно отчетливо представить себе образ «отца Песталоцци» того времени. Один из учеников Песталоцци, пробывший полтора года в Ифертене, так описывает его внешность:

«Представьте себе человека, очень некрасивого, с взъерошенными волосами, с лицом, изрытым оспой и покрытым веснушками, всегда без галстука, в панталонах, плохо застегнутых и сползающих на чулки, которые в свою очередь спускались на толстые башмаки, с подпрыгивающей нервной походкой, с глазами, которые то расширялись, как бы бросая молнии, то закрывались, чтобы предаться внутреннему созерцанию, с чертами лица, выражавшими то глубокую

печаль, то полное неги блаженство, с речью медленной или стремительной, нежной и мелодичной или гремящей, как гром; вот каков был тот, кого мы называли своим «отцом Песталоцци».

Эта внешность соответствовала поведению Песталоцци. Человек, полный противоречий, как во внешности, так и в своей жизни, он привлекал к себе людей, которые обычно любили его, если только не становились заклятыми врагами. Ему прощали ряд его неэстетических привычек, его неряшливость, которую он готов был возводить в принцип, его одежду, похожую на салоп, его не для всех приятную привычку выражать свою симпатию объятиями и поцелуями. Все это ему прощали, вспоминая потом прежде всего о его глазах, удивительных глазах человека восторженного, человека, почти всегда находившегося в состоянии энтузиазма и горения. У него появляются свои причуды, его рабочий день весьма далек от регулярности; когда он увлечен какой-либо идеей, он часто ночью будит своего секретаря и диктует ему до утра; наоборот, в периоды, когда его настроение падает, он целыми днями валяется одетым на своей постели или блуждает по полям и лесам, собирая растения и, особенно, минералы. Он начинает верить в предзнаменования и вещие сны, иногда он в своей мистической эксцентричности заходит очень далеко. Так, новогоднюю речь 1817 г. он произносит над гробом, который был им предназначен для себя и на котором им был водружен человеческий череп.

Теперь он еще более остро переносит свои неудачи, в некоторых случаях он впадает в настоящее бешенство, о котором он сам потом с детской откровенностью пишет, проклиная себя. В пасквиле некоего Бибера, составленном под диктовку одного из его близких сотрудников — Нидерера, пасквиле, омрачившем его предсмертные дни, находится описание подобного припадка:

«Когда больной на ногах, бегание взад и вперед, топание ногами, подбегание к двери, как будто он задумал уйти, затем быстрая перемена решения и внезапное возвращение с возрастающей яростью; в постели, напротив, подпрыгивание всем телом; в обоих случаях постоянные удары кулаками по воздуху или по столу, одеялу и т. д.... вращение глазами. Волнение понемногу стихает, голос прерывается, для каждого двух-трех слов больной должен собирать дыхание. Содержанием речи являются с диким воодушевлением произносимые ругательства и угрозы... Наступает период кажущегося покоя, больной протягивает вам руку, смотрит ласково в лицо... жалуется на слабость... Но нельзя полагаться на него...».

И в то же время он остается «ребенком с седыми волосами», как он сам себя однажды назвал. Он любит веселье, любит веселые товарищеские беседы, добродушен и доверчив без края и без меры.

Песталоцци

Доверчивость — черта, которую Песталоцци признавал причиной многих своих бед. В «Лебединой Песни» он говорит об этом так: «Я считал весь свет добродушным и достойным доверия по крайней мере настолько же, как и самого себя. Стало быть естественно, что с самой юности я был обречен на жертву тому, кто захотел бы проделать со мной свои штуки. Мне не было свойственно от кого-нибудь ожидать чего-либо дурного, пока я сам не убеждался в этом или сам не терпел зла. И как другим людям я доверял во всех отношениях больше, чем следовало, так и самому себе я приписывал больше силы, чем было у меня на самом деле, и считал себя вполне способным ко многому, к чему я был совсем не способен». Здесь Песталоцци подчеркивает одну из своих черт, которую он определяет как легкомыслие, доверчивость, которую можно было бы назвать чертой неиссякаемого оптимизма, который действительно спасал Песталоцци не только в тяжелые моменты его детства и юности, но и в течение всей жизни. Он сам говорит об этом в таких выражениях: «Среди неудач моих жизненных стремлений мое легкомыслие удерживало меня всегда в веселом настроении там, где всякий другой затосковал бы до смерти».

«Я уверен, — продолжает он, — что при всем том, что со мной случилось, я наверное не дожил бы до того возраста, до которого я дожил в действительности, если бы до известной степени не был легкомысленным».

При этих данных Песталоцци не мог быть хорошим организатором. Когда он был директором Института, при нем всегда находился кто-нибудь, фактически руководивший учреждением. Вначале это был Крюзи; в течение некоторого времени директорство и формально было передано другому, а именно Фелленбергу, — это было в Мюнхенбухзее; в Ифертене ближайшими помощниками, сменяя друг друга, были пастор Нидерер и бывший тирольский крестьянский мальчик Шмид. В Институте Песталоцци преподавал сам; помимо общего руководства в его задачу входило произносить проповеди, обращенные ко всему составу Института, вести беседы с целыми классами, беседовать с отдельными учащимися в целях их исправления и направления, присутствовать на испытаниях и т. п. Он хотел быть действительно «отцом» своего Института. Он стремился создать в нем отношения, подобные семейным; ему это, нужно сказать прямо, не удавалось, школа его не превратилась в семью, но зато много потеряла в смысле организованности, на что обращали внимание очень многие из посетителей Института.

Как же текла жизнь в Институте и каковы были результаты деятельности его? На это дает ответ сообщение одного из участников Института — Геннинга.

По его словам, был установлен следующий режим. «Вставали все и зимой и летом одинаково в пять с половиной часов утра, от шести до семи были уже занятия — (обычно закон божий), от семи до восьми — умывание (на воздухе), завтрак, молитва; от восьми до двенадцати уроки, для детей моложе десяти лет — от одиннадцати до двенадцати физические упражнения; в двенадцать — обед (суп, овощи, иногда мясное жареное, стакан вина); после обеда от часа с половиной до трех с половиной снова уроки; от трех с половиной до четырех с половиной на плацу для игр у озера, от четырех с половиной до пяти с половиной полдник (хлеб с маслом, сыром или фрукты), от пяти до восьми уроки, для маленьких от семи до восьми игры или элементарная гимнастика. В восемь — вечерняя молитва и ужин (суп и овощи, редко рыба), в девять часов дети ложились. Как правило, воспитанники имели десять часов занятий, шесть — на питание и т. п. и восемь — для сна. Учителя имели несколько раз в неделю конференции после девяти часов вечера, а для подготовки к занятиям использовали раннее утро».

Вначале отзывы об Институте были положительны. Действительно, в то время, когда в школах еще господствовало голое изучение латыни и священного писания, в Институте Песталоцци работали по учебному плану, мало чем принципиально отличающемуся от тех принципиальных планов, по которым работают буржуазные школы и до сих пор. В числе предметов были новые языки — немецкий и французский, арифметика, рисование, геометрия, география, история, естествознание, латинский язык, пение, физика и химия, сверх того гимнастика, военные упражнения; желающие могли обучаться дополнительно музыке, картонажу, столярному и токарному ремеслу. Воспитанники занимались в огороде, некоторые имели и животных. Такая постановка вначале, конечно, должна была вызвать чрезвычайный интерес и привлечь к Песталоцци всех тех, кто не был удовлетворен тогдашней школой. Однако с течением времени недостаток организованности, недостаток административных способностей Песталоцци, сказался на всем ходе работы.

Уже в 1809 г. официальная комиссия, посетившая школу Песталоцци, вынесла самое тяжелое впечатление об организации его школы. Сплошь и рядом посетители его учреждения уезжали весьма разочарованными. Об одном из таких посещений, которому он придавал очень большое значение, — это было посещение Института прусским премьер-министром фон-Бейме — он рассказывает так:

«Этот благородный и во многих отношениях прекрасный человек приехал к нам, заранее настроенный в нашу пользу. Вечером, после того как он приехал вместе со своей женой, он сказал мне с большой сердечностью о том участии, которое он принимает в моих

жизненных стремлениях, и о радости, с которой он приходит в наше учреждение. Тем же вечером на общем собрании нашего Института был прочитан доклад (повидимому, Нидерером. А. П.), который был написан в очень выскких тонах и в котором наши стремления и даже наши личности были восхваляемы с удивительной бестактностью. Бейме во время доклада несколько раз качал головой, однако не произнес по поводу доклада ни слова и только, прощаясь со мной, сказал: «я хотел бы завтра утром увидеть, в какой степени все то, что было сегодня сказано, отвечает действительности».

Он явился на другой день утром в тот момент, когда по учебному расписанию должны были начаться уроки. Однако классные комнаты были еще пусты. Он и его жена принуждены были довольно долго ждать, пока, наконец, в некоторых классах не начались уроки; он посетил почти все классы, явно остался недоволен, но ничего не сказал. Та сердечность, дружелюбность и товарищеская близость, которую он и его жена еще вчера выказали по отношению ко мне, исчезла бесследно. Он был не только серьезен и молчалив, но не удовлетворен, и даже возмущение всем тем, что он видел, было отчетливо написано на его лице. Я достоверно знаю, что он, прежде чем уехал из Ифертена, сказал следующее: «Если это учреждение продержится еще хотя бы один год, то я буду считать это величайшим чудом. В обучении, которое я здесь увидел, не имеется даже таких вещей, за отсутствие которых нужно было бы краснеть даже в самой плохонькой деревенской школе».

Этот отзыв очень резок, возможно, что Песталоцци даже преувеличивает его резкость, однако несомненно, что школа Песталоцци не отличалась высокой организованностью.

За семь лет до закрытия Института Песталоцци хотел было осуществить мечту своей молодости, создать школу для бедных. В 1817 г. она была открыта, но постепенно превратилась в такую же школу, как и те (для мальчиков и для девочек), которые были в основном помещении. Ввиду этого школа через два года была закрыта, а учащиеся были переведены в Институт.

Общественно-политическая деятельность Песталоцци, так ярко развернувшаяся в эпоху швейцарской революции, сошла постепенно на-нет в течение этого периода времени. В 1802 г. он еще избирается (и даже двумя округами) в качестве делегата для переговоров с Наполеоном. Песталоцци охотно принял избрание, надеясь заинтересовать Наполеона в своих работах. Он передал Первому Консулу большую записку, где требовал реформы избирательного права, изменения законов о налогах и, конечно, об улучшении народ-

ного образования. Однако последний, как передают, не стал разговаривать со швейцарским педагогом по поводу записки в целом, сказав пренебрежительно, что не его дело вмешиваться в обучение азбуке.

По словам биографа Геннинга, Наполеон потом стал внимательно следить за работами Песталоцци и считал его деятельность опасной и вредной. Пока Наполеон был у власти, Песталоцци постоянно опасался каких-либо неприятностей с его стороны.

Иначе сложились его отношения с русским царем Александром I. В 1814 г. Песталоцци встретился с Александром в Базеле. Он добился у него аудиенции для того, чтобы просить об аннулировании приказа о занятии под военный госпиталь его Института. Песталоцци был принят Александром «милостиво», распоряжение было отменено, а через некоторое время (в ноябре 1814) он получил от царя (также как и Фелленберг) орден Владимира.

Небезынтересны некоторые подробности этой встречи. Александр быстро удовлетворил просьбу знаменитого педагога, но Песталоцци и здесь остался «чужаком». Он воспользовался случаем для того, чтобы — и здесь он себя показал абсолютным политическим младенцем — чтобы убеждать царя отменить крепостное право и распространить среди русских крестьян просвещение. Убеждая царя, он пришел в обычный для него азарт, наступал на своего собеседника так, что тот пытался от него до тех пор, пока не уперся в стену. Тут Песталоцци, настигнув отступавшего пред ним царя, сделал движение, чтобы схватить его за пуговицу мундира — любимый жест Песталоцци. Повидимому царь перепугался, по крайней мере он сделал резкое защитное движение. Тогда Песталоцци очнулся и схватил руку царя, чтобы ее поцеловать. Александр обнял Песталоцци и поцеловал.

Как свидание с Александром, так и получение ордена доставили Песталоцци, уже давным давно забывшего про свое «якобинство», большое удовлетворение. Так он пишет в Петербург Муральту (его сотрудник, принявший предложение русского правительства переехать в Россию): «Жена говорит — не довольно ли у нас было крестов в жизни? — Но кое-кто (намек на самого себя) этому от души радуется».

На обложке одной из работ, выпущенной в Ифертене, красуется следующее: «К невинности, достоинству и благородству эпохи моего отрочества современное слово Генриха Песталоцци, кавалера ордена св. Владимира и члена многих обществ».

Французская революция теперь осуждается Песталоцци. Он уже нигде не подписывается «гражданином Франции», но заявляет, что Французская революция обманывала всех пустыми словами, теперь

он говорит об ужасных следствиях революции, об одичании народов, об обмане лозунгами свободы и равенства и т. д. В эпоху общей реакции, достигшей своего апогея после Венского конгресса (1815), и сам Песталоцци становится реакционером. Он стремится завязать связи с сильными мира сего, пишет письма Александру, Фридриху Вильгельму, прусскому министру и т. п.

Вот, например, благодарственное письмо Песталоцци к Александру I (в связи с «пожалованием» ему при «высочайшем рескрипте» ордена Владимира 4-й степени):

«Государь! Вы осветили вечер моей жизни. Вы увенчали честью мои труды. Приношу Вам благоговейно за то мою благодарность. Но вы сделали более, бесконечно более — произнесли уверение Ваше, что находите мой способ учения могущим служить к распросстранению прочных знаний и к образованию хороших учителей, тем самым Вы утвердили влияние трудов моих на благо человечества... Все часы моей жизни посвящены будут усовершенствованию оснований и средств моей методы»...

(Современный перевод, цит. по «Русск. Инвалиду», 17. II. 1815 г.)

Еще по старой привычке некоторые из его врагов называли Ифертенский институт «революционной трущобой», однако там ничего революционного не было. Это был типичный буржуазный интернат, плохо к тому же организованный. И если бы даже не было тех внешних причин, которые привели к развалу Ифертенского института, его надо было бы закрыть, потому что он пережил сам себя. Говоря о причинах гибели Института Песталоцци, необходимо остановиться на тех двух помощниках Песталоцци, борьба которых между собой весьма ускорила окончательный развал дела Песталоцци,— на Нидерере и Шмиде.

Иоганн Нидерер (1779—1843) был пастором в кантоне Аппенцеле, когда был организован Бургдорфский институт Песталоцци (1800). Это был образованный, живой, с ясной головой и острым языком человек, человек, умевший скрывать свои намерения и, как показало дальнейшее, человек злопамятный и мстительный. Выдержанный, внешне корректный, всегда застегнутый на все пуговицы, гладко причесанный и всегда гладко выбритый, он был прямой противоположностью Песталоцци. Песталоцци ему обрадовался, так как он в нем мечтал найти то, чего в нем самом не было — знания, образованность, точность, аккуратность в работе и т. д. В известной мере он не обманулся в нем. С 1803 г. в течение длительного периода — до 1817 г.— он является его ближайшим помощником и в течение большей части этого времени он — фактически хозяин Бургдорфского и Ифертенского институтов.

Иосиф Шмид (1787—1850) пришел к Песталоцци в 1801 г. четырнадцатилетним мальчиком и поступил в его школу. Здесь он обратил общее внимание своими способностями, особенно в области геометрии и арифметики, и уже в 1803 г. он сделался помощником учителя. Очень скоро вместе с Нидерером он стал одним из основных работников Института.

В 1810 г. он покинул внезапно Институт и вернулся обратно лишь по настойчивой просьбе Песталоцци и Нидерера уже в 1815 г. и с тех пор не оставлял Песталоцци почти до самой смерти. В том споре, который произошел между двумя ближайшими друзьями Песталоцци, Шмидом и Нидерером, Песталоцци стал решительно на сторону Шмида, чем вызвал смертельную ненависть к себе и Шмиду со стороны Нидерера.

Шмид принес с собою в Институт крепкую крестьянскую деловитость, умение жестко администрировать, ясно мыслить и резко ставить вопросы. Повидимому, он был грубее и откровеннее в своих действиях, чем Нидерер. Это было противоречие не только между двумя темпераментами и между двумя личностями, это было противоречие разных культур и разных классов. В то время как Нидерер весь связан с городской буржуазией, Шмид — типичный крестьянин, мелкий буржуа, со всеми его характерными чертами. Неудивительно, что Песталоцци склонился к Шмиду, а не к Нидереру. Вспоминая о том, как Шмид, испортив отношения почти со всем коллективом и в особенности с Нидерером, в день помолвки последнего с одной учительницей¹, которую любил Шмид, покинул Институт, Песталоцци пишет: «он покинул нас летом 1810 г. Это как ножом разрезало мое сердце, я любил его как мою душу».

Шмид не переносил того беспорядка и неорганизованности, которые характеризовали Институт Песталоцци. Он неоднократно прямо и резко об этом говорил, он призывал к экономии, так как Институт, а стало быть и Песталоцци опять оказались в долгах. Он требовал сокращения излишнего количества педагогов. (Были такие моменты, когда на семьдесят учащихся было около тридцати обучающихся их педагогов.) Он не стеснялся вообще резко критиковать кого угодно и как угодно. Это не могло нравиться учителям, поэтому наступило резкое охлаждение, и Шмид, как было сказано, ушел. Покинув Ифертен, он поселился в Вене, где с большим успехом преподавал математику в немецкой школе, а через некоторое время стал даже в одном небольшом городе директором школы. Он не удовлетворился тем, что порвал с Институтом, но выпустил брошюру, в которой, не

¹ Кстати сказать, Нидерер так и не женился на ней.

стесняясь, резко критиковал Институт, в котором он был еще недавно основным работником.

В отсутствии Шмида дело пошло все хуже и хуже, и сам Нидерер принужден был просить Шмида вернуться. В течение двух лет угорваривали Песталоцци и Нидерер Шмида вернуться. В одном из писем Нидерер между прочим пишет: «Вы мужественны, сильны и поэтому достойны уважения. Но это вам дала природа. Вы, однако, больше. Вы истинны. Вы стремитесь к хорошему с твердым убеждением. Это создает человек сам и это делает вас человеком чести.

Мое сердце полно, я должен вам сказать это прямо, ибо то, что вы можете дать — это одна из прекраснейших надежд моей жизни».

В другом письме после свидания со Шмидом Нидерер пишет: «Ваша близость была для меня прекрасной, нежной, она обвевала нас, как плодотворный, все оживляющий гений».

Шмид вернулся. Он принялся за свои жесткие реформы. В этом ему помогала жена Песталоцци, которая все время предупреждала Песталоцци против Нидерера и против его будущей жены, одной из учительниц в Институте Песталоцци, а потом руководительницы женской школы, — Кастгофер. Анна Песталоцци встретила Шмида, когда он вернулся, следующими словами: «Для кого вы вернулись, — для Песталоцци или для Нидерера?» И когда Шмид сказал со всей решительностью: «Я ни для кого, кроме моего друга Песталоцци, не мог вернуться», она вместе с ним принялась за улучшение совершенно развалившегося Института.

Шмид быстро подтянул Институт — снова ценой сокращения персонала, проведения режима экономии и т. д. Не прошло двух лет, как Нидерер опять стал во главе недовольной части учительства, и так же, как семь лет назад неожиданно ушел Шмид, так же неожиданно ушел Нидерер. Но уходя, он допустил выходку, которую ему никогда не мог простить Песталоцци.

Была весна 1817 г., происходило богослужение и торжество по случаю конфирмации нескольких воспитанников Института. Нидерер, как пастор, сказал речь, и в этой речи он допустил с кафедры совершенно неожиданно самые грубые выпады против Песталоцци, сказав между прочим, что с ним никто не может иметь дело, что под одной крышей с ним не может оставаться ни один уважающий себя человек. Песталоцци не выдержал, прервал его речь и указал ему на то, что он находится тут для конфирмации его воспитанников и что совершенно недопустимо в этой обстановке сводить личные счеты.

Нидерер ушел, и после этого в течение целых семи лет тянулся весьма тяжелый, чрезвычайно дорого давшийся Песталоцци судебный процесс. Дело в том, что Песталоцци, весьма доверявший руко-

водительнице женской школы Кастгофер, повидимому, фиктивно переписал эту школу на ее имя Правда, он составил при этом подробный договор, который обеспечивал его и ее права. Договор этот совершенно загадочно исчез из стола Песталоцци, повидимому был кем-то украден. После этого вскоре последовала неожиданная для всех женитьба Нидерера на Кастгофер и еще неожиданнее — разрыв с Песталоцци. Эта женская школа под руководством Нидерера и его жены просуществовала до 1837 г., когда Нидерер переселился в Женеву.

Анна Песталоцци

Много раз писал Песталоцци за это время Нидереру. В этих письмах старик Песталоцци проявляет много мягкости и самопожертвования; он готов идти на всякие компромиссы, только бы Нидерер, которого он сильно любил и чувство к которому в его душе осталось, прекратил этот позорный и тяжелый процесс. Нидерер не только не сделал этого, но когда после окончания процесса Песталоцци выпустил книгу «Мои судьбы», где описал историю своего Института, от его возникновения до конца, Нидерер ответил через

некоего Бибера гнуснейшим пасквилем, направленным против Песталоцци и против Шмида.

Нидерер не удовлетворился этим. Можно не сомневаться, что именно благодаря его проискам Шмид был в 1825 г. выслан из Ифертена, а это было внешним толчком к закрытию Института. Институт был закрыт в 1825 г., и усталый, больной, разбитый всеми дрязгами Песталоцци возвратился в свой Нейгоф, к внуку.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

«ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЬ». СМЕРТЬ

«Умереть не страшно. Я умру охотно, так как я устал и хочу наконец найти покой: но жить, всем пожертвовать, ничего не достичь и увидеть все разбитым и так уйги в могилу, это—ужасно. Я не могу этого высказать. Я хотел бы плакать, но нет слез в моих глазах».

(Из предсмертных записей Песталоцци)

В МАРТЕ 1825 г. Песталоцци прибыл в Нейгоф. Он вернулся снова туда, где полвека назад он начал свои социально-педагогические эксперименты, вернулся в семью своего внука — Готлиба. Его жена уже умерла — в 1815 г., совсем молодым умер его сын Яков. Песталоцци — странно сказать — зажил тихой «семейной» жизнью без ежедневной напряженной работы, без бурь и без тревог организатора и строителя.

Уместно здесь сказать несколько слов о его личной жизни. Об этом трудно говорить, дать исчерпывающие данные, так как его личная жизнь — это жизнь общественная, а об интимном, индивидуальном Песталоцци, столь многоречивый в своих сочинениях, говорит очень мало, если только это не имеет значения в истории его общественной работы и борьбы.

Мы знаем о перипетиях его любви к Анне Шультгес, так как сохранилась его переписка с ней. В его сочинениях мы находим выражения глубочайшего уважения к ней, но ничего о том, как протекала их жизнь. А жилось нелегко: материальные затруднения почти в течение всей жизни, болезнь Анны и связанная с этим жизнь на два дома. Болезненный, хилый, исключительно впечатли-

тельный и нервный сын, горячо любимый, рано погибший. Внук, лишившийся отца на третьем году жизни, мало способный, туповатый: Песталоцци рано направил его на работу в ремесло — он стал кожевником, так как наук он одолеть не мог.

В сочинениях Песталоцци, даже носящих отчетливо автобиографический характер, не сказано ничего ни о сыне ни о внуке. Он был сильно привязан к ним, в особенности к сыну, но они никак не вошли в его общественную жизнь, в его строительство и творчество. Поэтому не должно удивлять нас то, что Песталоцци, получив сообщение о смерти своего сына, остается на своем посту. Но стоит только прочесть одно из писем к сыну, чтобы почувствовать, как сильно любил он своего сына. Вот его письмо к сыну в Кольмар:

«Будь скромн, прилежен, рассудителен, послушен, опрятен, привыкай держать каждое дело в порядке... Дитя мое! Ты для меня — все... От тебя зависит или сделать меня счастливым, или разбить мою жизнь навсегда...».

Он и его жена внимательно следили за воспитанием и сына и внука. Ни тот ни другой в итоге не представляли ничего поднимающегося над обывательским уровнем. Сын много болел и рано умер, внук был ремесленником, а потом сельским хозяином в Нейгофе, где и прожил до своей смерти в 1853 г. Был он женат на сестре известного нам Шмида, имел единственного сына — Карла, ставшего профессором в Цюрихском политехникуме (сперва был военным) и умершего бездетным; им, кстати сказать, кончается род Песталоцци, потомка Антонию Песталоцци, беглеца из Клавениш (Италия).

Чем же занимался «на покое» старик Песталоцци? В Нейгофе он снова отдался литературной работе. Из числа его произведений надо отметить «Лебединую Песнь», в которой он как бы подвел итоги своей педагогической деятельности. Здесь он снова рассматривает основные идеи, волновавшие его в течение последних двадцати пяти лет, останавливаясь главным образом на идее «элементарного образования». Самый заголовок книги говорит о желании автора именно сказать последнее слово, подвести жизненный итог. «Теперь мне восемьдесят лет, — пишет он в предисловии, — и в этом возрасте каждый человек неправ, если не смотрит на себя ежедневно как на лежащего на смертном одре. С некоторого времени я почувствовал это больше, чем когда-либо. Поэтому я не хотел откладывать своего намерения пред смертью отдать публике по возможности ясный и точный отчет в своих опытах (в этом отношении), а также в удачных и неудачных результатах последних. Поэтому я и дал этому сочинению вышеприведенное заглавие. Друзья человечества! Примите это сочинение за лебединую песнь, а в литературном отношении не требуйте от меня больше, чем я в состоянии сделать.

Моя жизнь ничего не произвела цельного, законченного; мое сочинение также не может дать ничего цельного, ничего законченного. Подарите его, каково оно есть, вашим вниманием и все то, что вы признаете в нем благодетельным для человечества, удостоьте вашим гуманным содействием и участием, которого заслуживает самый предмет независимо от достоинства моих личных стремлений».

Как это было уже сказано, основным вопросом этой «Лебединой Песни» и ее лейтмотивом является идея «элементарного образования». Песталоцци стремится показать эту идею в свете философского и психологического обоснования. Он приходит к тому же убеждению, которое он высказывал раньше, но подчеркивает его здесь более резко, а именно, что «идея элементарного образования, для теоретического и практического разъяснения которой я пожертвовал большей частью моих зрелых лет, чтобы самому более или менее познакомиться с ее объемом, эта идея есть не что иное, как идея о согласии с природой в деле развития способностей и сил человеческого рода... На идею элементарного образования следует смотреть как на идею природосообразного развития сил и способностей человеческой души и человеческого ума, а также эстетических способностей».

Песталоцци требует здесь с большей настойчивостью, чем когда-либо, всестороннего образования.

«Истинно и естественно развивает человека,—говорит он,—то, что охватывает его во всей совокупности сил человеческой природы, т. е. душу, ум и физическую силу... Все, что охватывает его лишь одно-сторонне, т. е. по отношению к одной из его сил, будет ли то душа или ум или способность эстетическая, губит и разрушает равновесие наших сил... Всякое одностороннее развитие одной из наших сил не истинно, не естественно; это только кажущееся развитие; это есть медь звучащая и кимвал бряцающий человеческого развития, а не человеческое развитие».

Это развитие сил и способностей человека происходит только в процессе их упражнения. Как в области физической, так и в области умственной человек развивается только благодаря действию. Ничто не может быть хуже, чем болтовня о тех или других вещах, при помощи которых думают развивать человека.

«Человек естественно развивает свою нравственную жизнь, любовь и веру лишь посредством дел любви и веры.

Точно также человек развивает свои умственные способности, способность мышления, лишь посредством самого факта мышления.

И внешние основы своих художественных и профессиональных способностей, свои чувства, органы и члены, он естественно развивает лишь посредством их упражнения».

Это есть путь самой природы. Природа, по мнению Песталоцци, именно таким путем развивает человека.

«Сама природа каждой из этих сил,—пишет Песталоцци,—побуждает человека упражнять их. Глаз хочет смотреть, ухо — слышать, нога — ходить, рука — хватать. Но также и сердце хочет верить и любить. Ум хочет мыслить. В каждой способности человека заключается стремление выйти из состояния безжизненности и неразвитости и стать развитой силой, которая в неразвитом виде находится в нас лишь как зародыш силы, а не как сама сила».

Эту идею природосообразности, которую мы в общей форме уже слышали довольно давно даже от Амоса Коменского и которая в углубленном ее виде дана Песталоцци в «Лебединой Песни», он формулирует по-новому. Он выдвигает здесь, с тех пор очень популярный, воспитательный принцип: «жизнь образует». При этом под «жизнью» Песталоцци понимает совокупность всех влияний окружающей среды и всех задатков, имеющих в человеке.

Анализируя понятие природосообразности и принципа «жизнь образует», Песталоцци ставит себе вопрос, каким путем естественно развиваются в человеке основы его умственной жизни, основы его мыслительной способности, его размышления, исследования и суждения? На этот вопрос Песталоцци дает ответ совершенно в духе тех построений, которые много позже, уже в начале XX столетия, с таким успехом у буржуазных педагогов развивал небезызвестный психолог и педагог Лай. Та «триада», которую, казалось бы, как совершенно новую идею развивал Лай, а именно: впечатление, переработка впечатлений и действие, уже заключается в произведениях Песталоцци и в частности в «Лебединой Песни». Чтобы убедиться в этом, послушаем самого Песталоцци:

«Мы находим, что развитие нашей мыслительной способности исходит из впечатления, производимого на нас наблюдением над всеми предметами, которые, касаясь наших внутренних и внешних чувств этим самым возбуждают и оживляют присущее нашей умственной способности стремление к саморазвитию.

Это наблюдение, соединенное с стремлением нашего мышления к саморазвитию, по самой природе своей прежде всего приводит к созданию того впечатления, которое произвели на нас предметы наблюдения. Этим самым оно неизбежно производит чувство потребности выразить те впечатления, которые произведены нашим наблюдением, и прежде всего чувство потребности говорить».

Задача педагога заключается лишь в том, чтобы помочь природе в развитии человеческих способностей, чтобы, отнюдь не нарушая основного хода работы, использовать силы природы наилучшим образом. В первую очередь это должны уметь матери, к которым так

часто и так убежденно обращается в своих произведениях Песталоцци. Вообще, когда Песталоцци писал свои педагогические работы последнего периода, он все время хотел помочь матерям, чтобы они заложили первые основы воспитания, так как именно матери в семье могут это сделать глубоко и полно.

В «Лебединой Песни» Песталоцци рассматривает ряд методических и педагогических проблем, касающихся развития и конкретизации идеи «элементарного образования». Он пишет здесь и об обучении родному языку, и об обучении математике, и об эстетическом и физическом воспитании, действительно подводя общие итоги своей педагогической теории. Он не перестает при этом обличать современное ему воспитание, которое не опирается на конкретное изучение окружающего человека мира. «Поверхностность наших рутинных упражнений обыкновенно приводит нас к бессмысленной болтовне о предметах, которые должны бы нас научать. Самое обучение ребенка становится настоящим обучением болтовне относительно того, чего ребенок не понимает... Психологически верно и легко объяснимо, как можно таким путем дойти до того, что в конце концов будешь с увлечением говорить о вещах, которыми пришлось заниматься до отвращения долго и с большим трудом, без всякой возможности понять, что они такое и к чему служат».

В этой работе Песталоцци лишь вскользь говорит о соединении обучения с производительным трудом. В последние годы — годы его специально педагогической деятельности — это ему не удалось. Однако он изменил бы себе совершенно, если бы он не сказал о том, какое отношение его теория имеет к обучению бедных, т. е. к обучению среднего и беднейшего крестьянства. Он снова повторяет здесь свою любимую идею, выдвинутую им много лет назад, об упрощении всего педагогического процесса, упрощении настолько, чтобы им мог пользоваться при обучении детей крестьянин, ремесленник и «всякий, полагающий основу своего домашнего благосостояния своим личным заработком». И снова он говорит — характерное постоянство! — о том, что «педагогический принцип «жизнь развивает» вообще менее применим к высшим сословиям, чем к низшим». Дети низших сословий живут с утра до вечера среди таких людей и в таких условиях, в которых они ежеминутно находят случай и побуждение принимать участие в отцовском занятии и усваивать себе те самые существенные из специальных навыков, которые им необходимы для какого-нибудь будущего дела, соответствующего их положению и условиям. Но, конечно, этого не бывает у высших сословий. Нужда и потребности вовсе не помогают им в этом отношении. Их дети вообще с самодовольством, воспринятым с молоком матери, произносят слова: «я богат; я стал богачом, и в этом не нуждаюсь».

Если фактически последние двадцать пять лет Песталоцци работал на состоятельные слои населения, то теоретически он не перестает думать о бедных, не перестает, как видно из только что приведенной цитаты, враждебно относиться к богатым. Это было основой личной неудовлетворенности Песталоцци в течение всей деятельности в Бургдорфе и Ифертене, это заставило его и в «Лебединой Песни» воскликнуть: «Бургдорф и Ифертен — не цель моей жизни».

С этой мыслью восьмидесятилетний Песталоцци сошел в могилу. В Нейгофе написана и автобиографическая работа «Мои судьбы», где описывались по преимуществу его отношения с Нидерером на протяжении двадцати с лишним лет. Как мы уже говорили выше, эта книга вызвала грубое выступление Бибера, которому был дан материал Нидерером, выпустившего книгу под названием «Материал для биографии Песталоцци и для освещения его последней работы «Мои судьбы»». Книга вышла в январе 1827 г. Песталоцци в это время вообще чувствовал себя плохо, а когда он прочитал книгу Бибера и Нидерера, он был совершенно потрясен.

Как тяжело переживал он оскорбление, нанесенное его прежним другом, видно из его предсмертных записей:

«Я страдаю невыразимо. Никто не может понять боли моей души. Оплевывают и оскорбляют старого, слабого, дряхлого человека и смотрят на него теперь как на ненужную вещь. Мне больно не за себя лично, но мне больно, когда подвергают оплеванию и высмеиванию мою идею, когда попирают ногами то, что для меня свято и за что я боролся в течение моей долгой и полной скорби жизни».

И в другом месте этих записей он обращается снова к бедным:

«И мои бедняки, вы, подавленные, презираемые и отталкиваемые бедняки! Так же, как и меня, вас всюду будут покидать и изгонять. Богатые в своем изобилии не вспомнят о вас, да если бы они и вспомнили, они могли бы вам дать в самом лучшем случае только кусок хлеба, и больше ничего. Они ведь и сами бедны и ничего кроме денег у них нет. Пригласить вас на духовный пир и сделать вас людьми, об этом еще долго и долго никто не подумает».

Кончает он записки следующими словами:

«Я прощаю моим врагам, пусть найдут они теперь мир в тот момент, когда я иду к вечному успокоению. Я охотно пожил бы еще, хотя бы шесть недель для того, чтобы окончить мою последнюю работу, но благодарен провидению, которое меня отзывает из моей жизни. И вы, мои родные, будьте спокойны и ищите счастья в тихом домашнем кругу».

Так как положение Песталоцци сильно ухудшилось, 15 февраля, по его распоряжению, его перевезли в ближайший городок Бругг, где

его осмотрел врач. 16 февраля он был уже без сознания и 17-го в семь часов утра он умер.

19 февраля состоялись похороны. Через глубокий снег его гроб был перенесен в дереvушку Бирр и опущен в могилу, вырытую у фасада сельской школы. Небольшая кучка людей проводила величайшего педагога XIX столетия до его скромной могилы у маленькой деревенской школы.

Непонятый до конца современниками, глубоко оскорбленный мелкими людьми, сводившими свои мелкие счеги, он умер одиноко, так

Памятник Песталоцци в Бирре

же, как в одиночестве он прошел весь свой жизненный путь. Никто, кроме разве его жены, почти полвека бывшей его чуткой и верной помощницей до конца не понимал всей глубины высказанных им и частично проведенных на практике идей. Среда, в которой он жил, не могла, да и не хотела понять этого своеобразного мятущегося, вечно неудовлетворенного, но вечно идущего человека. Он хотел построить здание новой школы, здание нового воспитания в ту эпоху, когда для этого еще не было создано необходимых условий. Отсюда — обычная в буржуазном обществе трагедия людей, далеко ушедших от своего века.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

И Т О Г

«... все его произведения согреты горячей любовью к народу, обнаруживают необычайную наблюдательность, глубину и оригинальность мысли. В них очень много важного. История доказала несостоятельность очень многих взглядов Песталоцци. Тот, для кого самого еще не ясно, где источник народных бедствий и как его преградить, пусть не ищет ответа на эти вопросы у Песталоцци... Не у Песталоцци следует искать ответов на жгучие вопросы, но для всякого, желающего ознакомиться с историей демократической мысли, произведения Песталоцци представляют громадный интерес».

(Н. К. Крупская. «Народное образование и демократия»)

1

ПЕРЕД нами прошла жизнь Песталоцци, жизнь, охватывающая четыре пятых века, жизнь, наполненная кипением горячего сердца, жизнь необыкновенно полная, насыщенная жизнь творца, жизнь подлинного общественного деятеля.

Каковы итоги этой жизни? Что дал Песталоцци человечеству, что дал он трудящимся? В чем его значение? Какой след оставил он после себя? Что, наконец, он дал Стране советов?

Деятельность Песталоцци была разнообразной. Он пытался быть практическим деятелем, сельским хозяином, промышленником, он много написал в своей жизни, стал известен как романист, энциклопедист, свою жизнь как всему миру известный педагог, стоявший четверть века во главе самых разнообразных педагогических учреждений.

Мы искусственно выделяем в его жизни ряд различных областей—общественную деятельность, литературные занятия, педагогику и т. д. Говоря о Песталоцци, мы вспоминаем о нем то как о педагоге, то как о деятеле швейцарской Директории, то как об авторе социального романа. Мы не всегда при этом помним о том, что трудно представить

себе жизнь более единую, единую во всем ее разнообразии, чем жизнь Песталоцци. Что бы он ни делал, куда бы его ни бросало пламенное сердце, везде он обуреваем одной и той же мыслью, одной и той же над всем доминирующей идеей. Это идея — помочь народу, помочь трудящимся — беднякам.

Песталоцци был энтузиастом этой идеи. Она, как крепкий цемент, склеивает в некое монументальное единство все разнообразие работ, увлечений, порой даже авантур Песталоцци. Это замечательнейший пример служения единой цели, подчинения всего себя единой идее.

В то же время в мировую историю Песталоцци вошел только как педагог. Забыты его романы, во всяком случае их не читает никто, кроме профессиональных педагогов, да и эти подходят к ним, конечно, не как к художественным произведениям, а как к педагогическим трактатам. Он не сыграл какой-нибудь крупной роли в революционном движении своего века, он ни в коей мере не был вождем. Поэтому историк швейцарской революции упомянет о нем только вскользь. Однажды, на очень короткий момент, загорается его имя в бурях Французской революции. Песталоцци ярко откликнулся на общественные события, но он никогда не вел за собой кого-нибудь. Совершенно очевидно поэтому, что ни его общественная ни его литературная деятельность не могли дать ему бессмертия.

В историю, повторяем, он вошел как великий педагог.

2

Педагогика Песталоцци — это доподлинная социальная педагогика. Это не социалистическая педагогика, не педагогика пролетариата, не пролетарская педагогика. Она имеет право быть названа социальной и потому, что всегда исходит из интересов трудящихся масс, она социальна и потому, что никогда не отрывается от всех других сторон жизни трудящихся, рассматривая себя лишь как отдельное звено во всем комплексе условий, определяющих жизнь людей. Никто до Песталоцци не поставил этого вопроса в такой форме. Среди буржуазных и мелкобуржуазных педагогов никто после Песталоцци не поставил вопроса глубже. Социал-реформистами во всем мире прославлен как творец «социальной педагогики» Наторп, выдвигавший триединую формулу: воспитание для общества, в обществе, через общество. Это удобная формула для тех, кто заинтересован в затушевывании классовых противоречий. Поэтому буржуазные педагоги всех стран прославляют Наторпа.

Поучительная параллель: с одной стороны человек, живший в ту эпоху, когда сколько-нибудь оформленного рабочего движения не существовало, ставит все вопросы воспитания с точки зрения интересов

трудящихся, среднего и беднейшего крестьянства, стремясь на этих путях во что бы то ни стало помочь народу; с другой стороны, человек, величающий себя социалистом, надумавший свою «социальную педагогику» в эпоху обострения классовых битв после Маркса, после Энгельса, холодно выдвигает формулу абстрактного социального воспитания.

Насколько неизмеримо выше для нас первый и насколько неизмеримо ближе для нас первый и как вызывает нашу ненависть и презрение второй!

Неудивительно поэтому, что и вопросы трудового воспитания поставлены у Песталоцци с далеко большей смелостью и большей глубиной, чем у кого-либо из его буржуазных и мелкобуржуазных «последователей». Как мы видели, для Песталоцци труд является могучим средством воспитания, также как и воспитание является средством для обеспечения определенной трудовой профессии. Для Песталоцци не существует противоположения между общим и профессиональным образованием, его общее образование в то же время профессиональное, его профессиональное образование в то же время имеет глубокое общеобразовательное значение. И то и другое вместе подчинено задаче социальной, задаче поднятия подавленных, эксплуатируемых беднейших масс на высоту нормальной обеспеченной и счастливой жизни.

И эта идея не могла быть воспринята и развита его буржуазными «наследниками». Ведь если идти по этому пути, по которому начал идти Песталоцци, пришлось бы с неумолимой неизбежностью прийти к пролетарской педагогике. Его классовая постановка вопроса о воспитании, перенесенная в условия XIX—XX вв., его страстная любовь к эксплуатируемым и угнетенным могли получить и действительное выражение только в борьбе пролетариата. Поэтому-то так бледно, так равнодушно пишут буржуазные историки о нейгофском опыте. Его нельзя вычеркнуть из истории Песталоцци, ведь на него ушло шесть лет его жизни; это яркая страница, ее нельзя вырвать из биографии, но ее буржуазный историк-педагог старается затенить, смазать, передать как одно из чудачеств гениального человека.

Так стремились буржуазные наследники вытравить все классовое из деятельности Песталоцци, представить его как бесклассового теоретика-педагога, как великого методиста начальной школы.

Конечно, и здесь Песталоцци — в области теории и практики обучения—дал очень много. Он конечно не философ и не «ученый» педагог. Если даже не поверить его заявлению о том, что уже в течение 30 лет он не прочел ни одной книги, то во всяком случае надо признать, что он не изучал ни современных ему философов, ни современных ему педагогов. О Канте он узнал через Фихте, о новых работах

Базедова он знает так же по наслышке. Он создает свою теорию педагогики независимо от кого бы то ни было. В этом его сила и в этом и его слабость. Его теоретическим построениям нехватает научной культуры, в них нет стройности и систематичности, нет учета всего того, что сделано до него, а потому Песталоцци зачастую ломится в открытую дверь, открывает Америки, давно уже открытые до него. Но везде он оригинален, везде он вносит свое. Уже до Песталоцци и Локк и Руссо выдвигали целый ряд психологических положений, являвшихся фундаментом их воспитательной теории. В особенности велики заслуги Руссо, в «Эмиле» которого разбросано огромное количество замечательнейших наблюдений, великолепнейших психологических афоризмов. Песталоцци идет за ними. В юности он изучал того и другого; но он дает обобщающую установку, то есть то, чего не хватало и Локку и Руссо. Он говорит о психологическом обосновании всего обучения, всей педагогики. Характерно, что и к этому требованию он приходит, движимый социальным импульсом. Он стремится к тому, чтобы каждый человек, каждая мать, как бы они ни были мало культурны, пользуясь его методами обучения и воспитания, могли стать хорошими педагогами. Для этого-то он и ищет наиболее простые элементы воспитания, для этого-то он и углубляется в психологию. Его «элементарное образование» насквозь психологично. Конечно его психология мало удачна, он не идет дальше анализа восприятий, причем этот анализ проводится весьма механистично. Тем не менее им выдвигается с большой остротой проблема созерцания, глубокого и полного восприятия наблюдаемого объекта, и на этом строится его методика обучения.

Следствием такой постановки вопроса является его теория гармонического упражнения всех сил, а отсюда его теория воспитания как гармонического, умственного, физического (технического) трудового и нравственного развития.

Песталоцци в основе своей — идеалист, но идеалист, который часто сбивается на материалистическую трактовку многих вопросов. Так, его учение о воспитательном значении среды (жизнь образует) льет воду на мельницу материализма.

Педагогическое учение Песталоцци вызревало из его практики. Однако далеко не все свои идеи он сумел воплотить в жизнь. Наоборот, в жизни получили утверждение не самые верные и не самые яркие его педагогические идеи. Современники Песталоцци обращали больше внимания на его методические приемы, на методику обучения в начальной школе. Здесь он во многих отношениях является пионером, во многих отношениях он показал образцы методической работы по отдельным предметам, образцы сплошь и рядом, как мы видели выше, малоудачные.

Для того чтобы понять значение Песталоцци в области постановки обучения в начальной школе, надо еще раз вспомнить, что имелось в школах того времени. Дистервег, один из крупнейших последователей Песталоцци в Германии, так описывает метод школьной работы той эпохи: «каждый ребенок читал отдельно. Метод одновременного чтения был еще неизвестен. Один за другим ученики подходили к столу, за которым сидел учитель. Он указывал на одну букву и называл ее, ребенок повторял название, следовало упражнение — распознавание и запоминание указанных букв, потом разбирались слоги буква за буквой; так ребенок ознакомливался с буквами и постепенно научался читать. Это был трудный, очень трудный метод изучения для него. Обыкновенно проходили годы, прежде чем приобреталось сколько-нибудь удовлетворительное умение читать; многие не приобретали его и в течение четырех лет. То был подражательный и чисто механический труд для обеих сторон. Редко думали о необходимости понимать читаемое. Слоги произносились однообразным голосом, без понижений и повышений, и чтение было лишено всякой выразительности. Дети повторяли протяжным голосом тексты из Священного писания, псалмы и содержание катехизиса от начала до конца, — короткие вопросы и длинные ответы, все одинаково монотонным голосом. О содержании слов, звуки которых они мало-по-малу закрепляли в памяти, дети не знали ничего... Не лучшим было обучение пению. Учитель пел псалмы несколько раз, пока дети не оказывались в состоянии повторить мотив или, вернее, провизжать его вслед за учителем»...

В школах изучали катехизис, псалтырь, и этим дело в большинстве случаев и ограничивалось.

Песталоцци ввел в начальную школу такие предметы, которых там никогда раньше не было. Он ввел начала геометрии, он показал все значение рисования и дал методику этого предмета. Он вводит географию и естествознание, он реформирует методику обучения чтению и арифметике. Он выпускает целый ряд книг, представляющих методическую разработку во всех указанных областях. Одним словом, Песталоцци резко изменяет все учебные планы, программы и методику обучения в начальной школе — короче, он создает ту начальную школу, которая устанавливается во всех буржуазных странах начала XIX столетия и прежде всего в Германии. До Песталоцци была одна начальная школа с одним кругом предметов, с одной методикой, вернее сказать, почти без всяких предметов и без всякой методики. После Песталоцци начальная школа получает свою программу, свои учебные планы, свою методику.

Методика предметов начальной школы начинается с Песталоцци. Неудивительно поэтому, что Песталоцци особенно популярен, особенно известен как реформатор

начальной школы. И в этом он мог бы почерпнуть известное удовлетворение. Как бы ни стремилась буржуазия извратить всеобщую начальную школу таким образом, чтобы она отвечала ее интересам, тем не менее, служа этой школе, Песталоцци служил в значительной мере тем беднякам, о которых он думал всю свою долгую жизнь.

Методика Песталоцци во многих случаях — очень формальная и механистическая методика. Исходя из своей теории психологизирования обучения из анализа восприятий, исходя из выделения в «элементарном обучении» элементов — слово, звук и форма — исходя, наконец, из стремления сделать эту методику доступной каждому человеку, он пришел к целому ряду механических приемов с их ужасающей однотонностью, с повторением одних и тех же моментов. В руках массовых учителей эти приемы стали еще более механическими, еще более бездушными. Эта методика была между прочим остроумно высмеяна Львом Толстым, давшим описание одного урока по так называемому «методу Песталоцци».

«Учитель из немецкой семинарии... смело, самоуверенно он садится в классе — инструменты готовы: дощечки с буквами, доска с планочками и книжка с изображением рыбы. Учитель оглядывает своих учеников и уже знает все, что они должны понимать, — знает, из чего состоит их душа, и много еще другого, чему он научен в семинарии.

Он открывает книгу и показывает рыбу. «Что это такое, милые дети?» Это, извольте видеть, Anschauungsunterricht (наглядное обучение — термин Песталоцци. А. П.). Бедные дети обрадуются на эту рыбу, ежели до них уже не дошли слухи из других школ и от старших братьев, каким соком достается эта рыба, как морально ломают и мучат их за эту рыбу. Как бы то ни было, они скажут: это — рыба. «Нет», — отвечает учитель (Все, что я рассказываю, есть не выдумка, не сатира, а повторение тех фактов, которые я без исключения видел во всех лучших школах Германии и тех школах Англии, где успели заимствовать эту прекрасную и лучшую методику). «Нет, — говорит учитель. — Что вы видите?» Дети молчат. Не забудьте, что они обязаны сидеть чинно, каждый на своем месте и не шевелиться — Ruhe und Gehorsam.

— «Что же вы видите?» — «Книжку», — говорит самый глупый. Все умные уже передумали в это время тысячу раз, что они видят, и чутьем знают, что им не угадать того, чего требует учитель, и что надо сказать, что рыба не рыба, а что-то такое, чего они не умеют назвать. «Да, да, — говорит с радостью учитель, — очень хорошо: книга». Умные осмеливаются, глупый сам не знает, за что его хвалят. «А в книге что?» — говорит учитель. Самый бойкий и умный догадывается и с гордой радостью говорит: «буквы». «Нет, нет, со-

всем нет! — даже с печалью отвечает учитель: — надо думать о том, что говоришь». Опять все умные в унынии молчат и даже не ищут, а думают о том, какие очки у учителя, зачем он не снимет их, а смотрит через них и т. п. «Так что же в книге?» Все молчат. «Что вот здесь?» — «Рыба», отвечает смельчак. «Да, рыба, но ведь не живая рыба?» — «Нет, не живая». — «Очень хорошо. А мертвая?» — «Нет». — «Прекрасно. Какая же это рыба?» — «Ein Bild — картина». — «Так, прекрасно». Все повторяют: это картина, и думают, что кончено. Нет, надо сказать еще, что это картина, изображающая рыбу. И точно таким же путем добивается учитель, чтобы ученики сказали, что это есть картина, изображающая рыбу. Он воображает, что ученики рассуждают, и никак не догадывается, что ежели ему велено заставлять учеников говорить, что это есть картина, изображающая рыбу, или самому так хочется, то гораздо проще было заставить их откровенно выучить наизусть это мудрое изречение.

Еще счастливы те ученики, которых учитель оставит на этом в покое. Я сам видел, как он заставлял их сказать, что это не рыба, а вещь — ein Ding, а вещь эта уже есть рыба. Это, извольте видеть, новый Anschauungsunterricht в соединении с грамотой, это — искусство заставлять детей думать...

...Я до сих пор после тщетного искания этого Anschauungsunterricht'a и методы Песталоцци по всей Европе ничего не нашел, кроме того, что географии надо учить по картам выпуклым, ежели они есть, краскам — по краскам, геометрии по чертежам, зоологии по зверям и т. д., что каждый из нас знает с тех пор, как родился, чего вовсе не нужно было выдумывать, потому что это давно выдуманное самой природой, вследствие чего это каждому, не воспитанному в противных понятиях, и известно».

Нетрудно заметить, что толстовское описание применения метода Песталоцци в германской народной школе весьма напоминает описание Рамзауера. Толстой прав в своем ироническом отношении к такому обучению детей, но, конечно, с большой долей легкомыслия отбрасывает самую необходимость теоретического изучения проблемы наглядного обучения.

Таковы основные моменты педагогики Песталоцци. По богатству идей эта педагогика стоит выше, чем педагогика Амоса Коменского, Локка и Руссо. Кроме того перед всеми нами она имеет то бесспорное преимущество, что его теория была теснейшим образом связана с практикой и его педагогические идеи рождались в процессе практического творчества. Он был действительно великим педагогом.

Нам уже неоднократно приходилось рассказывать о том, как относились современники к Песталоцци. Мы знаем, каким поклонением порой его окружали, как высоко превозносили его заслуги и рядовые учителя и крупнейшие деятели той эпохи; мы знаем и то, как ненавидели порой Песталоцци и как боролись с ним.

Но как отразилась деятельность Песталоцци на практике?

Как мы уже неоднократно подчеркивали, буржуазная школа прошла мимо сущности его социальной педагогики. Она вытравила классовые моменты из его педагогической системы, она приняла Песталоцци только как реформатора методики обучения в начальной школе. При жизни буржуазия использовала его Институт как хороший передовой интернат для своих детей.

Весь XIX в., поскольку речь идет о реформе начального образования, идет под знаком Песталоцци. Большой известностью пользуется Герbart, но он не заменяет Песталоцци, он дополняет его, вернее, стремится дополнить и дает методику обучения не только для начальной, но и для средней школы, которая, кстати сказать, никогда не отражала в себе идей Песталоцци.

Впереди других стран в деле применения методики Песталоцци идет Германия, в частности Пруссия. Здесь огромную роль сыграли выступления философа Фихте, который пропагандирует систему Песталоцци в своих знаменитых «Речах к немецкой нации» (1808). Известно то значение, которое имели для Германии эти речи, произнесенные в обстановке военной оккупации Пруссии. Фихте стал одним из самых популярных деятелей Германии, таким же популярным стал для Германии и Песталоцци. Теоретики буржуазной педагогики взяли очень многое у Песталоцци, они взяли формулировку цели воспитания, взяли многое из того, что говорилось им о моральном воспитании, о гармоническом воспитании,—кстати, формула о гармоническом воспитании с тех пор является самой ходовой фразой во всех буржуазных учебниках педагогики,—но они, на словах воздавая дань социальному характеру педагогики Песталоцци, на деле никогда не делали, не смели делать практических выводов из того положения, которое было им выдвинуто. Много и неоднократно говорилось о трудовой педагогике Песталоцци, но никогда не было ни одного шага в деле развития этой идеи дальше.

Итак, буржуазные школы, буржуазные педагоги приспособили Песталоцци к своим потребностям, взяли то, что им было тогда полезно и нужно, построили начальную школу, ставшую в то время уже экономической и политической необходимостью, на основе методики Песталоцци, но вытравили из учения Песталоцци все революционное, все то, что хотя бы отдаленно напоминало педагогику трудящихся.

Чем же дорог и близок нам Песталоцци? Буржуазия замолчала то, что является ценным с нашей точки зрения у Песталоцци. Наше дело — восстановить Песталоцци во всей его целостности и целостности, отвергая те его рассуждения, где он выступает как сын своего века, отвергая его религиозность, целый ряд искусственных построений и т. д. Наша задача — понять его как великого друга бедняков, как энтузиаста в деле борьбы за лучшее будущее. Как ни слагалась личная жизнь Песталоцци, он всегда хотел быть с трудящимися, он хотел работать для них. Никогда, как бы политически он ни ошибался, он не вставал сознательно на сторону эксплуататоров и богачей. И тогда, когда он строит свою ферму в Нейгофе, и тогда, когда он приветствует Французскую революцию, и тогда, когда он содействует своей литературной деятельностью подавлению контрреволюционных выступлений в Швейцарии, и тогда, когда он обращается к Александру I с просьбой, почти требованием в самом скором времени уничтожить крепостное право, и тогда, когда он беседует к Наполеоном, и тогда, когда он его прокликает, — всегда и везде Песталоцци движим мыслью об интересах того общественного класса, с которым он связал себя на всю жизнь. Это — крестьянство, за исключением крестьян-богачей и кулаков. Это не тот класс, который является творцом социализма и коммунизма, но это тот класс, в союзе с которым пролетариат борется с эксплуататорами. Поэтому демократ-народник Песталоцци нам ближе, чем кто-либо, в особенности, если иметь в виду то, о чем нам приходилось уже говорить, именно то, что в ту эпоху пролетарское революционное движение еще делало свои первые шаги.

Пролетариат, придя к власти, строя социализм, не отбрасывает завоеваний человечества — наоборот, он тщательно взвешивает все добытое человечеством в течение многих сотен лет. Он отбрасывает грязь и шлак и берет ценное, перерабатывая это ценное в целях создания своей культуры.

Так же подходит он и к трудам Песталоцци. Трудовая политехническая школа Советского союза является высшим этапом в сравнении с тем, о чем мечтал Песталоцци. Но, поднимаясь выше, стоя на высших ступенях лестницы, мы помним, что одним из первых стал на нее великий друг бедняков Песталоцци. Одним из первых он пытался строить трудовую школу, поняв ее как социальную необходимость, поняв ее как классовую задачу трудящегося крестьянства. Его призыв к школьной активности, его требование психологического обоснования всего обучения, наконец его требование гармонического всестороннего воспитания, его указание на значение среды и многое другое в переработанном виде вошло в советскую марксистско-ленинскую педаго-

гику. Его педагогика в целом—не наша педагогика, но некоторые камни для построения великого здания коммунистического воспитания мы берем и у Песталоцци.

Демократ-народник, глубокий мыслитель и педагог, замечательнейший тип энтузиаста-общественника, искренне преданный друг трудящихся не может быть чужим в Стране советов.

Памятник Песталоцци в Ифертене

ЛИТЕРАТУРА

1. Pestalozzi. Sämtliche Werke, herausgegeben von Artur Buchenau, Eduard Spranger, Hans Stettbacher. Berlin und Leipzig. Verlag von Walter de Gruyter und Co, 1927 и сл. (Издание еще не закончено).
 2. Pestalozzi's sämtliche Werke, herausgegeben von Dr. L. W. Seyffert. Liegnitz. Verlag Karl Seyffarth, 1899—1920. 12 томов.
 3. I. H. Pestalozzi's ausgewählte Schriften. Mit Pestalozzi's Biographie, herausgegeben von Friedrich Mann. Sechste Auflage. 1925 — 4 тома.
 4. Избранные педагогические сочинения Генриха Песталоцци. Перев. В. Смирнова. Изд. 2-е. Москва 1909 (В серии «Педагогическая библиотечка», издаваемой К. И. Тихомировым под ред. Д. И. Королькова).
 5. K. von Raumer. Geschichte der Pädagogik. Zweiter Theil. Gütersloh. Verlag von Bertelsman. Siebente Auflage 1909.
 6. F. Delekat. Johann Heinrich Pestalozzi. 1926. Verlag Quelle und Meyer.
 7. Квик. Реформаторы воспитания. Перев. с английского Э. Перцовской. Москва, 1892.
 8. И. Зильберфарб. Песталоцци і революція. Державне Видавництво «Радянська школа» Харків, 1932.
 9. James Guillaume. Etudes révolutionnaires. Paris 1908 — 1909.
 10. Alfred Ruffer. Pestalozzi, die französische Revolution und die Helvetik. Verlag Paul Haupt. Bern, 1928.
 11. П. Монро. История педагогики. Изд. третье. Перев. с английского. «Мир» 197, ч. II.
 12. H. Morf. Zur Biographie Pestalozzi's. T. I—IV. 1868—1889.
 13. Paul Natorp. Pestalozzi, sein Leben und seine Ideen. 1919.
 14. Alfred Heubaum. Johann Heinrich Pestalozzi. 1910.
 15. Н. К. Крупская. Народное образование и демократия. «Жизнь и знание» 1917 г.
 16. Ellwood Cubberley. The history of Education. Houghton Mifflin Co. 1920.
 17. Е. Н. Медынский. История педагогики. Т. 2. 1930. «Работник просвещения».
 18. O. Hunziger. Pestalozzi, französischer Bürger. 1901.
 19. J. Guillaume. Pestalozzi, étude biographique. Paris 1890.
 20. Robert Seidel. Der unbekannte Pestalozzi, der sozialpolitiker und Sozialpädagoge. Zürich 1909.
 21. P. Natorp. Gesammelte Abhandlungen zur Sozialpädagogik.
 22. W. Leibersberger. Pestalozzi's sozialpolitische Anschauungen in ihrer Entwicklung dargestellt. 1927. Eichhorn Verlag. Ludwigsburg.
 23. К. Шмидт. История педагогики. М. 1881. т. IV—2.
 24. Я. В. Абрамов. Песталоцци, его жизнь и педагогическая деятельность
 25. А. Фортунатов. Теория трудовой школы в ее историческом развитии. Ч. I, «Мир», М., 1925.
 26. François Goux. Histoire de l'instruction et de l'éducation. 1906 (Есть русский перевод).
 27. Т. Циглер. История педагогики. Киев 1911. Изд. «Сотрудник».
 28. Herget und Toischer. Geschichte der Pädagogik.
 29. Ed. Burger. Arbeitspädagogik. 1923.
 30. R. Seidler. Arbeitsschu's. Arbeitsprinzip und Arbeitsmethode. Zürich 1910.
 31. Hermann Krüsi. Pestalozzi, his Life, Work and Influence. Cincinnati—New-York. 1875.
 32. J. Green. The Educational Ideas of Pestalozzi. Baltimore.
 33. H. Güttenberger. Pestalozzi und die Schulerneuerung der Gegenwart. И некоторые другие книги и журнальные статьи.
- Кроме того использованы энциклопедии и словари: Buisson'a (фр.), Monroe и Watson'a (англ.), Reim'a, Schwarz'a и Roloff'a (немецк.), Брокгауза и Эфрона (русс.).

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Глава I. Детство (1746—1761)	7
Глава II. Молодые годы Песталоцци (1761—1769)	15
Глава III. Любовь	26
Глава IV. Песталоцци—сельский хозяин и промышленник (1769—1774) .	32
Глава V. Социально-педагогический эксперимент (1774—1780)	40
Глава VI. Песталоцци—писатель (1780—1798)	51
Глава VII. Песталоцци и революция (1789—1798)	64
Глава VIII. Песталоцци — воспитатель и учитель (1798—1800)	73
Глава IX. Песталоцци — теоретик педагогики (1800—1804)	88
Глава X. Песталоцци — руководитель педагогического института (1800— 1825)	94
Глава XI. «Лебединая Песнь». Смерть	110
Глава XII. Итог	117
Литература	127
